против всех

Михаил Делягин

Россия для россиян

Михаил Делягин

Москва
«Алгоритм»
2007

УДК 82-94
ББК66.3(2Рос)8
Д29

Делягин М. Г.
Д 29 Россия для россиян. — М.: Алгоритм, 2007. — 368 с.
ISBN 978-5-9265-0436-8

«Я испытываю сильнейшее недоверие к официальной пропаганде. Наша официальная пропаганда слово «русские» использует только как синоним слова «фашисты». Государство уже начало антирусские этнические чистки в коренных русских районах.

Русские привыкли хотя бы к относительно нормальной жизни и высказывают государству недовольство, когда эти неписаные правила нарушаются. А беженцы с Кавказа никаких требований к государству не предъявляют и никакого недовольства не высказывают. Этим они очень удобны местным чиновникам, и при любом конфликте представители государства бессознательно встают на сторону тех, кто им удобен».

Эти слова известного экономиста, публициста и общественного деятеля М. Делягина очень точно отражают суть его книги «Россия для россиян», представленной вниманию читателя.

УДК 82-94
ББК 66.3(2Рос)8

ISBN 978-5-9265-0436-8

Предисловие

ОБРЕТЕНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ

Наиболее остро осознаваемая и, соответственно, наиболее остро стоящая проблема сегодняшней России — национальная.

Как экономист я признаю это вынужденно, с величайшей горечью.

В стране, в которой подавляющая масса населения бедна, которая практически не развивается, хотя государство и крупный бизнес угрожающе набухают нефтедолларами в то время, когда недостаточность инфраструктуры становится проблемой уже не только для прогресса, но и для повседневного нормального существования, в стране, в которой последовательно и со вкусом уничтожаются социальная сфера, а также здравоохранение и образование, чудом сохранившиеся в кошмаре 90-х годов, в стране, задыхающейся под спудом тотальной коррупции, переходящей в силовой рэкет, — в нашей стране главной проблемой стала не социально-экономическая.

Российское общество предельно атомизировано, социальная ткань практически разрушена, и единственная тема, которая помимо всех Кондопог, Ставрополей и издевательских судилищ над российскими офицерами заставляет 80% населения страны реагировать активно, одинаково и предсказуемо, — это национальная тема.

Это позволяет судить о том, до какой степени разложения дошло российское «государство», — теперь его дейст-

вительно надо писать в кавычках — и до какой степени оно допустило обострение «дружбы народов».

Не просто безусловной заслугой, но и главным достижением первого срока Путина стало осознание самостоятельности и самоценности России. Воспринимаемая ранее как случайный обломок некогда великого и могучего Советского Союза, брошенный роком в кромешные водовороты истории, Россия именно при Путине и во многом благодаря ему осознала нормальность своей отдельности, отделенности от других клочков СССР. Именно в первый срок Путина, во многом в результате второй чеченской войны наша Родина обрела собственную гордость и представление о собственном национальном (то есть общественном) достоинстве.

Российский патриотизм оформился и стал доминировать в общественном сознании после дефолта 1998 года, и Путин сумел опереться на него и использовать его, «поймав волну» народных чаяний и став их сколь угодно непривлекательным, но внятным и последовательным выразителем. Тем самым он укрепил и узаконил российский патриотизм, сделав его из враждебного государству недоразумения повседневной нормой жизни.

Однако этот патриотизм был преимущественно негативистским, не только рожденным, но и выражающим себя в противостоянии, в «отстраивании» от окружающего мира. Недаром наиболее удачные (а точнее, первые и последние в нашей стране удачные) выражения национальной идеи Путиным — «мочить в сортире!» и «кто нас обидел, три дня не проживет» — носили негативный, а не позитивный характер, выражали не наши содержательные ценности, а наше отличие от наших конкурентов как ценность.

Логичным было бы ожидать, что второй срок путинского президентства станет временем артикулирования и закрепления в общественном сознании наиболее важной, позитивной части национальной идеи и, таким образом, временем складывания национального мифа. Это исключительно важно, так как именно такой миф — концентрированное

выражение достоинств и преимуществ страны — делает ее привлекательной для той или иной части человечества и не только объясняет, но во многом и обусловливает ее роль в общем развитии мира.

Но русский бог лукав.

Как мы знаем, этого не произошло — и, скорее всего, при действующем президенте и его соратниках, какое бы время они ни оставались у власти, уже не произойдет, и поэтому становление самосознания России, завершение артикуляции ее позитивной национальной идеи и самоидентификации в целом откладывается на неопределенное будущее.

Причина этой трагической неудачи, остановившей формирование новой российской цивилизации, вульгарна, как стыдная болезнь, и заключается в предельном эгоизме нынешней элиты.

Пройдя в годы деградации и тотального разложения жесточайший отрицательный отбор, современная элита стала элитой именно потому, что, не испытывая никаких сентиментальных чувств к своей стране и своему народу, грабила и разрушала их с наибольшей эффективностью.

Непосредственно это выражается в коррупции, ставшей основой государственности до такой степени, что борьба с ней в ряде случаев воспринимается именно как конституционное преступление— подрыв основ самой российской государственности.

Инфернальный эгоизм, запредельное равнодушие к собственной стране и полная отстраненность от народа являются родимыми пятнами нынешней элиты, не только не отрицающей ельцинскую, но являющуюся ее гармоничным продолжением и усугублением.

Все это не позволяет выразить позитивные ценности народа, позитивный аспект национальной идеи по тем же самым причинам, по которым вор не может выразить идеи неприкосновенности чужой собственности: эти ценности не просто глубоко враждебны нынешней российской элите, но

и попросту несовместимы с ее существованием в современном, наиболее комфортном для нее качестве.

Между тем новая российская нация — новый, уже не царский и не советский сплав, но на основе все того же русского народа, являющегося вечной основой, сутью и смыслом наших цивилизаций — рождается на улицах.

Не на баррикадах, — там она лишь проявляется, периодически напоминая о своем существовании, — но в гуще повседневной жизни.

Господь являет себя в мелочах, — народ, еще не объявленный, но уже родившийся, являет себя в повседневности.

Удивительно, но у нас общие ценности.

Российское общество при всей своей внутренней разнородности, раздраженности и даже прямой вражде, уже достаточно давно стихийно провело синтез социальных, либеральных и патриотических ценностей, выделившихся и поначалу обособившихся друг от друга на переломе 80-х и 90-х годов.

В современной России эти ценности прямо подразумевают друг друга.

В самом деле: честный (не только честно думающий, но и честно чувствующий) либерал не может не ощущать, что бедный не может быть свободным, что свобода подразумевает достаток. А это автоматически делает его не только сторонником социальных ценностей, но и патриотом, потому что в глобальной конкуренции не только достаток и собственность, которая является либеральной ценностью, но и свободу приходится защищать на национальной основе.

Честный сторонник социальных ценностей видит, что их надо защищать. Защита от внешних конкурентов делает его патриотом, защита от внутренней бюрократии и чрезмерной алчности бизнеса — либералом.

Наконец, честный патриот чувствует, что ни раб, ни нищий не будут защищать отечество — и поэтому граждане должны быть свободны и богаты, насколько это возможно.

А это делает патриота сторонником либеральных и социальных ценностей.

«Элита», закостеневшая в начале 90-х, не позволяет этому синтезу артикулироваться в конкретных требованиях, политических и медийных структурах, но возможности ее сопротивления стихийному и повсеместному давлению российского общества близки к исчерпанию.

У нее вообще получается все меньше, и она все чаще терпит поражения и неудачи в манипулировании собственным народом, казалось бы, отданным ей в вечное, почти крепостническое владение.

При всей остроте национального вопроса его если и не полное решение, то, во всяком случае, гарантированное кардинальное смягчение требует всего лишь четырех элементарных действий, технологически доступных даже современному российскому государству:

- полного, категорического отказа государства от использования разжигания межнациональной розни для решения текущих политических задач (учитывая вероятное влияние на так называемых «скинхэдов» и прочих подобных группировок силовых структур это, насколько можно понять, будет означать резкое снижение их активности, вплоть до полного паралича);
- действенная борьба с этнической организованной преступностью, наглядная безнаказанность которой является главным фактором обострения межнациональных отношений и сохранения межнациональной розни;
- социально-экономическое развитие депрессивных регионов России с жестким пресечением политики деруси¬фикации, проводимой руководством ряда республик в составе Российской Федерации (при этом программы развития станут вполне действенной платой за пресечение этой политики);
- качественное ограничение коррупции в аппарате государственного управления, без которого в принципе невозможны как борьба с оргпреступностью, так и развитие регионов.

Беда в том, что нынешнее государство, призванное обслуживать лишь личное потребление правящей бюрократии, в принципе, по самой своей природе не способно не то что искоренять, но даже ограничивать коррупцию, так как последняя является его структурообразующим элементом.

Точно так же, как когда-то в нашей стране «не стояло село без праведника», любовно выстроенная и выпестованная сегодняшняя «вертикаль власти», насколько можно понять, «не стоит» без коррупции.

Кроме того, правящая бюрократия просто не обращает внимания на свою страну и действует в отношении нее по широко известному принципу «малютка-не-надрывайся»; она не будет осуществлять даже совершенно необходимых для существования общества, но не приносящих личных прибылей и иных выгод ее членам действий просто потому, что ей незачем это делать: она полностью свободна от всякого внешнего влияния и от всякого контроля.

Поэтому решать вопросы развития России, в том числе и наиболее острый, наиболее вопиющий национальный вопрос, а если быть более точным, вопрос созидания новой российской цивилизации и новой самоидентификации просто некому.

Как это ни прискорбно, русский народ не может решить его самостоятельно в силу самой своей симбиотической природы: мы существуем в симбиозе с государством, делегируя ему значительную часть нашей индивидуальной свободы и ответственности точно так же, как истово верующий человек делегирует Богу и представляющей его церкви значительную часть своих личных свобод, по крайней мере при принятии тех или иных решений.

Это неотъемлемая, смыслообразующая часть нашей культуры.

Это источник нашей непредставимой для постороннего силы — и это же источник нашей столь же непредставимой для постороннего слабости.

Именно эта глубочайшая внутренняя связь с государством является критерием, четко отличающим нашу цивилизацию на всем ее протяжении от царей через Советский Союз и до нашего времени — вне зависимости от того, называть ли ее «российской» или «русской», — от всех остальных.

Именно это чувство единства со всеми «своими» через не только общую историю и культуру, но обязательно и через нелюбимое, неэффективное, раздражающее и враждебно воспринимаемое, но в то же время «свое» государство отличает представителей различных национальностей, спаянных в русский народ и российское общество, от других представителей тех же национальностей, в том числе и русских по крови и даже культуре, не являющихся частью нашей единой цивилизации.

И задача оздоровления государства, сторонняя и внешняя для представителей большинства других наций, для русского и россиянина является задачей глубоко внутренней — задачей оздоровления коллективной души собственного народа, обретения коллективной самоидентификации, не поверхностного, но глубоко внутреннего преображения России.

Решение этой задачи почти автоматически решит основные наши проблемы, включая и проблему самоназвания.

Я знаю, как огромное число россиян — далеко не только русских по национальности и даже культуре — не любит слово «россияне».

Его, как предназначенные для обесценения, а значит, грабежа зазевавшихся деньги, ввел в оборот Ельцин — хотя придумали его как торжественное обращение еще при Николае И.

Но, поверьте, это самая малая проблема из стоящих перед нами. И в процессе оздоровления государства,— то есть позитивной, конструктивной, созидательной и самосозидающей самоидентификации, этот вопрос решится автоматически, путем многократного повторения и проговора на улицах.

Массовый русский язык в своей живой гибкости выражает принятое народом решение задолго до того, как тот успевает осознать, что вообще была какая-то проблема; так будет и в этом случае.

А главная наша проблема в том, что против нас весь мир, — не то чтобы нас кто-то особо не любил, спекуляции на эту тему всего лишь отражают извращенную манию величия отдельных сотрясателей воздуха, но потому, что мы слабы и богаты.

Менее 2% населения Земли контролирует более 20% ее природных ресурсов — это совершенно объективно является вызовом всему остальному человечеству, и богатому в своей алчности, и бедному в своем отчаянии, и, значит, все это надо защищать.

И потому Россия должна служить не США, не Европе, не Китаю и даже не Азербайджану. Россия не только «по умолчанию», но и вполне явно и откровенно должна стать формой самоорганизации и удовлетворения нужд и интересов россиян. И нас в принципе не должно волновать, считает ли кто-то в остальном человечестве наши интересы обоснованными или же надуманными: это наши интересы, и этого должно быть вполне достаточно и для нас, и для всех остальных.

Россия должна быть пространством не для воров и обманщиков, не для коммерческих и силовых олигархов, не для западных и восточных миссионеров — Россия должна быть пространством для россиян.

Эта цель объективна, и задача здоровых сил России заключается не в самом ее достижении, но в достижении ее в кратчайшие сроки и при минимизации потерь.

Часть 1

ИЗ РОССИИ ОТЧАЯВШЕЙСЯ БУДЕТ РОССИЯ БЛАГОСЛОВЕННАЯ

ЦЕЛЬ ОТВЕТСТВЕННОЙ ОППОЗИЦИИ - ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЕДИНСТВА И ЦЕЛОСТНОСТИ НАШЕЙ РОДИНЫ

Вступительное слово на организованной М.Г.Делягиным научно-практической конференции «Деятельность ответственной оппозиции в революционных условиях»

30 августа 2005 года, конференц-зал мэрии г.Москвы

В работе конференции приняли активное участие Д.О.Рогозин («Родина»), А.А.Пионтковский («Яблоко»), Э.В.Лимонов (НБП), И.В.Стариков и Б.Б.Надеждин (СПС), представители КПРФ, ряда других оппозиционных организаций — всего 182 участника, из которых 55 не поместились в зале и сидели в фойе у монитора.

Уважаемые коллеги, дамы и господа, товарищи!

Прежде всего позвольте от всего сердца... отключить мобильные телефоны... и завершить посторонние разговоры. .. Спасибо! И только во вторую очередь я — потому что для меня это действительно высокая честь и действительно очень большая ответственность, — благодарю вас за участие в конференции, открывающей новый политический год.

Правда, на самом деле новый политический год уже начат — как обычно, ночью и, как обычно в России, властью. Календарный год начинается поздравлением россиян пре-

зидентом Путиным, а политический начат поздравлением оппозиции правящей бюрократией.

Этой ночью группа вооруженных бандитов, обслуживающих «социально близкую» им власть, идейно вдохновленная и, вероятно, обученная и направленная представителями этой власти, попыталась взять штурмом здание Московского горкома КПРФ, чтобы сделать с коммунистами то, что они уже привыкли делать с нацболами.

И сегодня среди нас нет нескольких наших коллег — одних из-за того, что они очень серьезно пострадали при этом нападении, а других, в том числе представителей руководства КПРФ, потому что они пытаются сейчас заставить силовые органы, которые все еще по инерции называют «правоохранительными», начать исполнять свои непосредственные служебные обязанности.

Мы будем сегодня говорить о солидарности, но что может быть более ярким ее примером, чем национал-большевики, жестоко пострадавшие при защите горкома Коммунистической партии Российской Федерации!

Это преступное нападение показало, что у власти не осталось никаких других содержательных аргументов в поддержку своей позиции, кроме бандитских дубинок. По сути дела государство, представители которого так велеречиво разглагольствуют о международном терроризме, насколько можно понять, само перешло к неприкрытому террору против собственных неугодных ему политически активных граждан.

И это не случайность, не проявление чьей-то частной злобы или ошибки, а объективная системная закономерность. Думаю, через не очень долгое время бандитские дубинки будут уже открыто и официально, без какого бы то ни было стеснения заменены на дубинки милицейские.

Ведь историческая роль Путина заключается, прежде всего, в завершении известного под псевдонимом «реформы» 15-летнего процесса освобождения российской бюрократии от всякого внешнего контроля.

Эта роль сыграна до конца.

Бюрократия получила полную свободу произвола в отношении населения и бизнеса. Демократия как институт принуждения государства к ответственности перед обществом практически искоренена.

Авторитарная модернизация в сложившейся ситуации невозможна в принципе, так как требует ответственности элиты перед обществом. А нынешняя элита возникла в результате осознанного разрушения и разграбления своей страны, и для нее ответственность перед этой страной недоступна в принципе.

Коммерческая олигархия эпохи Ельцина побеждена, но не государством, а еще худшей — силовой олигархией. Ее члены тоже стремятся исключительно к получению денег, а не общественному благу, но присваивают чужие деньги при помощи контроля уже не за гражданскими, а за силовыми ведомствами.

В результате воровство уступило место грабежу, а коррупция — силовому рэкету и неприкрытому насилию. Пусть «дикий», но все же капитализм заменен военно-полицейским феодализмом.

В стране произошла ползучая тайная национализация, при которой огромная часть формально остающегося частным бизнеса поставлена под контроль силовой олигархии. Многие бизнесмены, по сути, низведены до положения советских директоров, которые обязаны беспрекословно подчиняться обкому партии и несут всю полноту ответственности за последствия его указаний. Отличие в том, что прибыль от национализованного «теневым образом» имущества служит не государству, не обществу в целом, а силовой олигархии, то есть частным лицам, превратившим в инструмент личного обогащения насилие и угрозу применения насилия от имени государства.

Россией правит парадоксальный, но очень органичный симбиоз либеральных фундаменталистов, отбирающих деньги населения в пользу бизнеса, и силовой олигархии, отбирающей эти же деньги у бизнеса для личного непроизводительного потребления. Эта экономика носит несравнимо бо-

лее «самоедский» характер, чем советская. По сути дела, это двухступенчатый пищеварительный тракт, переваривающий Россию и в принципе не способный к развитию.

Прекращение развития делает невозможным длительное сохранение стабильности и даже в условиях растущего притока нефтедолларов неизбежно порождает системный кризис и революционные изменения, открывающие в конце концов дорогу модернизации.

Да, запас прочности — и не только финансово-экономический, но и институциональный, политический, эмоциональный — исключительно велик. Но он неутомимо разрушается самой правящей бюрократией, гарантированная безнаказанность которой в сочетании с полной безграмотностью является самым страшным оружием массового уничтожения.

Правящая бюрократия, по сути, занимается в основном грабежом. Профессионалы управления отторгаются ею просто потому, что стремление к профессиональной самореализации отвлекает их от главного занятия, из-за чего они с неизбежностью проигрывают внутриаппаратную конкуренцию.

Результат — стремительная и наглядная уже не просто деградация, но дебилизация государственного аппарата управления, рост количества и, главное, разрушительности совершаемых им ошибок, которые просто нельзя предвидеть, как нельзя предвидеть всякую иррациональную деятельность. Анализ действий правящей сегодня бюрократии — занятие не столько, для политолога, сколько для психиатра.

Другой важный и также не поддающийся количественной оценке фактор разрушения «запаса прочности» известен как «парадокс криминального менеджмента». Когда в первой половине 90-х бандиты облагали данью предприятия, они не интересовались конъюнктурой — и в результате не контролируемый даже ими самими рост их аппетитов рано или поздно с неизбежностью разрушал эти предприятия. Сегодня рост аппетитов силовой олигархии приближается к пределу возможностей экономики, и удорожание нефти, как и

снижение официальных налогов, способно лишь немного отсрочить неизбежный крах. Напомню, что вымогаемые у бизнеса взятки за годы правления Путина выросли, по расчетам на основе оценок фонда ИНДЕМ, почти вчетверо — с 10,9% ВВП в 2001-м до 43,1% ВВП в 2005 году.

Личная нажива как главная цель не объединяет, а разъединяет элиты. В результате естественная внутренняя конкуренция лишается всяких ограничений, и бюрократы начинают подсиживать друг друга с помощью инициирования кризисов, разрушительных для всей страны.

Таким образом, правящая бюрократия, освободившись от всякой ответственности, от всякого внешнего контроля стала главным фактором, разрушающим стабильность, подрывающим пока еще большой «запас прочности» нашего общества. Сохранение этого положения — сохранение путинизма как политической системы — несовместимо не только с дальнейшим развитием, но и с самим существованием нашей Родины.

Оценивая перспективы системного кризиса, мы не можем забывать и о психологическом факторе. Господство информационных технологий качественно повысило его значимость по сравнению с началом и даже серединой прошлого века.

Сегодня в обществе растет раздражение.

Бедные видят, с какой поистине изуверской заботой государство ограждает их от золотого дождя нефтедолларов.

Средний класс терзается повсеместным бюрократическим беспределом, растущим долговым бременем вроде бы полезного потребительского кредита, страхом перед агрессией силовой олигархии и межнациональными проблемами.

Ну, а богатые страдают классической тюремной болезнью — «сенсорным голоданием». У них и вправду есть все — кроме возможности самореализации, раздавленной могильной плитой силовой олигархии. Как писал Шварц, «сытость в острой форме — это смертельно опасно для окружающих».

Таким образом, системный кризис и последующие революционные изменения, каким бы странным это ни казалось сейчас, неизбежны. «Спусковым курком» могут стать самые разные события, включая любую внезапную техногенную или социальную катастрофу, спровоцированную самоубийственными «реформами».

Но что именно станет «спусковым курком» — не так уж и важно.

Нам, собравшимся здесь, не надо заниматься революцией: это не наше дело. Как в свое время сказал Херст фотографу, удивленному, что его посылают на еще не начавшуюся войну: «Ваше дело — обеспечить фотографии, а обеспечить войну — это мое дело».

С организацией системного кризиса, с этой грязной работой правящая бюрократия справится заведомо лучше любого из нас.

И мы не можем остановить ее, потому что ее ресурсы пока еще на порядок превосходят наши.

В этом нет ничего хорошего, потому что революция — это не молодежный хеппенинг, а кровь, гной и слезы невинных детей. Это судороги общественного организма, поставленного безграмотными и безответственными авантюристами на грань агонии. Хуже революции только война! — но мы вновь, как в 1997—1998 годах, не можем остановить движение России к системному кризису, направляемому железной рукой слепой и алчной правящей бюрократии.

Наша задача не разрушительная, не слом путинизма: свою коллективную шею они сломают сами.

Наша задача — и это большое историческое счастье, совершенно не заслуженный нами исторический подарок — сугубо созидательна: сделать так, чтобы вместе со своей шеей они не переломили хребет и всей стране.

И я собрал вас здесь, чтобы мы начали думать, а если повезет, то и говорить именно об этой проблеме.

Перед нами стоит абсолютно созидательная задача: как минимум — сохранение территориальной целостности Рос-

сии во время системного кризиса, как максимум — скорейшее прекращение предстоящего нам революционного хаоса и установление цивилизованного порядка. Мы не можем предотвратить системный кризис, но — общими усилиями — можем сделать его предельно коротким и наименее разрушительным.

Да, большинство из нас будет бороться за власть, но это индивидуальная, а не коллективная задача и — я не лукавлю, это главное — задача второй очереди. Только маньяк не видит, что лучше быть третьей политической силой в Германии, чем первой — в Сомали, что в Швейцарии даже тюрьма намного комфортнее и безопаснее, чем дворец в Афганистане.

Наверное, рано заключать конкретные союзы. Рано договариваться о конкретных действиях. Но пришло время всерьез и со всей полнотой ответственности задуматься о будущем, чтобы не опоздать, чтобы быть готовыми к нему, чтобы оно не застало нас врасплох, чтобы мы, в отличие от нынешнего и прошлых руководителей России, смогли справиться с обязанностями, которые история — уже через три года! — беспощадно возложит на нас.

Сегодня Россия разделена не на коммунистов и демократов, не на тружеников и олигархов и даже — я скажу циничную вещь — не на сторонников и противников власти.

Россия разделена на тех, кто стремится к объединению всех здоровых сил страны, то есть сил, желающих ей блага и процветания на службе общественным интересам,— и тех, кто по разным причинам и под прикрытием разных предлогов жаждет их разъединения.

Сектанты разнообразны. Это и больная — и преобладающая — часть правящей бюрократии, рассматривающая страну и весь народ как коврик для вытирания своих грязных ног, и бесчисленные разнообразные крикуны, одинаково считающие себя пупом земли.

Я надеюсь, что в этом зале собрались представители другой, первой России, которая знает, что личное благо невозможно без общественного.

Мы пришли к этой азбучной истине разными, часто извилистыми путями, с разных, часто противоположных сторон.

Но мы пришли к ней! — и поэтому именно мы представляем сегодня интересы и будущее России как единого целого, как нарождающегося и с трудом встающего на ноги, но неразрывного синтеза социальных, патриотических и либеральных ценностей.

Если мы справимся, будущее будет принадлежать нам.

Если нет — Бог с нами, себя не жалко, но у России не будет будущего и не будет истории, а будет одна лишь археология.

Выживание в системном кризисе, постреволюционное обустройство и даже модернизация — все это цветочки перед задачей, которую предстоит решать нам потом: созидание качественно новой, российской цивилизации.

Но первый и главный сегодня шаг — это сохранение России в предстоящей революционной буре.

И потому я прошу вас говорить, как с большинством договаривались, о главном: каким будет системный кризис, что можем сделать для обеспечения в ходе этого кризиса территориальной целостности России и цивилизованного порядка в ней все мы и, наиглавнейшее, — что будет делать для этого каждый выступающий, каждый из нас.

«ЛИЦА КРЕМЛЕВСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОСТИ» НИКОГДА НЕ СМОГУТ СТАТЬ РУССКИМИ

Выступление на круглом столе «Гражданское общество и защита прав русского народа», организованном клубом «Реалисты» и Русским информационным центром 20 ноября 2006 года

Уважаемые коллеги.

Позвольте начать с самоочевидных общих мест, не вызывающих сомнения.

Прежде всего, в соответствии с путинскими законами и путинским судопроизводством, экстремизмом в современной России может быть признана практически любая критика начальства, которая этому начальству не понравится.

Все мы знаем, что правящая бюрократия, столкнувшись примерно два года назад с ростом народного негодования своей людоедской политикой, действуя по принципу «разделяй и властвуй», насколько можно понять, перешла от разжигания социальной вражды к разжиганию вражды национальной. Напомню, что Конституцией запрещено не только второе, но и первое — разжигание социальной вражды, — но кого в нашем руководстве это волнует?

Если в 2003 году общество натравливалось на олигархов, то с 2004 года оно стало, с одной стороны, натравливаться на «гастарбайтеров» и «инородцев», а с другой — на «русских фашистов», которых сначала придумали, а потом превратили в обозначение едва ли не всех русских как таковых, в обозначение едва ли не всех, кто уважает себя и свое достоинство.

По всем ощущениям, насаждение русофобии стало нормой государственной политики, в том числе в средствах массовой информации. По всем ощущениям, насаждение и пропаганда русофобии стали обоснованием и инструментом уничтожения политических свобод и лишения граждан России последних политических прав — замечу, в целом при одобрении Запада, который использует положение с политическими правами и свободами в России исключительно как инструмент ведения торга по конкретным коммерческим или стратегическим вопросам.

Эти условия не только обнажили известные нам слабости русского народа.

Эти условия болезненно выпятили привычную, старую проблему российского правозащитного движения, порожденную его европейской, западной по своему характеру, цивилизованностью.

Современная западная демократия исходит из того, что большинство практически любого общества способно за-

щищать свои интересы автоматически и не нуждается при этом ни в какой поддержке.

Эта ситуация, хотя и в специфическом виде, существовала и в Советском Союзе, и правозащитное движение унаследовало этот подход как родовую травму.

Потому что в современной России большинство по вполне понятным культурно-историческим и политическим причинам не может защитить себя. В этих условиях забвение интересов большинства и эффективная защита интересов меньшинства объективно разрушают общество и поэтому, строго говоря, являются антиобщественной деятельностью.

Мы видели это на примере позиции правозащитников по отношению к Чечне, когда они по сути дела поддержали геноцид ее невайнахского, в первую очередь русского населения. Мы видели это на примере дела Иванниковой, которую чуть не посадили за то, что ее пытался изнасиловать армянин, а она смела попытаться защитить себя. Мы видим это на общем подходе, когда преступление русского против представителя иной национальности рассматривается как межнациональный конфликт, а преступление представителя иной национальности против русского — как бытовое преступление.

Понятно, что в этих условиях либо традиционное правозащитное движение постепенно изживет свою ошибку и начнет защищать всех, а не только некоторых, — и определенные подвижки к этому были, например, во время протестов против монетизации льгот и лишения граждан России права на жилье, — либо большинство, не желая умирать, породит собственное защитное движение, в том числе и правозащитное. Это новое правозащитное движение поневоле будет конкурировать со старым и неминуемо вытеснит его просто потому, что будет служить всем, а не только избранным.

Надо сказать, что я являюсь последовательным сторонником первого пути, но все мы видим, что в реальной жизни реализуется второй, ибо правозащитное движение боль-

шинства, еще не сложившись и даже не начав действовать, уже вытеснило из общественного сознания традиционных правозащитников. Об этом свидетельствуют многие уголовные дела, да и отношение общества к намерениям ввести суд присяжных в Чеченской республике, который — это понятно — легко может стать в лучшем случае инквизицией, а то и органом террора против российских военнослужащих и против российского общества в целом.

Данные вопросы можно обсуждать сколь угодно долго, но ситуация понятна, прозрачна и самоочевидна. Жизнь уже ответила на эти вопросы, и последует ли российская интеллигентщина за жизнью или будет заниматься привычным малоинтеллектуальным онанизмом, никого, кроме нее, не интересует и, по большому счету, не касается.

Реальный вопрос заключается совершенно в ином: кого мы признаем русскими, полностью равными себе и признаваемыми «своими»?

Есть два принципиальных ответа, два принципиально разных пути определения «русскости»: по крови и по культуре.

Выбор этих ответов для меня диктуется не нормами морали — я вполне допускаю, что у многих людей она своя, — а голым политическим прагматизмом.

Среди нас, и в России тоже, и в Москве, есть огромное число людей, которые никогда и ни при каких обстоятельствах не смогут стать русскими по крови. Я помню, каким сложным в определенных сферах жизни в СССР было положение полукровок, искренне воспринимавших себя русскими в то время, когда окружающие не менее искренне считали их евреями. И кончилось это плохо: массовой эмиграцией.

И мы должны определиться, здесь и сейчас, сами с собой, чего мы хотим от этих людей.

Мы хотим, чтобы они были нашими врагами и работали против нас?

Или мы хотим, чтобы они были нашими союзниками работали с нами и в конечном счете на нас — так же, как мы в рамках честного сотрудничества будем работать на них?

Потому что от глобальной конкуренции — а мы участвуем в ней и во внутренней политике тоже — нельзя спрятаться под диван, она оставляет каждому только две позиции: либо по нашу сторону баррикад (или торговых сделок, или стола переговоров), либо по другую сторону.

Так вот, я хочу, чтобы всякий, кто в принципе, теоретически может работать со мной и тем самым отчасти на меня, работал со мной и на меня. А моими врагами, пытающимися меня уничтожить, становились только те, кто никем другим по объективным и никем, никогда и никак не преодолимым причинам быть не может.

А это означает, что от принципа крови при определении русскости мы должны решительно и категорично уйти к принципу культуры и сделать этот выбор осознанно и четко для самих себя.

Не потому, что вот эта еврейская девушка симпатична, а с тем грузином мы когда-то славно выпивали.

И не потому, что где-то и когда-то жил вечно живой в нашей памяти подонок Гитлер, который испортил репутацию принципа крови.

А потому, что иметь друга или, если он вам лично Неприятен, союзника в целом лучше, чем иметь врага. Из этого правила бывают исключения, но из разряда тех, которые лишь подтверждают правило.

И поэтому я думаю, что нам следует четко зафиксировать, хотя бы для самих себя, что русский — это не тот, у кого папа и мама русские, а тот, кто говорит по-русски, думает по-русски, носит в себе русскую культуру — пусть даже иногда и в неприглядных ее проявлениях, — и, главное, тот, кто хочет и, что очень важно, может жить в России по русским бытийным законам, по русским правилам общежития.

Это требует определенного великодушия и большой воспитательной работы — с использованием как кнута, так и пряника.

По официальным данным переписи 2002 года, в России живет 288 тысяч человек, считающих себя русскими и при этом не владеющими русским языком. Если поверить, что перепись не врет и они действительно существуют, — они могут считать себя хоть марсианами, но не могут быть русскими, потому что не знают русского языка.

Позвольте мне рассказать одну историю, действительно случившуюся в реальной жизни. Когда после войны бежавших на Запад выдавали Сталину, англичане выдали почти всех. А американцы дали возможность 10 тысячам русской элиты спастись и уехать в Америку. Помимо этих 10 тысяч русских они принимали решение и в отношении других национальностей — и, поскольку кого-то надо было все-таки выдавать, они решили выдать калмыков, которых всего было 500 человек.

И тогда руководители 10 тысяч русских заявили американцам, что если они выдадут калмыков, то русские не поедут в Америку, и американцам придется выдать Сталину и их. И объяснили: «Это для вас они калмыки, а для нас они русские калмыцкого происхождения».

Они действительно очень серьезно рисковали — причем не только своими собственными жизнями, но и жизнями членов своих семей. Но им повезло — американцы их поняли.

И мне очень неприятно, что те вещи, которые достаточно ограниченные американцы, для которых все это, в общем, является посторонними и не касающимися их вопросами, понимали 60 лет назад, сегодня не понимают многие мои развитые и разумные соотечественники, для которых это является вопросом личного физического выживания.

Это не значит, конечно, что мы должны или имеем право прощать кому бы то ни было агрессию против русских, как и другие виды разжигания межнациональной розни и дискриминации по национальному признаку.

Это не значит, что мы смеем прощать такую агрессию — наши оппоненты, если им по-христиански подставлять щеку, бьют по ней в лучшем случае бейсбольной битой — такой уж у них обычай.

Да, руководители многих национальностей ведут себя в отношении подвластного им русского населения как фашисты, как крайне агрессивные националисты, как нерусь.

Но «священная война» с ними не должна распространяться на широкие массы подвластных им народов, одурманенных их националистической антирусской пропагандой, — разумеется, вне конкретных враждебных действий, совершаемых конкретными представителями этих масс.

То есть хан или бай, разжигающий и использующий в своих целях ненависть к русскому народу, — враг русского народа.

Подвластный ему и оболваненный им дурак, пока он не совершил преступлений, — не враг, а потенциальный союзник, подлежащий перевоспитанию и, грубо говоря, перевербовке.

Да, интеграционные способности разных народов различны, и русские китайского происхождения появятся намного позже, чем русские происхождения, например, молдавского. Но те, кто знает, например, безупречно русских забайкальских казаков, знает, что при должных усилиях и политике появятся и русские китайцы, хотя и позже.

И поэтому даже Рамзан Кадыров, к которому я отношусь почти как к президенту Путину, если сильно захочет, в принципе может стать русским.

Но вот основная часть владеющих и правящих нашей страной бюрократов русскими стать не смогут, даже если вывернутся наизнанку, — по той же причине, по которой не может стать русской Баба-Яга, всю жизнь жившая с ними бок о бок: они нерусь.

Но не потому, что некоторые из них — лица «кавказской» национальности, а потому, что они — лица национальности «кремлевской».

Ну так получилось: есть москвичи, которые по своей субкультуре отличаются от остальных жителей России,— это я как москвич говорю, а есть кремляди, как их сейчас называют, отличающиеся и от москвичей. Это я говорю как человек, который довольно долго и не один раз работал в Кремле.

Поэтому Кадыров — теоретически — может стать русским, а Дудаев, Чубайс, Березовский и иже с ними, словом, кремляди, будь у их хоть все предки русские до седьмого колена, русскими стать не смогут. Даже теоретически. Даже если изо всех сил захотят. Даже если у них родители и все предки до седьмого колена русские.

Потому что им подобные объективно являются врагами русского народа, потому что они осознанно уничтожают мешающий им русский народ, потому что своей политикой они убивают русских едва ли не сильнее, чем немецкие фашисты убивали евреев.

Разумеется, это относится не ко всем людям, работающим в Кремле или иных похожих местах: большинство и там честные люди, но погоду всегда и везде делает руководящее меньшинство.

Я напомню, что в любимое ныне в качестве примера Смутное время было довольно много попыток объединить российское общество против жалкого 3-тысячного отряда, засевшего в Кремле.

Эти попытки возглавлялись серьезными, уважаемыми людьми — «политическими тяжеловесами» того времени, они имели деньги, ресурсы и доверие, — и все они проваливались раз за разом, а непосредственно осуществлявшие их люди хорошо, если не получали репутацию предателей.

И лишь последняя попытка, денег почти не имевшая (Минин и компания вообще заложников брали, чтоб деньги собрать) и возглавлявшаяся людьми хоть и способными, но не родовитыми (а тогда это было очень важно), увенчалась успехом.

Отличие было только в одном.

Все провалившиеся попытки пытались собрать вместе всех представителей общества. Попытка Минина и Пожарского впервые отказалась от попыток поставить под общие знамена оппозиции, как тогда говорили, «воров».

И дело сразу же пошло.

И оказалось, что для правого дела, вершащегося правыми руками, надо, в общем-то, относительно немного сил, — а грязными руками его нельзя сделать вообще, как ни стараться.

И, думаю, это хороший урок и для нас сегодня.

Я говорю это как человек, который приложил, в том числе и в этом зале, огромные и долгие усилия ради объединения против правящей бюрократии всех здоровых сил общества.

Так вот: понятие здоровых сил не надо расширять до кожно-венерических диспансеров.

Союза с кремлядью, их представителями и пособниками — или, в терминологии, разумеется, исключительно начала XVII века «ворами» — быть не может.

Русский национализм — это не истерика национального меньшинства, но всеобъемлющий антибюрократический интернационализм. Когда-то давно интернационализм был только пролетарский, и в этом была его слабость; сегодня интернационализм — русский.

И последнее.

Вчера в Карелии, в Петрозаводске, закончили голодовку наши товарищи — депутаты городского совета, в рамках путинской политики выпалывания последних корешков демократии разогнанного тем самым Катанандовым, который так славно отметился в Кондопоге. Напомню, что трагедия в Кондопоге произошла именно из-за этой же самой политики «зачистки» самостоятельных местных властей.

Трое были госпитализированы, голодовка длилась почти три недели.

Так вот, я вас информирую: мне глубоко и чистосердечно плевать, кто они по национальности.

Мне плевать даже, кто они по партийной принадлежности, — там голодают и формальные члены «Единой России».

Я знаю, что они голодают, что они борются не только за себя, но и за весь русский народ, против диктатуры безродной кремляди, ради, как она говорит, «бабла» предавшей своих предков и свою страну, за возвращение русскому народу его свобод, его прав, его имущества, его национального и государственного достоинства.

И там, в Петрозаводске, они голодали и за нас. Здесь есть люди, которые знают, каково держать голодовку, думаю, что нам надо поддержать наших петрозаводских товарищей.

И я предлагаю, в рамках конструктивных позитивных действий, к которым нас призывали, принять резолюцию с простым и внятным требованием отставки Катанандова и дополнить лозунг, связанный с трагедией в Кондопоге, простым, логичным и понятным требованием: «Катанандов должен уйти!»

РОССИЯ - НЕ «КУРСК», ОНА НЕ УТОНЕТ

Выступление на съезде Конгресса русских общин (КРО)
9 декабря 2006 года

Здравствуйте, друзья.

Мы собрались здесь потому, что нам — всем вместе и каждому в отдельности, нашим родителям и нашим детям, нашим любимым — объявлена война.

Война на уничтожение, которая полтора десятилетия из года в год уносит когда 600, когда 800 тысяч, а когда и миллион человеческих жизней.

Ее объявили нам и ее уже много лет ведут против нас не гитлеровские фашисты, не американские империалисты

и даже не чеченские бандиты. Ее ведут против нас «иные»: враги рода человеческого, выведшиеся в самом жутком и чудовищном инкубаторе, который только знала история.

Нерусь и нелюдь— «лица кремлевской национальности».

Кремлядь, как их сейчас называют.

Они могут притворяться либералами или патриотами, они могут клясться долларами или Конституцией, они могут убивать полонием, пулями или решениями правительства, они могут быть разными, говорить что угодно и даже ненавидеть друг друга и воевать за те или иные лакомые кусочки.

Их объединяет одно: для них нет людей среди тех, у кого нет миллиона украденных долларов на зарубежном счету, квартиры в Лондоне, шале в Куршавеле, замка на Лазурном берегу.

Они воспринимают нас — весь народ России — как бессловесную и бессмысленную биомассу, существующую исключительно для переработки в их личное, персональное, ощутимое и потому единственно имеющее для них значение богатство.

Они превратили российское государство в чудовищную бездушную машину по переработке живых людей в свои личные миллиарды.

Они создали порядок, при котором государство и бизнес захлебываются от нефтедолларов, а 13% россиян не хватает денег на еду, 48% — на одежду, 87% — на простую бытовую технику. Они нагло врут нам про величие разоруженной и растоптанной ими богатой нефтяной России, в которой пенсионеры живут хуже, чем в бедной картофельной Белоруссии, а беспризорных детей едва ли не больше, чем после гражданской войны.

И они не стесняются недоумевать и негодовать по поводу естественного человеческого протеста, порождаемого их политикой унижения и уничтожения России.

«Лица кремлевской национальности» часто лично не злы и даже не хотят устраивать геноцид. Многие из них в

частной жизни — милые и приятные люди. «Ничего личного — только бизнес» — вот их девиз. Но они поставили себя так, заняли такую позицию и ведут такой бизнес, что их личные, конкретные, повседневные интересы не-совместимы с существованием России, с нормальной жизнью каждого из нас и с физическим выживанием наших детей.

Столкнувшись с ростом народного негодования своей людоедской политикой, действуя по принципу «разделяй и властвуй», они, насколько можно понять, перешли от разжигания социальной вражды к разжиганию вражды национальной.

В последнее время возникает устойчивое ощущение, что наглое и насильственное насаждение русофобии стало практически нормой государственной политики, в том числе в СМИ. Насаждение и пропаганда русофобии стало обоснованием лишения граждан России практически всех политических свобод — при общем одобрении Запада, который использует положение с демократией в России как инструмент торга по конкретным коммерческим или стратегическим вопросам.

Политика насаждения русофобии принесла свои результаты: убийство русского стало нормой жизни.

За 5 последних лет число неопознанных трупов возросло более чем в 5 раз, с 6 до более чем 30 тысяч в год, и большинство этих трупов — русские трупы.

Преступление, совершенное русским против представителя иной национальности, автоматически считается проявлением расизма, фашизма и ксенофобии; преступление же, совершенное против русского,— «бытовухой».

Граждане России доведены до последней степени одичания, до зверских убийств, подобных убийству в Тверской области, когда священника то ли из-за икон, то ли из-за выпивки сожгли вместе с детьми и беременной женой. И сейчас нам рассказывают, что, оказывается, это он сам — священник! — убил свою семью и совершил самоубийство.

Позиция государства представляется простой, однозначной и предельно понятной. В Кондопоге преступление со-

вершили не те, кто резал и убивал, а те, кого резали и убивали. Просто потому, что они были русскими. Думаю, если бы они представляли другую национальность, позиция государства была бы иной.

Когда говорят: «Русский священник с семьей просто задохнулись угарным газом»... это напоминает позицию польских властей, которые рассказывают, что десятки тысяч пленных красноармейцев никто не убивал — они вымерли от голода и болезней исключительно сами. Практически по своей собственной доброй воле. Я могу себе представить, какая истерика была бы поднята государством, если бы это был не православный иди не русский священник.

Почти любая попытка борьбы с этнической преступностью вызывает истерические обвинения в фашизме, потому что такая преступность наиболее удобна и наиболее угодна не отдельным переродившимся начальникам, но всему коррумпированному до мозга костей государству.

И в этих условиях президент Путин заявляет, что законы, позволяющие объявлять экстремизмом не только самозащиту, но даже простую критику начальства, законы, по сути дела запрещающие критику властей как таковую, — видите ли, недостаточно жестки. Похоже, следующий этап — введение внесудебных расправ над инакомыслящими и над всеми россиянами, имеющими чувство собственного достоинства. Правящая бюрократия пытается отнять у народа не просто право на самозащиту, но и само право на существование.

Говоря о русских как о «коренном населении», как говорят о «малочисленных народах Крайнего Севера», правящая бюрократия пытается низвести нас до положения национального меньшинства в стране, управляемой кремлядью, принадлежащей на правах собственности «лицам кремлевской национальности» и населенной неприхотливыми, покорными и на все согласными людьми из депрессивных регионов Средней Азии и Кавказа.

Но мы собрались здесь не для того, чтобы поговорить об этом.

Мы собрались здесь для того, чтобы сорвать эти преступные планы.

Чтобы нынешнему поколению «кремлевских мечтателей» пришлось хоть раз в жизни подумать о чем-то полезном или навсегда уйти со сцены истории.

У них ничего не выйдет.

Россия — не «Курск», она не утонет.

Когда-то мы дали приватизировать заводы и недра нашей страны, и сегодня они служат даже не нашим бандитам, а иностранным конкурентам, — кому угодно, кроме нашего народа, создавшего эти заводы и освоившего эти недра.

Придет время, и мы исправим эту ошибку.

Но сегодня окровавленные, грязные лапы правящей бюрократии тянутся к самому имени «Россия».

Мы не дадим им сделать имя нашей страны, имя нашего народа ругательством, а самих себя — изгоями в мире, от которых отшатываются с ужасом и стыдом, как от прокаженных — как сегодня отшатываются от самого имени российских реформаторов, коммерческих и силовых олигархов!

Сегодня патриотизм, патриотическое движение становится сутью и стержнем, квинтэссенцией борьбы за будущее России, за ее процветание и прогресс.

Патриотическое движение должно не отталкивать, но гармонично вобрать в себя и переработать, ассимилировать все здоровые силы общества, не приемлющие диктатуру коррупции и насилия — под видом диктатуры закона, борьбу с Россией — под видом борьбы с экстремизмом, разжигание межнациональной розни — под видом противодействия ей.

В оппозиции есть патриоты, либералы и борцы за социальные ценности, то есть коммунисты.

Но если отбросить шваль и мерзость, присосавшуюся к либеральным ценностям, приватизировавшим и извратившим их, — разве патриоты не либералы?

Мы же знаем, что раб и холуй не будет защищать свою Родину — он способен мечтать лишь о новом хозяине. Я еще

помню, как говорили в очередях ветеранам: «А если б не ты, мы бы сейчас баварское пиво пили, а не за жигулевским давились». Это не только анекдот, так бывало, хотя и очень редко.

А это значит, что для свободы и независимости Родины ее граждане должны быть свободными. А это и есть подлинный либерализм — не по-чубайсовки, не по-гайдаровски, не по-бандитски, а по-честному.

С другой стороны, нищий человек тоже не сможет защитить Родину. Во-первых, у него для этого просто сил не будет, а во-вторых, он о куске хлеба будет думать, а не о суверенитете. Кто знает, что такое голод, меня поймет.

А это значит, что для свободы и независимости нашей Родины ее граждане должны иметь нормальные социальные права. И это делает честного патриота если и не сразу коммунистом, то, во всяком случае, последовательным сторонником социальных ценностей.

Бандиты всех мастей страшатся растущего самосознания русского народа и пытаются вбить между нами клинья, разделить нас на патриотов, либералов и коммунистов, натравить друг на друга и затем перебить поодиночке. Главный вопрос, который задают бывшие журналисты, отрекшиеся от своей благородной профессии и пошедшие в штатные и внештатные «соловьи Старой площади», — да как же вы, патриоты, можете общаться с либералами? Да как же вы, либералы, можете общаться с коммунистами? Да как же вы, коммунисты, можете общаться с патриотами? Вы же такие хорошие, а они — такие плохие!

Отвечаю: ради счастья и благополучия нашей великой Родины мы можем и вполне готовы общаться даже с кремлевскими «жырнолиздами».

Мы люди, а не быдло, которым хотят сделать нас «лица кремлевской национальности». Никому и никогда больше не удастся поссорить тех, кто любит свою. Родину и верно служит ей.

Конечно, во всяком движении есть люди, а есть предатели.

Союза с кремлядью, их представителями и пособниками или, — в терминологии, разумеется, исключительно начала XVII века «ворами», — быть не может.

Их можно использовать — и прекрасный пример такого использования дало ДПНИ, являющееся сегодня наиболее боевым, передовым отрядом патриотического движения, — но, используя их, нельзя ни на миг забывать об их подлинных целях и интересах.

И их надо использовать не только в практических, повседневных целях, но и перевербовывая, переубеждая их.

Ведь даже творец нынешнего... как бы это назвать помягче... «порядка» президент Путин— вполне возможно, еще не совсем, не полностью, не окончательно потерянный для общества человек.

Я не могу исключить на 200%, что он вдруг не пересмотрит свои действия и свои принципы.

И, думаю, если он вдруг просветлится и начнет на деле, а не на словах исправлять то, что китайцы деликатно именуют «ошибками», — всякий честный человек и всякий честный патриот, что в России одно и то же, поможет ему с радостью и облегчением.

Но — и это очень важно — не потому, что он президент Путин, а совсем наоборот: потому, что мы — Россия.

Ведь Россия — это не березки, не земля, не могилы и даже не экспортные трубопроводы.

Россия — это мы, живущие в ней сегодня, служащие ей, ощущающие себя русскими и связывающие с ней свое будущее и будущее своих детей.

Всякий, кто принимает нашу культуру и правила общежития, кто становится с нами, кто хочет и может вставать с нами во вновь разворачивающейся на нашей земле битве добра со злом, становится русским. И здесь важна не национальность — важна культура, добросовестность и служба своей стране, а не своему карману.

Если мы победим в России будут русские молдаване, русские кавказцы и даже русские китайцы, хотя и попоз-

же. И, общаясь с ними, мы не будем чувствовать культурного различия.

Я знаю, что многим из нас, усталым и отчаявшимся, отравленным миазмами полутора десятилетий распада, деградации, поражений и национального предательства, сегодня это кажется невозможным, — но если мы победим, так будет!

Если же мы потерпим поражение — даже люди с фамилией Иванов могут, как многие из вас, думаю, догадываются, вдруг оказаться нерусью и нелюдями, не русскими, но лицами кремлевской национальности.

Нас ждет огромная и тяжелая работа, но истерическая агрессивность наших врагов — внятный признак их глубочайшей внутренней слабости.

Мы должны быть самой наступательной, самой активной и самой энергичной из всех политических сил России.

И не будет нам места на земле, пока мы не прекратим грабеж и разрушение России, пока мы не поставим государство на службу стране, а не личной наживе лиц кремлевской национальности, пока последняя кремлядь не переедет из своего гламурного кабинета в московский, тамбовский или тюменский зоопарк.

Вор должен сидеть!.. Но — не в правительстве.

Бандит должен лежать!.. Но — не на пляже.

И нам давно пора переходить от слов к делу.

Я считаю совершенно необходимым, хотя уже и запоздалым, создание центра, обеспечивающего правозащиту русских, — разумеется, считая русскими не по крови, но по культуре.

В качестве первого шага я считаю необходимым, чтобы этот центр — и патриотические депутаты в Госдуме в том числе — взяли под контроль расследование зверского убийства семьи священника отца Андрея Николаева в Тверской области и не дали правящей бюрократии рассказать нам еще какую-нибудь омерзительную сказку по этому поводу — вроде тех, которых мы наслушались по поводу «Норд-Оста», Беслана и бесчисленного множества иных преступлений.

Более двух лет идет пустой разговор о необходимости создания патриотической газеты — сначала при КРО, потом при «Родине»... Вчера вечером я в Бресте открыл сайт ДПНИ и с восторгом увидел, что такая газета — «Дозор» — наконец будет издаваться! Это прекрасно; будем помогать.

«Родина-КРО» не должна, не смеет быть «просто общественной организацией». Ее членам придется каждый день, каждый час бороться за нашу великую Родину с новыми оккупантами, и это предъявляет к нам особые требования.

Дмитрий Рогозин весьма четко и ярко назвал здесь основные права русского народа, поруганные правящей бюрократией и требующие немедленного восстановления.

Думаю, каждый, вступающий в КРО, должен принести клятву верности России и ее народу, и эта клятва должна прямо напоминать об этих правах и закреплять их. Например, она может звучать так:

«Я, Делягин Михаил Геннадьевич, вступая в ряды «Родина — КРО», перед лицом своих товарищей и всей России торжественно клянусь все свои силы отдать священному делу восстановления поруганных прав русского народа:

1. Права на жизнь и воссоединение на своей земле.

2. Права на развитие и преумножение себя как русского народа.

3. Права на самоидентификацию, на возможность называться русским, думать и говорить по-русски и иметь в паспорте соответствующую запись.

4. Права на суверенитет, самоопределение и самоуправление, включая право на исключение из состава России тех, кто не уважает правил совместного общежития.

5. Права на Родину, культурную самобытность, сопричастность к великой русской цивилизации.

6. Права на природные богатства и ресурсы России.

7. Права на доступ к достижениям мировой цивилизации, на возврат в Европу и Азию.

Если же я нарушу эту священную клятву, пусть падет на меня тяжкая кара законов божеских и человеческих, гнев и презрение моих товарищей. Пусть оставит меня Россия».

Будущее принадлежит нам.

Наше дело правое.

Враг будет разбит.

Победа будет за нами.

Из России усталой, из России отчаявшейся будет Россия благословенная!

ПОРА ИЗЛЕЧИТЬ ОРГАНИЗАЦИОННУЮ ИМПОТЕНЦИЮ

Выступление на заседании Центрального комитета Конгресса русских общин (КРО) 28 декабря 2006 года

Ну что ж, коллеги, началась самая долгая ночь русского календаря, ночь с 25 декабря на 15 января. Страна занята Новым годом, писать о нас некому и негде, так как следующие газеты выйдут через две недели, а читать их начнут и вовсе через три, — самое время поговорить о проблемах, которые стоят перед нашим движением, и о насущных задачах.

Внешние проблемы — в общем пустяки.

Государство по своей корысти и развращенности делает все для нашего успеха. Спасибо ему.

Проблемы в другом — в крайней слабости нашего организационного начала.

У нас все в порядке с идеями, с тем, чтобы поговорить.

У нас — за редчайшими исключениями — совершенно глухо с тем, чтобы сделать.

Где полноценная газета? Специалистов навалом, цена вопроса если и не низка, то для КРО, во всяком случае, вполне приемлема и посильна?

Где диффамационный центр — говоря по-русски, 5 толковых юристов?

Где издание потока ярких пропагандистских брошюр по образцу ЛДПР?

Где издание давным-давно подготовленной «Русской доктрины»?

Где издание аналога «Хроники текущих событий» об ущемлении русских — при Брежневе на это за все про все хватало пяти диссидентов, — где эти пять диссидентов у великого и могучего КРО?

Этот перечень можно продолжать бесконечно.

Коллеги, если мы не снимем остатки щей с наших бород, усов и воротников, не перестанем говорить — даже прекрасные слова, вроде «соратники» и «слава России!» — и не пойдем работать, нас просто не будет — точно так же, между прочим, как нас нет в большой политике и сейчас.

Считаю, что мы должны заняться, причем заняться немедленно, предельно тупой и примитивной организационной работой.

Помимо изложенного выше наши цели должны быть следующими:

Первое: выход на существующие самодеятельные объединения людей, интеграция в них и постепенное привлечение их членов на свою сторону. При этом надо исходить из конкретных мелких, даже бытовых проблем и конкретных интересов, заботящих этих людей, и показывать, что их проблемы нельзя решить, а интересов нельзя достигнуть без решения наших глобальных проблем и достижения наших общих глобальных интересов.

У нас нет сил, чтобы собирать и пробуждать людей по одному человеку,.— надо идти к уже активным, уже пробудившимся, уже занявшимся делом и направлять их активность в нашу сторону.

Второе: мы должны внятно и четко отделиться от власти и научиться ясно и убедительно показывать нормальным, далеким от политики людям, почему современный российский бюрократ в принципе, органично, по самой своей природе не может быть патриотом.

Вообще надо создать набор буквально из десятка пропагандистских штампов, основных, ключевых наших идей и

вбивать их в сознание общества тысячью способов. Вплоть до того, что запретить членам движения публичные выступления без затрагивания тех или иных тем.

Я знаю по себе: это муторно, это утомительно и часто это просто глупо. Но это работает. Менять сознание общества — это не легкое блистание остроумием в приятной компании, это, как говорил Лимонов по другому поводу, «тяжелый крестьянский труд», но если вы тысячью способов и тысячу раз скажете обществу вашу мысль, общество поймет ее.

Поверьте, что сотни способов и сотни раз — недостаточно.

Среди уже найденных идей и образов, которые нужно вбивать людям в голову, хочу выделить следующее: «русофобы — коррупционеры». Считаю, что эти два слова не должны употребляться порознь вообще.

Третье направление работы — политика. Мы должны озаботиться созданием сети сочувствующих людей везде, во всех реально существующих политических структурах и группах активистов.

С другой стороны, мы должны использовать выборы для продвижения своих людей и сочувствующих нам людей на максимальное количество значимых позиций с тем, чтобы затем они оказывали помощь движению.

Власть — манна земная, а не небесная, она не падает сверху, а растет снизу. Проникая в местные и республиканские власти через зарегистрированные политические партии, мы будем крепнуть и расширять свое влияние, будем расти снизу вверх.

Это обязательное направление действий, которого у нас пока просто нет.

Наша организационная слабость объясняется двумя простыми вещами.

Первое— это глубочайшее и всеобъемлющее разъе… гильдяйство.

Коллеги, мы все хорошо знаем, что ничтожество современного бюрократического режима имеет одно-единственное оправдание — ничтожество оппозиции.

Не надо оглядываться по сторонам, перевожу на русский: ничтожество нас с вами.

Вся наша оппозиция, и патриотическая в том числе, тяжело больна маниловщиной в острой форме. Это не смертельно, но, чтобы болезнь вылечить, надо ее лечить. Иначе — чем мы лучше правящей бюрократии?

Но разгильдяйство, лень и склонность к пустым разговорам — только одна причина нашей организационной слабости.

Есть и другая: непонимание оппозицией, и в первую очередь патриотической ее частью, своей основной исторической задачи.

Давайте сразу зафиксируем: в ситуации сохранения мистической любви граждан к государству, точнее, к его руководителю, к власти мы можем прийти в обозримом будущем в единственном смысле — в случае политического самоубийства этой власти.

Ничего необычного в этом нет, царизм, например, покончил с собой именно политическим самоубийством — и нам надо быть готовыми к тому, чтобы эту власть подхватить и не допустить хаоса и развала, но это задача пассивная.

Активная задача иная и связана с состоянием русского народа.

Главной проблемой страны и патриотического движения является чудовищно низкий уровень национального самосознания. То, что оно пробуждается, — есть лишь пропагандистский оборот, призванный замаскировать тот факт, что на сегодняшний день национального самосознания как массового явления практически нет.

Это значит, что нет и русского народа как активного, сознательного субъекта истории. В политическом отноше-

нии русский народ существует больше в потенции, в возможности, которую еще надо реализовать.

Народ, не сознающий себя, есть не народ, а население.

Так и русский народ лишен самосознания и существует в основном как население, как некий этнографический и исторический казус, недоразумение, мешающее установиться нормальной китайско-финской границе.

Население России предельно устало, оно эмигрирует от осознания своего места в мире в быт, в повседневность, оно перестало смотреть вверх и вперед и привыкло смотреть только вниз, под ноги.

Население России не живет, но существует. А тому, кому не за что умирать, не за что и жить.

Надо сказать прямо: любому другому народу, сознающему себя и борющемуся за свои интересы, мы были бы просто не нужны. Он решал бы задачи, стоящие пред нашей страной, автоматически — на уровне инстинктов.

Наша задача — разбудить русский народ, легитимизировать и активизировать его инстинкт самосохранения и вдохнуть смысл в его существование.

Идея Америки — свобода, Германии — порядок, Италии — семья, ислама — религия, Китая — нация.

Идея России — соборность: порядок, в котором есть счастливое место для всякого, признающего его.

В этом наша сила: мы отталкиваем минимум остальных — только тех, кто в принципе не совместимы с нами.

В этом наша слабость: это непростая идея, за нее придется воевать, и саму ее приходится объяснять и развивать.

Но назовите мне хорошую вещь, за которую не приходится воевать!

И не нужно стесняться ее масштабов: любая национальная идея касается всего мира, потому что является всего лишь инструментом, которым соответствующий народ — носитель этой идеи — изменяет этот мир для своего наибольшего удобства.

Именно поэтому национальная идея не может быть идеей потребления и не может быть идеей отрицания.

Нам нужен мир, в котором нам будет хорошо, — хотя начнем мы, конечно же, с России.

Наша задача велика.

Она больше, чем у всех остальных, потому что мы идем во власть не за властью и идем в бизнес не за прибылью — мы идем за сердцами и душами людей, и лишь на первом этапе — наших людей.

Нам нужен весь мир, он должен быть русским весь, потому что русский мир не может существовать на одной седьмой части земли так же и по тем же причинам, по которым он не смог существовать на одной шестой, а до того — на одной пятой ее части.

Говорить о границах России можно только применительно к конкретным ситуациям и моментам, но не как о стратегической цели, ибо Россия должна быть состоянием душ, сердец и вытекающих из них правил, а не набором административных единиц.

Я говорю об этом сейчас, забегая на пару поколений вперед, лишь потому, что стратегическое видение упрощает решение практических задач.

Упрощает — но не отменяет необходимость их решения.

Подъем национального самосознания, ничтожный по сравнению с потребностью, но колоссальный по сравнению с недавним прошлым, дает нам колоссальное политическое преимущество, которое предстоит реализовать.

Вся политическая жизнь всего ближайшего времени будет определяться развитием и развертыванием идеи национализма. И не будет прощения людям, которые опять упустят исторический шанс— не свой лично, но своей страны и своего народа.

Наша практическая задача двояка.

Первое — разбудить русский народ и, вернув ему смысл его существования, создать его как политический народ, как политическую, осознающую себя нацию.

Второе — сделать это можно, лишь начав с использования изменения настроения спящих. Если в 90-е годы население перешло от требования выживания к требованию улучшения жизни, то в 2000-е оно перешло от требования создания власти, порядка, которых не было в конце 1999 года, к требованию качества этой власти и этого порядка.

Будильником, которым мы должны разбудить русский народ и поднять его на созидательную модернизацию самого себя и своей страны, должна стать тема качества и мотивации власти, которая близка людям и которую мы не смеем отдавать никому — ни либералам, ни тем более бюрократам.

А для этого, коллеги, надо решить проблему с организационной импотенцией.

Спасибо.

ПОПЫТКИ ПРИВАТИЗАЦИИ «РУССКОСТИ»: БОРЬБА ЗА ОГОНЬ

Последней частью советского наследства, еще никем не захваченной и не использованной в качестве ресурса в конкурентной борьбе, остаются сердца и души людей, — признательность и симпатии к тому хорошему, что делал Советский Союз, и культурный код, созданный им и сохранившийся даже после тщательного выкорчевывания советского национального характера.

Борьба за этот ресурс наиболее сложна и деликатна — именно потому она еще не закончена. И нынешняя российская бюрократия проигрывает эту борьбу так же, как она проигрывает все схватки, не решаемые подлостью, подкупом и насилием.

«Самодержавие, православие, коррупция»

Уже к 1993 году коммерсанты четко знали, что слово «русский» в названии торговой марки обеспечивает повышенное внимание покупателей к практически любому товару.

Новой легитимности не создано, советская была дискредитирована, и попытка «возврата к корням» представлялась вполне естественной.

Но сразу же возникли проблемы. «Россия, которую мы потеряли», казалась раем только в демократического угаре перелома 80-х и 90-х. В конце концов, стало ясно, что крах царизма и кошмар гражданской войны был вызван собственными пороками тогдашнего общества, а отнюдь не десантом марсиан и «жидокомиссаров».

А либеральные реформаторы, получившие полную свободу рук, своими разрушительными, предельно циничными и безграмотными действиями очень быстро реабилитировали Советскую власть и коммунистов. В результате, поскольку новая российская легитимность так и не была создана (вся энергия государства уходила на разворовывание и освоение другими методами созданного в Советском Союзе), реальным источником легитимности стал именно СССР, что точно ощутил и выразил Путин всем своим стилем.

Однако советская легитимность оказалась для нынешнего государства с органически присущей ему идеологией ужасно неудобной, тесной и мешающей, так как при всех своих формальных достижениях она имела совершенно неприемлемое, противоестественное для нынешнего государства содержание — ответственность перед обществом, стремление к его развитию и гуманизации.

Конечно, это содержание понималось крайне превратно, а реализовывалось и того хуже — иначе мы и сейчас ходили бы с паспортами образца 1977 года. Но при всем том содер-

жание советской идентичности, советских ценностей вступает в слишком уж разительное, непримиримое противоречие с практикой и смыслом современного государства.

Из порождаемого этим неудобства и возникает широко распространенное стремление «забыть СССР» и апеллировать напрямую к царской России, а лучше — княжеской Руси, когда государственного стремления к справедливости не существовало, а народ терпел и худшее, чем сейчас. Достаточно вспомнить, как в результате царствования Петра Великого, чей портрет демонстративно висел вместо ельцинского на стене кабинета одного из нынешних «вождей», население нашей страны сократилось на треть. Немаловажно и то, что царской России, в отличие от Советского Союза, никто не помнит, и про нее можно сочинять любые небылицы.

Конечно, Россия является естественной наследницей не только Советского Союза, но и тем более русскости, что бы ни понимать под этим термином. Однако по милой привычке коммерческих и силовых олигархов «русскость» как основа идентичности была приватизирована — объявлена неотъемлемой принадлежностью, практически собственностью правящей бюрократии. А народу вербально и невербально (что более доходчиво) объясняется: не трожь своими грязными лапами нашу святую русскость! Кто смеет рассуждать о ней самостоятельно — ксенофоб и либо русский фашист, либо исламист, либо того хуже— демократ. Экстремист в любом случае.

И против кристального интеллигента Пионтковского возбуждается уголовное дело за экстремизм, разжигание межнациональной и социальной розни — в том числе и за книгу под говорящим названием «За Родину, за Абрамовича — огонь!». В ней убедительно показано, что вчерашние коммерческие и сегодняшние силовые олигархи подменили собой понятие Родины и этим крайне затруднили как ее защиту, так и сам естественный патриотизм.

Понятно, что к русскости, живущей в сердце каждого из нас, эта официальная приватизированная «русскость» име-

ет такое же отношение, как дикий то ли феодальный, то ли рабовладельческий «капитализм» силовой олигархии к нормальным рыночным отношениям.

Жить в такой России стало немного нелепо, и каждый остающийся стал придумывать себе и вокруг себя свою собственную, личную Россию и пытаться жить в ней, как в коконе.

Единая ткань общественной жизни, порванная пополам в 1987-1993 годах, разрушилась на бесчисленное множество личных пространств.

Это удобно для нового объединения вокруг новой идентичности, но и опасно: если таковая не сложится (а пока она не складывается — вокруг силовых олигархов может сложиться только зона, а не идентичность), страна будет разорвана внешними идентичностями, в том числе наиболее крупными цивилизационными— западной, исламской и китайской.

Однако общественный организм жив, и, раздавленный в России, начал пускать ростки за ее пределами.

Альтернативные России

Эмиграция вновь приобретает социально значимый характер. Последовательное уничтожение провинции, невидимое из Москвы и Санкт-Петербурга, стихийное и почти повсеместное поощрение государством варваризации общества во всех ее проявлениях, вызванный этим рост межнациональной и социальной напряженности выталкивает из страны новую волну россиян.

Люди снова стали уезжать из России.

Без пафоса, без надрыва, без крика. Молча, стесняясь этого и часто рассматривая отъезд как личную и семейную трагедию.

За редчайшими исключениями, это не политический акт — это личный частный выбор. Делаемый осознанно и

с открытыми глазами, а не «под влиянием тлетворной западной пропаганды».

Делаемый теми, кто зарабатывает ощутимые деньги и задумывается о будущем — своем и своих детей.

Официальная статистика этого, как и многого другого, не отражает. По ней выезд из страны за пределы СНГ сокращается неуклонно и даже быстрее инфляции: с 63,4 тыс. чел. в 2000 году до 18,8 тыс.чел. в 2006, в том числе в Германию — с 40,4 до 8,2 тыс., в США — с 4,8 до 3,1 тыс., в Израиль — с 9,4 до 1,4 тыс.

Но ведь люди, уезжая, весьма часто не заявляют об этом, а начиная жить «на два дома», — не заявляют практически никогда. Сохраняют гражданство, получая за рубежом разрешение на постоянное проживание и за версту обходя «родное» консульство. Самым ярким примером такой незаметной эмиграции стал выезд в преддверии и в ходе «оранжевой революции» значительного числа россиян на Украину как «территорию свободы, где можно не носить с собой паспорт», приведший в Киеве к зримому повышению стоимости жилья и квалифицированного труда.

Еще три года назад число россиян в Лондоне оценивалось в 230 тысяч. Сейчас — уже в 300 тысяч. Их численность во Франкфурте оценивается в четверть миллиона. Русские туристы в Европе стесняются ругаться матом: лавинообразно растет число мест, где их могут понять «местные».

Моделей выезда много. Кто-то сдает московские квартиру и дачу и на эти деньги прекрасно чувствует себя в Чехии. Кто-то поехал повысить квалификацию и обнаружил, что нужен «там», а не «здесь». Кто-то расширил бизнес и открыл для себя миры, в которых не нужно платить взятки. Совсем не фешенебельные — ту же Польшу, к примеру. Кто-то пообщался с «правоохранительными» органами или платным «здравоохранением». Кто-то осознал, что его ребенок употребляет слово «враги» раз в пятьдесят чаще, чем «друзья». Кто-то просто не вовремя включил телевизор.

Относительно уцелевшего населения России — 142 млн.— эмиграция в любом случае незначительна. Но ведь и загранпаспорта имеет всего около 9 млн. россиян! И уезжают в первую очередь добившиеся успеха, что усиливает размывание и без того тонкого «культурного слоя» России. Именно благополучные россияне все чаще покидают Россию, предпочитая быть чужими на чужбине, чем на своей собственной Родине.

Общая причина — разложение и архаизация нашего общества, его дебилизация в сочетании с ростом агрессивности и наглядным процессом перехода от европейского, гражданского устройства к устройству по клановым, в том числе регионально-этническим, принципам. Как сказал один из них, едут не «за колбасой», а «за воздухом».

К сожалению, эмиграция, вымывая из общества его наиболее цивилизованные, европейские элементы, форсирует тем самым его регресс, впадение в столь понятную нам «азиатчину». И массовый ввоз высококвалифицированных экспатов не меняет ситуации: в условиях легкости современных коммуникаций они, за редкими исключениями, в отличие от прошлых веков, не пускают здесь корни и столь же мало склонны оцивилизовывать Россию, как и Бангладеш.

Важную роль играет и мотивация государства. Чиновнику гораздо проще и понятнее иметь дело с бесправным беженцем, который твердо знает, что у него нет никаких прав, который согласен на любые условия существования ради того, чтобы жить в относительной безопасности. Россиянин, который все еще знает, что теоретически у него есть какие-то права, очень неудобен чиновнику. В этом отношении замещение бесправными мигрантами, по сути дела рабами, «коренного населения» облегчает чиновнику жизнь, — а мы вдруг оказываемся в рабовладельческом по сути дела обществе. Но реальной работы по сохранению россиян в России не ведется и вестись не будет: европейски ориентированные граждане мешают правящей бюрократии, как ноги — плохому танцору.

В конце 1980-х — начале 1990-х годов произошел чудовищный выезд из страны носителей европейской культуры. В настоящее время в Германии только на постоянной основе живет около 3 миллионов выходцев из Советского Союза — более 1% его населения. Сейчас мы переживаем новую, тихую волну эмиграции: люди стараются перебраться куда-нибудь, где есть закон и относительный порядок. Соответственно в России, хотя и в несколько замедленном темпе, происходит то, что происходило в Чечне, Грузии и некоторых других странах: вымывание наиболее образованного и квалифицированного элемента и погружение остающегося общества в самую дикую «азиатчину».

И даже когда речь сначала идет не об эмиграции, а просто о покупке домика или квартиры в теплой уютной стране — это правильно для отдельного человека и нормально для спокойного стабильного общества, но очень опасно для общества, еще не определившего свою судьбу.

Потому что «в случае чего» наиболее цивилизованная его часть не будет бороться за приведение его в соответствие со своими идеалами, а плюнет и уедет туда, где эти идеалы уже реализованы,— хотя бы в части хорошей погоды.

Оставив свою страну самому глупому и подлому из того, что накопилось в ней за долгие десятилетия потрясений и беспощадного отрицательного отбора.

При этом важно понимать, что наша эмиграция в силу своего цивилизованного, европейского, культурного, а не этнического характера обречена на отрыв от страны и ассимиляцию, хотя бы и постепенную. Ситуацию усугубляет потребность оправдать свое бегство хотя бы в собственных глазах, что ведет не просто к утрате связей, но и к отстранению от своей Родины и ускоряет культурное размывание эмиграции. Впрочем, даже китайцам не удается в полной мере «унести Родину на подошвах сапог».

Поэтому ни в Черногории, ни в Испании, ни в Лондоне, ни тем более в Германии «Новороссия» возникнуть не сможет.

Не сможет она возникнуть и в Средней Азии и Закавказье — из-за жесточайшего давления, которому подвергаются там оставшиеся русские. На Украине слишком сильно национальное и, главное, политическое возрождение, которое может, хотя это и маловероятно, привести к распаду страны, но делает невозможным появление альтернативной России. В Крыму слишком сильно давление татарской общины, которое также будет отбрасывать русских к союзу либо с украинским, либо с российским государством, но в любом случае не к формированию собственной идентичности.

Однако уже Прибалтика является местом формирования альтернативной русской субкультуры.

Давно отмечено, что русские из Латвии, в заметных количествах работающие в России, существенно отличаются от значительной части наших сограждан такими «прибалтийскими» чертами, как организованность и дисциплинированность. Теоретически формирование новой русской идентичности может начаться на северо-востоке Эстонии, превращенной в гетто для неэстонского населения, но даже при рациональной политике российского государства этот регион будет, как и Крым, ориентироваться на Россию, а не создавать собственную идентичность.

Единственное место, где теоретически может сложиться «альтернативная Россия», — Белоруссия. Неспособность российской бюрократии выстроить с ней конструктивные отношения способна придать ей специфическую ценность в глазах Запада и привести к реализации проекта по созданию своего рода «Европейской России», несмотря даже на курс Лукашенко по развитию национально белорусской культуры как государственнообразующей.

Это слишком сложный проект для современных западных бюрократий, склонных к применению простых и демонстративных методов, однако теоретически в нем нет ничего невозможного. И тогда такая «Евроросcия», высосав из нашей страны наиболее цивилизованную часть общества, не просто сама станет естественной наследницей и новым во-

площением «русскости», но и отбросит нас уже даже не в Азию, а в новое Средневековье, весьма внятно описанное М. Юрьевым и В. Сорокиным («День опричника»).

Преображение России

Того, кто смотрит назад, жизнь всегда тащит «не в ту сторону».

Ресурс нельзя сделать своим, просто захватив его, - это поняли даже самые отмороженные российские олигархи. «Что ты отнял, то пропало, — что ты отдал, то твое», как писал классик русской литературы (чему не помешало незнание им русского языка) и казначей царицы Тамары грузин Шота Руставели.

Чтобы ресурс стал вашей частью, неотъемлемой и не поддающейся оспариванию, его мало и, строго говоря, не нужно захватывать и «приватизировать», — его надо преобразовать в соответствии со своими склонностями и потребностями.

Это относится и к русскости.

Бесчисленные, как тараканы, и столь же разнообразные фофудьеносцы (среди которых, как это ни ужасно, много искренних и глубоко порядочных людей) пытаются тупо захватить ресурс «русскости», не понимая, что тем самым уничтожают его и превращая слово «русский» в синоним хотя и не слова «фашист», но слова «идиот».

Столь характерная для них попытка возродить единство нации на основе православия — не только вполне мракобесное желание вернуть свою страну на 600 лет назад, не только вполне здоровое стремление всласть наиздеваться над правящими бюрократами, превратив их в «жующие сопли подсвечники», но и главная из всех существующих сегодня угроз распада нашей страны.

Потому что формирование нации на основе православия немедленно приведет к расколу, форсировав уже идущее обособление исламского, иудейского и сравнительно не-

значительного буддийского сегментов. И атеистам, которых уже сейчас тошнит от разнообразных проповедников, между прочим, тоже куда-то придется деваться.

То, что 600 лет назад создало страну, сегодня может ее разрушить.

Чтобы сохранить страну, надо ее преобразить. Чтобы стать наследниками русскости, надо ее переосмыслить. Ключом здесь, думаю, будет понимание того, что русские — симбиотический народ, живущий в симбиозе с государством. Отсюда этническая мягкость и культурная восприимчивость: стержень нации находится извне, как стержень личности у глубоко верующего человека.

Восстановление государства и решение примитивнейших, простейших насущных задач сразу же, само по себе даст старт необходимому преображению России и переосмыслению русскости, а тем самым — и формированию новой идентичности.

Как и позднесоветская, она должна быть наднациональной, надрелигиозной, надклассовой.

Сегодня твердо видно лишь одно — ни в коем случае нельзя забывать о системе образования, создающей народ. Как и российское, как и советское, в противовес нынешнему реформаторскому оно должно учить думать, воспитывать творческого и нравственного человека, гордящегося своей историей.

Последнее особо важно.

Переписывание истории, омерзительное с точки зрения науки, является важнейшим инструментом созидания нации, ибо коллективное осмысление прошлого программирует будущее.

В этом смысле строчка в татарском учебнике истории о том, что в битве на Калке была одержана выдающаяся победа над русскими, опасней любого теракта и чревата большим числом жертв, чем Спитак и Чернобыль.

Без великих историков не бывает великих народов, потому что именно историки создают народы.

Жизнь — это бег на значительно более длинную дистанцию, чем кажется всем нам. Поэтому, когда после оздоровления государства и восстановления государственности мы возьмемся наконец за решение наиболее наболевших проблем, мы должны помнить о цели этого процесса — о преображении России.

Идеология правящей бюрократии: «на экспорт» и «для своих»

ОПЫТ ПРИМЕРНОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ

Основные параметры	Для мирового сообщества (Запада)	Для населения России	Для правящей бюрократии
1. Кто такие «мы»	Россия — великая страна, часть европейской цивилизации.	Россия — великое государство, развивающееся по своей логике в своих интересах.	Группа сослуживцев, пришедшая к власти.
2. Миссия	Обеспечение Запада энергоресурсами («энергетическая держава», опережение на рынке США Нигерии), сдерживание его стратегических конкурентов (ислама и Китая).	Построение «великой России» — конкурентоспособной «суверенной демократии». с растущим благосостоянием, социальными гарантиями, воспитанием патриотизма.	Построение «великой России» как инструмента безграничного долгосрочного потребления этой группы сослуживцев (материального и символического — в виде причастности к решению судеб мира).
3. Образ врага	«Международный» (исламский) терроризм, внутри страны — враги демократии как современной религии (антисемиты, фашисты, исламисты и коммунисты).	Запад (в т.ч. выражающие его ценности либеральная оппозиция и коммерческие олигархи эпохи Ельцина), «фашисты» (нелиберальная оппозиция и вся общающаяся с ней либеральная оппозиция), исламисты.	Ситуативно: все, кто мешает потреблять. Исключение: невозможен серьезный конфликт с Западом как гарантом личного потребления.

4.Союзники	Запад	Население, силовые структуры, «национально ориентированный» (то есть контролируемый ими) бизнес, ситуативно — Запад, ислам и Китай, между которыми балансируют.	«Агенты влияния» и лично преданные люди в России и за рубежом.
б.Образ действия	Совместно с Западом, на основе международного права, но с защитой национальных интересов.	Предельный прагматизм. Конкурентоспособность как получение нефтедолларов при готовности ради отношений с Западом уничтожать производства, кроме экспортеров сырья, в т.ч. ростом импорта и иностранных инвестиций.	Предельный прагматизм (цинизм). Превращение государства в инструмент личного обогащения, ограбление бизнеса и населения, привлечение иностранного капитала.
6. Средства	Привлечение иностранных (западных) инвестиций, готовность обменять расширение контроля Запада за природными ресурсами и ядерными объектами России на расширение коммерческого присутствия на Западе («интеграция»).	Суверенная демократия («будем делать, что хотим, и называть это демократией»), конструктивный изоляционизм (игнорирование критики Запада). Восстановление роли государства («теневая приватизация»). Идеология «осажденной крепости» и «патриотизма» («вы должны любить нас, так как остальные еще хуже и вас ненавидят»). «Удвоение ВВП», обгон Португалии, дебюрократизация, диверсификация экономики, нацпроекты и прочее — пустая пропаганда.	Тактика: «надежное энергоснабжение и, возможно, контроль за ядерными объектами в обмен на молчание». Стратегия: «крепость Россия как гарантия личного потребления».
7. Квинт-эссенция	Обслуживание	Величие	Потреблятство

Справочно

СОТВОРИ СЕБЕ КУМИРА

Да, был культ, — но была и личность.

Ответ Жукова на просьбу покритиковать культ личности Сталина во время попыток создать культ личности Хрущева.

Человек слаб. Человеку свойственно искать спасения у высших сил — от мамы до Бога; в России — у государства.

Русские вообще народ симбиотический, существующий не сам по себе, а именно в симбиозе со своим государством. В этом симбиозе мы не только непобедимы, но и непредставимы: не поддаемся прогнозированию соседей. Зато вне его — например, когда государство оказывается враждебным или хотя бы чуждым нам, — мы просто исчезаем, как показывают последние полтора десятилетия.

Поэтому не только верноподданичеством и духовной слабостью и, упаси боже, поиском мест и грантов, но и естественным психологическим отклонением является упорное стремление приписать государству желаемые, пусть даже и не наблюдаемые черты патриотизма и ответственности.

Наверное, надо быть евреем или москвичом, чтобы видеть его таким, какое оно есть — без искажающих туманов тщетных надежд, ставших за тысячелетие чертой национального характера, без того, чтобы верить в перерождение президента в радугу без малейших признаков «посторонних» запахов вроде серы или хотя бы портянок.

Логика надеющихся проста, как удар по голове: раз у государства есть обязанности, значит, оно их выполняет. Ельцинское государство было плохим, но нынешнее-то, путинское, выполняет их точно! А если мы не видим (и, надо отдать должное, никто, кроме штатных пропагандистов или борющихся за их места, не видит) — значит, плохо смотрим. И не туда.

Нам кажется, что президент Путин должен возрождать страну, — значит, он будет это делать!

Логика несокрушимая. Мелькают годы, вымирают города, подрастают и дебилизируются стремительно сокращающиеся поколения детей, а она остается. Не сейчас, не в третий срок, так в четвертый — но обязательно будет!

Нам очень хочется.

А главное, это ожидание оправдывает наше собственное комфортное безделье и конформистское подчинение этому, по-прежнему разрушающему страну и нас вместе со страной, государству. Если «вычесть» нефтедоллары, в экономике отличие Ельцина от Путина просто теряется, а в социальной сфере путинское государство на порядок хуже ельцинского.

Правда, есть и прогресс.

Обманывать самих себя все-таки тяжело — и появился новый тезис. Мол, Путин не имеет видимых результатов потому, что занят невидимой титанической борьбой. Это не глобальная конкуренция — она во многом действительно ведется скрытыми методами, но все остальные ее участники, в отличие от нашего руководителя, имеют вполне наглядные результаты.

Чавес мотался по всему миру, как цветок в проруби,— и заключил стратегический союз с Китаем, выскользнув из-под американского сапога.

Превратившийся в глобальное посмешище Буш чередой феерических провалов (от 11 сентября, в котором все ярче вылезают «хвосты» американских же спецслужб, и полной беспомощности в Новом Орлеане, напоминающей Беслан, до провала в Ираке, вероятного убийства Милошевича, признания секретных тюрем и полной невиновности Саддама) тем не менее поддержал и упрочил американское лидерство, раздавил «бунт на коленях» Старой Европы по поводу Ирака, обеспечил сверхприбыли нефтяным корпорациям при относительной стабильности американской экономики и сдерживании стратегических конкурентов — Евросоюза, Японии и Китая. Если он к обоюдному с Ахмадинеджадом удовольствию «зачистит» иранскую ядерную программу (а вместе с ней — либеральных и религиозных оппонентов нынешнего президента Ирана), то он даже сможет решить «проблему преемника» и сохранить в 2008

году республиканскую власть! (А сегодняшние демократы в сегодняшних США — такая же гибель для страны, что и демократы в России).

И даже бедолага — «крепкий хозяйственник» Ольмерт, устроивший бессмысленную кровавую баню в Ливане и заставивший израильское общество впервые за почти 60 лет его существования разочароваться в самом себе, все-таки достиг хоть незначительного, но результата, немного и на время, но ослабив «Хизбаллах» и, соответственно, ослабив его удар возмездия по Израилю после удара США по Ирану.

У Путина таких результатов, достигнутых именно для страны (а не, скажем, для «Газпрома»), нет.

И поэтому «его борьба» иная.

Прежде всего это героическая, длящаяся все время существования политического пиара, борьба «хорошего царя» с «плохими боярами». Отличие от старых времен микроскопическое: нынешние бояре не унаследовали свое положение, а скрупулезно, по человечку отобраны самим президентом и представляют собой наиболее близких и нужных ему людей.

А в остальном — все как всегда. Героическая, не видимая грязному мещанскому быдлу борьба царя со своим окружением. Оно все плохое, и он когда-нибудь победит.

Обязательно.

Кроме того, обычно «в пакете» высказываются две гипотезы (особенно это характерно для бывших силовиков, сохранивших специфический склад сознания, но утративших полноту связей с силовыми структурами, что позволяет им питать разнообразные иллюзии относительно их нынешнего состояния). Первая — что Путин пришел к власти в результате не комбинаций Березовского и отчаяния ельцинской семьи, а вмешательства неких не представимых глобальных сил. Лет 7 назад ее звали бы «мировой закулисой», лет 70 — «Божьим промыслом», сейчас же ее в лучших традициях иудейства боятся и называть. Коротка память человеческая, и уже через 5-7 лет о самоочевидных событиях, не только очевидцами, но и участниками которых все были, можно громоздить любое количество «бочек арестантов».

Вторая гипотеза — что эта приведшая Путина к власти сила хочет зла России (что вообще-то исчерпывающе характеризует ее выдвиженца, но такие мелочи новых путинских Несторов не интересуют), но Путин ее обязательно преодолеет и принесет всем величие и процветание (кому что надо). Просто ему не надо мешать, потому что Путин — «господин удачник», и поэтому у него получится все, всегда и при любых обстоятельствах, даже если сам он хочет чего-нибудь иначе.

Сложно удержаться, чтобы не отметить в этой связи высказывание биографа другого известного «везунчика», которому до поры удавалось все, о том, что, если бы Гитлер умер в 1938 году, мир считал бы его величайшим немцем всех времен.

Но дело не в исторических аллюзиях.

О любом человеке громче и полнее всего говорят его дела.

Путин создал власть, ориентированную на него лично, основанную на тотальной коррупции, презирающую и грабящую страну. В этом деле он многократно превзошел Ельцина. Это его главный результат, и эта власть ни на что созидательное не годится. Она может только лгать и грабить.

Создав ее (надо отдать должное — упорным и тщательным трудом), он, в отличие от того же Сталина, остановился — похоже, в растерянности. Цель достигнута, больше делать нечего, а что 87% населения самой богатой страны мира бедно (не может купить простую бытовую технику), а 13% является нищим (испытывает нехватку денег для покупки еды), так это не к президенту. Он здесь ни при чем, а никаких масштабных проектов у него нет — для масштабных проектов все-таки нужна масштабная личность.

И о конкурентоспособности, высоких технологиях, модернизации и прочих «нанотехнологиях», по смыслу использования в русском языке все более приближающихся к значению слова «панама» (то есть афера) — если о деле, а не о словах и пропаганде, так это тоже не к нему.

Он свою задачу выполнил.

Ему хорошо.

А для страны есть штатные пропагандисты и добровольные «инициативники» — пускай ее мечтает.

ВОССТАНОВЛЕНИЕ РУССКОГО МИРА

Основа единства — образ жизни

Представители различных культур по-разному реагируют на одни и те же управляющие воздействия. Распространенное в силу демократических предрассудков и агрессивной либеральной пропаганды игнорирование этого снижает эффективность не только государственного, но и корпоративного управления, подрывая тем самым конкурентоспособность.

Признание этого факта не имеет отношения к расизму и фашизму, которые исходят из представлений о превосходстве одного народа (или культуры) над другими. Любое утверждение, что какой-либо народ, культура или религия «лучше» или «хуже» других, неприемлемо, так как раскалывает общество, превращая в его иррациональных, не способных к долгосрочному компромиссу врагов целые группы людей, которые могли бы быть его союзниками, работающими на общее благо.

Отторгая от общества потенциальных союзников в глобальной конкуренции, расизм подрывает его конкурентоспособность, кардинально сужая его человеческий и социальный потенциал. Поэтому **объединение общества должно идти на основе** не этнических и религиозных признаков, которые большинство людей в принципе не могут изменить, но на базе наиболее **универсальных ценностей, наиболее полно выражаемых понятием «образа жизни».** В этом случае общество будет отторгать от себя только заведомо асоциальные элементы, органически несовместимые с ним.

Отторжение потенциального союзника становится в этом случае невозможным именно в силу применения исключительно содержательного критерия — готовности и

способности человека или социальной группы стать частью общества.

Формирование общества на основе принципа открытости многократно повышает значимость национальной политики, полномасштабного и скрупулезного анализа особенностей национальных, культурных и религиозных групп и их полного учета в практике госуправления.

Многонациональная и полифоничная по своей сути русская культура, вбирая в себя и перерабатывая достижения национальных культур, не ассимилирует, но обогащает их и дает им новые пространства для развития — вплоть до выхода на мировую арену. (Наиболее емкое выражение этого — классическая фраза «великий русский художник Левитан родился в бедной еврейской семье».)

Во многом в силу этого русская культура является конституирующим элементом не только российского общества, но и всей формирующейся новой российской цивилизации. В этом качестве она нуждается в особом внимании со стороны государства, в защите ее от опошления и размывания, в поддержке и развитии (но не в музейной консервации) ее основных элементов.

Наш идеал — конструктивная, позитивно ориентированная терпимость, уважение неантагонистических и не разрушительных для общества в целом различий ценностей и образа жизни образующих его представителей различных народов и культур, неутомимое и изобретательное использование этих различий для выработки и достижения общих целей.

Русская культура — основа российской государственности

Основа общественной самоидентификации, необходимой в условиях глобальной конкуренции, — культура. Нужно не пытаться законсервировать, но сохранять и развивать ее.

Разумно введение минимальной обязательной квоты на трансляцию по радио и телевидению песен на русском языке, показ по телевидению и в кино фильмов российского и советского производства.

Надо определить идеи и настроения, внедряемые государством, и предоставлять конкурсные госзаказы на производство соответствующих фильмов, телевизионных и радиопрограмм, как это делало, например, американское государство в отношении Голливуда во время Великой депрессии в 30-е годы XX века.

Гражданство — своим, а не чужим!

Специалисты с высшим образованием из любой страны мира, проработавшие в России два года по специальности, владеющие русским языком, знающие и признающие российские законы и правила общежития, равно как и носители русской культуры, проработавшие в России два года (даже нелегально), при желании должны получать гражданство России автоматически.

Любой человек, легально работающий в России, выполняющий наши законы и соблюдающий правила общежития, должен иметь право жить в России, пока может себя прокормить. Если в течение пяти лет он и члены его семьи не совершали уголовных и административных нарушений и сами зарабатывали себе на жизнь, они должны при желании получать гражданство России на основании заявления.

Постсоветское пространство станет пространством России

После уничтожения Советского Союза и растаскивания национальными бюрократиями по государствам «новой исторической общности — советских людей» большинство бывших советских граждан оказалось в положении разде-

ленной нации. Так же, как немцы через 40 лет кропотливой работы, которая, казалось, не имела шансов на успех, воссоединили свой народ, и так же, как обеспечат его корейцы, воссоединение наших народов в рамках единой многонациональной культуры, поверх границ и корысти развращенных бюрократий обеспечим и мы — современные русские.

Трудности, которые предстоит преодолеть в ходе воссоединения, видны на примере Германии. Жизнь порознь создает не просто взаимную неприязнь, но и глубокие различия, изживать которые придется поколениями. Но пример этой же Германии показывает: воссоединение разделенного народа высвобождает колоссальную позитивную энергию, придающую огромный импульс общему развитию и позволяющую изживать самые глубокие и болезненные разногласия.

Стимул к воссоединению — неспособность оставленных без внимания территорий бывшего Советского Союза, в том числе и непосредственно граничащих с Россией, к самостоятельному развитию. Большинство из них не интересно Западу и не будет им развиваться. В итоге они превращаются в «генератор неблагополучия», которое будет давить на нас и дестабилизировать наше общество. Обезопасить Россию от этого можно лишь возобновлением успешного развития брошенных нами территорий.

Возобновление успешного развития постсоветского пространства возможно только за счет экономической и политической экспансии России (в том числе при сохранении политической независимости соответствующих государств) и воссоздания на новой, рыночной основе того единого хозяйственного механизма и экономического пространства, которым была когда-то эффективная часть Советского Союза.

Естественно, возвращение к здравому смыслу требует выработки заново всей внешнеполитической стратегии России. Так, следует учитывать, что российский рынок даже при условии разумного протекционизма неприемлемо узок для целого ряда российских же производств. Без внешних рын-

ков не смогут существовать целые отрасли — например, гражданское авиастроение и производство оборудования для атомных электростанций. А контроль за внешними рынками высокотехнологичных товаров требует существенного политического влияния на соответствующие общества.

СОЗИДАНИЕ НАЦИИ: ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Благодаря трагическим событиям последних 20 лет, в том числе последовательным усилиям либеральных реформаторов, российское общество так и не выработало самоидентификацию и в настоящее время практически не обладает идентичностью.

Поэтому вопрос превращения людей, проживающих на территории во многом случайного по своим очертаниям обломка Советского Союза, в единую нацию является ключевым вопросом не только развития, но и выживания России. Еще несколько лет неопределенности — и процесс внутренней дифференциации общества по национальным, религиозным, социальным и культурным признакам станет необратимым, российское общество окончательно разделится, а вслед за ним развалится, в том числе в территориальном плане, и Российская Федерация.

В отличие от ситуации после уничтожения Советского Союза никакой возможности последующего объединения не будет, так как будет отсутствовать главный фактор такого объединения — наличие общественной идентичности.

Несмотря на то, что нации представляют собой естественные общественные организмы и складываются стихийно, процесс их складывания, как показывает история, можно ускорить и сделать менее болезненным — так же, как можно ускорить процесс самоосознания личности. С другой стороны, неправильным «воспитанием» при неблагоприятных условиях можно подорвать процесс складывания нации, не допустив ее возникновения вообще.

Поэтому, помимо обсуждения содержательных аспектов единства нации, обычно вырабатываемых ею стихийно (наличие общих системы ценностей, образа жизни и идеологии) и нуждающихся лишь в артикуляции, представляется исключительно важной проработка технологического аспекта созидания нации — инструментов решения этой задачи и формальных требований к этому процессу.

Созидание нации сродни воспитанию человеческой личности; при этом в роли сознательного воспитателя может выступать лишь ответственное государство, понимающее свою задачу и ее важность и опирающееся на патриотически ориентированную, творческую и при этом адекватную часть интеллигенции.

Примерами успешного и сознательного созидания наций являются Германия и Италия XIX века, Турция (несмотря на очевидную неприемлемость примененных методов, включающих геноцид по этническому принципу), США на протяжении всей своей истории, а также отчасти наша страна (до первой половины 70-х годов).

Стратегический инструмент формирования нации — «общее дело», в которое вовлекаются (в том числе и помимо своего желания) все ее потенциальные члены. Оно должно быть масштабным, жизненно важным, всеобъемлющим (захватывающим все чувства и мысли людей) и завершаться триумфом, так как успех в значимом деле доказывает правоту, прививает привычку к победе, что воспитывает жизненно необходимые уверенность в своих силах и оптимизм. Совместное же экстатическое переживание победы закрепляет это в общественной психике на поколения вперед.

«Общее дело» может быть разным. Наиболее органично оно вырастает из войны (лучше оборонительной, хотя бы на первом этапе) и угрозы уничтожения, преодоления общих бед (как писал Маяковский, «землю, где воздух как сладкий морс, бросил и мчишь, колеся, — но землю, с которою вместе мерз, вовек разлюбить нельзя»). Но оно может быть и связанным с реализацией широкомасштабных про-

ектов (индустриализация, полет в космос, полет на Луну и так далее), хотя всякая менее сильная мотивация, чем реальная для каждого угроза физического уничтожения (врагами либо разрухой), требует подкрепления постоянными усилиями государства.

Некоторые тактические инструменты формирования нации:

• создание и постоянное подкрепление «гражданской религии» (по определению Линкольна, когда он еще был провинциальным адвокатом), объединяющей людей вне зависимости от их религии, национальности и культуры, интегрирующей общество внедрением в него общих ценностей, нужных именно обществу как целому, а не отдельной его части (пусть даже и доминирующей);

• создание и поддержание культа предков, отдавших свои жизни ради единства нации с подчеркиванием их альтруизма и самопожертвования, и преодоленных трагедий прошлого; при этом нельзя допускать психологического давления на людей, инстинктивно отторгаемого ими;

• формирование «ключевых точек» национальной истории, обеспечивающих единство и прочность национального самосознания (в Советском Союзе такими были Великая Октябрьская социалистическая революция, победа в войне и полет Юрия Гагарина); принципиально важно, что каждое поколение должно иметь свою такую «точку», пусть даже созданную задним числом при помощи переосмысливания исторических фактов (пример — корейская и вьетнамская войны для США);

• создание «культовых мест» «гражданской религии», оказывающих подспудное влияние, не требующих усилий и являющихся местами отдыха и релаксации, а не поклонения (которое легко становится принудительным, что подрывает всю идею «гражданской религии»); идеал — парки с монументами, познавательными объектами (музеями, панорамами и пр.), водоемами, возможностью игр на свежем воздухе в любом, а не только специально отведенном месте, комби-

нированным воздействием пейзажа, архитектуры, музыки и запахов (например, от цветущих растений, подобранных таким образом, чтобы время цветения и, соответственно, запахов было максимальным); в качестве образца можно принять вашингтонский Молл (парково-музейную зону между Белым домом, Капитолием и Потомаком);

• последовательная политика мягкого, но неуклонного размывания гетто и диаспор всех видов как объективно подрывающих единство общества;

• закрепление изложенного в системе воспитания и образования, вплоть до высшего (особенно при помощи курсов истории и литературы, закрепляющей моральные ценности общества), и культурной политикой государства (включая «госзаказ», во многом благодаря которому в 30-е годы XX века «поднялся» Голливуд).

Несмотря ни на какие успехи, никогда не следует забывать, что нация — живой организм и, следовательно, ее созидание — процесс непрерывный.

КРИЗИС ФОРМАЛЬНОЙ ДЕМОКРАТИИ

Удивительно, как быстро летит время.

Понятие демократии сохраняет всю свежесть концептуально нового энергичного призыва, переворачивающего, обновляющего и возрождающего старый затхлый мир.

А ведь основные демократические институты были окончательно созданы более 200 лет назад — в XVIII веке — и с того времени лишь незначительно улучшаются и дорабатываются, оставаясь в своей основе принципиально неизменными. Между тем вопреки многочисленным и авторитетным апологетам достижения современного им человечеством высшего совершенства — от Гегеля до Фукуямы — развитие человечества все же продолжается и, постепенно меняя требования к организации общественного управле-

ния, создает необходимость более глубоких изменений, чем те, к которым люди привыкли и которые считают поэтому максимально возможными.

Эти изменения должны быть технологичными и, как минимум, обеспечивающими решение хотя бы основных проблем, с которыми уже столкнулась демократия в ее традиционном западном понимании и с которыми в своем нынешнем виде она, как убедительно показывает практика, в принципе не в состоянии справиться.

Что такое демократия?

Эволюцию этого понятия (причем не только в нашей стране, но и во всем мире) неплохо иллюстрирует сопоставление двух энциклопедических определений.

«Народовластие, государственная форма, в которой верховная власть принадлежит всему народу» (Малый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона). «...Форма политической организации общества, основанная на признании народа в качестве источника власти, на его праве участвовать в решении государственных дел и наделении граждан достаточно широким кругом прав и свобод» (Большая Советская энциклопедия).

Изменение смысла, вкладываемого в один из наиболее популярных терминов современности, весьма показательно: за долгие годы (в том числе и Советской власти) пройден непростой путь от прямого указания на непосредственную принадлежность власти всему народу к признанию этого народа всего лишь в качестве «источника» власти.

В современной практике неявно разделяются два принципиально различных понимания демократии.

Первое — содержательное, концентрирующее внимание на цели: демократия — общественное устройство, при котором управляющая система в наиболее полной степени учитывает мнения и интересы управляемых.

Второе — формально-институциональное, концентрирующее внимание на средстве. В соответствии с этим пониманием, демократия — это совокупность формальных (и потому поддающихся измерению, что очень удобно для выставления разнообразных оценок) институтов: разделения властей, независимого суда, парламента, выборов, свободы слова и ряда других.

Принципиально важно, что цель примерно соответствует средству лишь в условиях наиболее развитых западных обществ. В остальных демократическое содержание общественного устройства может быть обеспечено лишь иными, формально (то есть с западной точки зрения) недемократическими инструментами.

Именно поэтому искусственное внедрение демократических институтов в относительно неразвитые общества, как правило, ведет не к «построению демократии», но к ее разнообразным и разрушительным извращениям. (Классическим примером служат исламские страны, «демократизация» которых Западом вела к приходу к власти либо религиозных фундаменталистов, либо жестоких тиранов; весьма убедительной иллюстрацией разрушительности «экспорта демократии» является и Россия 90-х годов).

Проблема «внешнего управления»

Наиболее важная и при этом наиболее очевидная проблема современного мира заключается в том, что стандартные демократические институты призваны обеспечивать (и весьма успешно обеспечивают, как показывает практика) власть и контроль над государством (а через него — и над всем обществом) наиболее влиятельной общественной силе.

Беда лишь в том, что по мере развития глобализации и все большего упрощения коммуникаций относительно слабые страны все чаще сталкиваются с ситуацией, когда наиболее влиятельными в их обществах оказываются внешние

для них силы — будь то иные государства или глобальные корпорации. В результате они вполне демократически, а порой и незаметно для самих себя попадают в ситуацию «внешнего управления».

Аналитики и философы развитых стран по вполне понятным патриотическим (а порой и корыстным) причинам привыкли акцентировать внимание на возможности совпадения интересов структур, осуществляющих «внешнее управление», с интересами того или иного общества, и ограничивать рассмотрение проблемы исключительно данной возможностью.

Между тем не вызывает сомнений, что не только более распространенной, но и более естественной ситуацией является несовпадение указанных интересов, а в ряде случаев и их прямая противоположность.

Прежде всего дисбаланс интересов может вызываться естественным влиянием глобальной конкуренции, то есть стремлением структур, осуществляющих внешнее управление, подавить своих конкурентов из управляемых ими стран или даже не дать им появиться в принципе. Однако не менее важной причиной представляется органическое отсутствие у осуществляющих «внешнее управление» структур каких-либо обязательств, в том числе социальных и экологических, перед населением управляемых ими стран. В самом деле: государства отвечают перед своими, а не чужими гражданами, корпорации — перед своими акционерами, а глобальные сети, как будет показано ниже, и вовсе лишь перед своими непосредственными членами.

Весьма значимым является и полное либо почти полное отсутствие координации между структурами, осуществляющими «внешнее управление», а оно в силу слабости управляемых объектов достаточно редко монополизируется какой-либо одной структурой. В результате ряд воздействий, каждое из которых по отдельности является безобидным или даже полезным, в своем случайно возникающем сочетании или последовательности может оказаться разрушительным для управляемого общества.

Классическими примером может служить воздействие на слабые страны с неустойчивой экономикой МВФ и Мирового банка — при том, что их усилия обычно координируются, и проблема заключается не в отсутствии, а всего лишь в недостаточной согласованности их усилий.

С одной стороны, МВФ в соответствии со своими стандартными рекомендациями пытается обеспечить макроэкономическую стабилизацию мерами, исключающими сколь-нибудь масштабное и устойчивое развитие на основе собственного экономического потенциала слабого общества и в итоге делающими достигнутую стабилизацию неустойчивой.

С дугой стороны, Мировой банк, периодически отчаиваясь дождаться устойчивой и прочной макроэкономической стабилизации (которая, по стандартной экономической теории, является необходимой предпосылкой для оказания заметной помощи развитию), начинает стимулировать экономическое развитие или просто решение наиболее острых социально-экономических проблем (от эпидемий туберкулеза до разрушения инфраструктуры и отсутствия квалифицированно подготовленных законов) своими кредитами, которые в условиях макроэкономической (а значит, и политической) нестабильности в значительной степени разворовываются либо, в лучшем случае, тратятся неэффективно, развивая и укрепляя если не прямо коррупцию, то неэффективное устройство государственного управления.

Как представляется, именно органической безответственностью «внешнего управления» и была в первую очередь вызвана стремительная актуализация после уничтожения Советского Союза и разрушения существовавшей в рамках биполярного противостояния системы «сдержек и противовесов» трагического феномена «упавших государств». (Существенно, что поначалу этот термин порой сгоряча переводился на русский язык менее политкорректным и брутальным, но более внятным и дающим более полное представление о сути и последствиях явления словосочетанием «конченые страны».)

Безответственность глобальных управляющих сетей

Вполне естественное отсутствие ответственности по отношению к «чужим» для государств и глобальных корпораций управляемым ими объектам гармонично дополняется в условиях глобализации существенным изменением самого субъекта управления.

Государства и глобальные корпорации как субъекты международной, в том числе международной экономической, политики все в большей степени уступают свою ведущую роль разнообразным глобальным сетям.

Указанные сети формируются «сращиванием», как говорили в старину, элементов государственного управления — как собственно политического, так и связанного со специальными службами, и бизнеса, как глобального, так и национального, причем различные элементы указанных сетей базируются в различных странах.

Надо отметить, что управляющие сети такого рода существовали почти всегда, однако новостью последних лет стало постепенное освобождение, «отвязывание» их от интересов ранее доминировавших в них национальных государств и переориентация таких сетей на реализацию преимущественно собственных интересов, отличных от интересов указанных государств.

Принципиально важно, что речь не идет о контроле глобальных сетей за относительно слабыми государствами и даже странами, осуществляемым в интересах относительно сильных государств, доминирующих в данных сетях. Управляющие сети, возникающие в относительно слабых странах, традиционно в значительной степени были инструментами влияния на них более сильных государств, примерами этого полна мировая история.

Однако в настоящее время ситуация весьма существенно меняется. На современном этапе глобализации глобаль-

ные сети, по крайней мере, на Западе все в большей степени освобождаются от контроля государств как таковых и начинают хаотически манипулировать ими или их отдельными элементами в своих собственных, остающихся не оглашаемыми, а зачастую и вообще не устанавливаемыми формально, интересах.

Довольно внятным примером этой парадоксальной ситуации, когда хвост в полном соответствии с названием культового в профессиональной среде фильма «начинает вилять собакой», представляется самое сильное государство современного мира — США.

В последние годы создается устойчивое впечатление, что сформированные им глобальные сети, связанные с исламским миром, и в первую очередь Саудовской Аравией, все больше действуют в своих собственных интересах, весьма слабо связанных с национальными интересами США. При этом данные сети достаточно эффективно манипулируют остальной частью американского государства, не говоря уже о подверженном внушению интеллектуально и эмоционально незрелом американском обществе. Существенно, что глобальные сети не могут целиком подчинить себе не входящую в них часть американского государства, однако внутреннее столкновение интересов в нем обеспечивает дезорганизацию государственного управления как такового и представляется ключевой причиной нынешних как внешне-, так и внутриполитических сложностей США.

Эмансипируясь, отделяясь от государств, глобальные сети больше не отвечают за последствия своей деятельности даже для стран своего «базирования», даже для государств, которыми они создавались и которые они еще недавно считали «своими».

Принципиальное отличие сетей как субъекта управления от государства заключается в имманентном отсутствии у них ответственности перед обществом. Даже не демократичное по своему устройству государство поневоле, объективно заинтересовано в поддержании минимальной

стабильности и гражданского мира в своей стране, а сетям, рассматривающим эту страну извне, «со стороны» глобального мироустройства и представляющих собой объединение «новых кочевников» (по классическому определению Ж.Аттали), это просто не интересно. Им нужен рост совокупного влияния и прибыли своих участников, а этих целей гораздо проще достичь не в стабильной, а в хаотизированной ситуации, «ловя рыбку в мутной воде».

Таким образом, создавая глобальные сети и в последующем упуская из своих в их руки важные полномочия в сфере общественного управления, национальные государства, даже исключительно сильные и эффективные, сами создают для себя субъект «внешнего управления», пренебрегающий их интересами, как это было показано в предыдущем параграфе.

Представляется исключительно интересным и значимым, что это освобождение от ответственности не проходит даром и для самих глобальных сетей. Их освобождение, отделение от государства лишает их возможности в полной мере использовать его возможности по стратегическому планированию (от анализа до корректировки внешних процессов), что драматически снижает эффективность не только манипулируемого ими государства, но и их собственной деятельности.

Классическим примером этого обоюдного снижения эффективности представляется операция по свержению Саддама Хусейна, которая привела к достижению лишь локальной цели — временному поддержанию нефти на высоком уровне, выгодном нефтяным корпорациям США и Саудовской Аравии. Стратегическая задача американской части глобальной сети — контроль за иракскими недрами с возможностью их неконтролируемого и единоличного (или совместно с Великобританией) использования — была провалена. Более того: репутация США понесла невосполнимые потери, а представители глобальной сети в США не просто были дискредитированы, но и, по всей вероятности, утра-

тят власть в 2008 году, что приведет к ослаблению США до уровня, наблюдавшегося в президентства Форда и Картера, и подрыву всего опирающегося на их глобальное доминирование мирового порядка.

Другая часть глобальной сети — представители элиты Саудовской Аравии — получила в качестве «головной боли» резкое усиление своего ключевого соперника — Ирана, избавившегося от сдерживающего фактора в лице Хусейна. При этом ослабление США (если быть точным, их административно-управленческое и интеллектуальное истощение) в результате их погружения в трясину иракской войны не только крайне затруднило прямой военный удар по Ирану, но и сделало почти невозможным его успешное стратегическое сдерживание.

Кровавый хаос в Ираке создал многочисленные дополнительные проблемы и помимо возникновения предпосылок для перехода его основной, населенной шиитами части под контроль Ирана. Так, Турция получила призрак курдского государства, существующего де-факто и неизбежно подлежащего оформлению де-юре в ближайшее десятилетие. Но главное — произошла (в том числе и из-за свержения одного из светских режимов в исламских странах) общая глобальная радикализация ислама, что проявилось прежде всего на Ближнем и Среднем Востоке.

Наиболее болезненным «эхом» ир;акского провала США стало ухудшение военного положения НАТО в Афганистане. Наступление талибов постепенно развивается и, по имеющимся аккуратным оценкам американских военных, в течение 2-3 лет талибы даже при максимально возможных усилиях США смогут вынудить их к выводу войск из Афганистана и восстановить тем самым свой контроль за его основной частью.

При этом представляется весьма существенным неустойчивость светского режима Мушаррафа в Пакистане. Прилегающие к Афганистану районы Пакистана уже контролируются талибами и объявили о создании независимо-

го государства. После закрепления талибов в Афганистане свержение Мушаррафа явится вопросом не очень длительного времени. В результате возникнет единое, расширенное по сравнению с ситуацией до 2001 года государство Талибан. Основная часть Пакистана, которая не войдет в государство Талибан по этническим причинам, также неминуемо радикализуется. При этом не вызывает сомнений, что патриотически и националистически настроенные военные не позволят эвакуировать из Пакистана имеющееся у него ядерное оружие, в результате чего религиозно-фундаменталистское пакистанское государство будет обладать им, а угроза ядерной войны с Индией (а весьма возможно, что и с Западом) станет в повестку дня.

* * *

Таким образом, ставшая уже привычной и само собой очевидной для США концепция «экспорта управляемых кризисов» незаметно для них самих перерождается в результате перехода части реальных властных полномочий к глобальным сетям в концепцию «экспорта неуправляемых кризисов». Такое развитие событий подрывает глобальную устойчивость и существенно повышает совокупные риски мирового развития.

Сетевые войны требуют «мутной воды»

Наконец, третью проблему порождает изменение характера войн, которые во все большей степени ведутся не с государствами, а с сетевыми структурами. Это вызвано меняющимся характером современной глобальной конкуренции, которая во все большей степени становится межцивилизационной.

Сегодня уже практически не вызывает сомнения, что глобальные монополии, лишившиеся после уничтожения

Советского Союза сдерживающей силы в виде биполярного противостояния двух систем, в ходе стихийной и хаотической погони за наживой создали мировой порядок, лишающий две трети человечества возможности нормального развития и потому отличающийся крайней неустойчивостью. Зарождение же и проявление новой силы, сдерживающей их саморазрушающий произвол, представляется в этих условиях вопросом лишь времени и новых болезненных кризисов.

Весьма интересен с этой точки зрения подход американского политолога Н.Злобина, рассматривающего гражданское общество как основную силу, сдерживающую современное государство и именно за счет этого сдерживания обеспечивающую стабильность общества. Опираясь на ставшие в последние годы традиционными представления о том, что в современном глобализированном мире страны и группы стран занимают роль основных структурных элементов привычного нам общества (есть страны-банкиры, страны-пролетарии, страны-менеджеры и так далее), Н.Злобин высказал кощунственную с точки зрения традиционной внешнеполитической религии Запада, но исключительно многообещающую с практической точки зрения мысль, С его точки зрения международный терроризм можно рассматривать как стихийное, еще далеко не полностью оформившееся и в силу этого пока еще неизбежно уродливое проявление нарождающегося глобального гражданского общества. Как и в случае традиционного, не над- а внутринационального общественного устройства, это глобальное гражданское общество объективно призвано сдерживать глобальное государство, в роли которого выступают США как персонификация коллективного Запада.

Столкновение с гражданским обществом, пусть даже глобальным, неминуемо приобретает для традиционного государства характер комплексного, многоуровневого взаимодействия с сетевыми структурами, в основном самодеятельными, сплетение которых и составляет это гражданское

общество. Войны с ним, неизбежные в силу современного состояния развитых стран Запада и неразвитых двух третей человечества, поэтому неизбежно становятся войнами с сетевыми структурами, которые объективно требуют непубличных, не подлежащих огласке действий — от тайных переговоров до тайных убийств (предельным выражением последних являлась операция «Феникс», заключавшаяся в массовом уничтожении американцами и обученными ими спецслужбами Южного Вьетнама функционеров партизанского движения; эффективность этой операции оценивалась северовьетнамскими военными исключительно высоко). Понятно — и это наглядно подтвердила недавняя война Израиля против Ливана, — что традиционное демократическое правительство, работающее чуть ли не «под телекамеру», не может осуществлять подобные действия просто технологически.

Таким образом, сетевые войны объективно требуют ограничения демократии в виде ее формальных, созданных Западом институтов. Однако не следует забывать, что подобное ограничение возможно лишь при условии высокой идеологизации общества или хотя бы его элиты, так как иначе ограничение демократических инструментов неизбежно ведет к коррупции и разложению всей системы общественного управления.

Основная проблема заключается в том, что современная западная демократия не терпит идеологизации и последовательно и целенаправленно уничтожает ее, выбивая тем самым почву из-под своих собственных ног!

«Ремонт» западной демократии изменит мир

Таким образом, демократия в ее современном западном понимании испытывает жестокий кризис. Ее внутреннее устройство в целом перестало соответствовать объективным требованиям глобализации и уже не способно «автомати-

чески» решать порождаемые ею проблемы, а ведь именно в этом и заключалась историческая сила демократии.

Основное направление противодействия описанным выше проблемам — так сказать, «ремонта демократии своими средствами и на скорую руку» — представляется самоочевидным. Это укрепление государственности в ее традиционном понимании, восстановление и реабилитация в глобальном сознании понятия «суверенитет» и особенно «суверенитет народа», понимаемого как «население той или иной страны, объединенное общей культурой», восстановление международного права в том виде, в котором оно существовало до 1999 года. Принципиально важным представляется и возврат к национально ориентированной системе ценностей от глобальной системы ценностей, которая, если и возможна в принципе (так как обычно она подменяется системой ценностей США или же Евросоюза), то, во всяком случае, саморазрушается.

Наиболее развитым странам мира, столетиями считавшими себя светочем цивилизации, необходимо осознать, что они слишком далеко и слишком корыстным образом забежали вперед в деле объединения мира и теперь ради его спасения просто обязаны сделать шаг назад.

Необходим установленный в явной и открытой форме приоритет коллективной безопасности над демократией и правами человека в западном понимании этих терминов, отказ от крестового похода за демократизацию и признание за каждым обществом права жить по своим собственным законам и обычаям. Пора признать, что источником законной власти в каждом обществе является все же исключительно его народ со всеми его предрассудками и недостатками, а отнюдь не меняющаяся раз в несколько лет администрация Соединенных Штатов Америки. Тем более не является источником легитимной власти в формально независимых государствах и «агрессивно-послушное», как говорили про большинство последнего советского Съезда народных депутатов, «моральное большинство» западного

мира, конституированное (да еще во многом и в коммерческих целях) CNN и еще несколькими глобальными средствами массовой информации.

Потребность в этой консервативной, традиционалистской контрреволюции очевидна, однако сама ее возможность остается совершенно не ясной. Она слишком явно противоречит сегодняшним интересам наиболее влиятельных и эффективных субъектов глобальной политики и представляет собой в определенной степени возврат в уже известное и лишь поэтому кажущееся относительно безопасным и благополучным прошлое. «Обеспечение глобальной безопасности» по своей сути — не более чем шаг назад, сама принципиальная возможность которого даже с чисто методологической точки зрения представляется сомнительной.

Отрицаемый всем развитием человечества путь принудительной глобализации и насильственной демократизации не является только придуманной кем-то и когда-то «голой идеей». Он осуществляется с такой пугающей последовательностью, разрушительностью и самоотреченностью именно потому, что является равнодействующей интересов наиболее эффективных и влиятельных участников современных глобальных рынков.

Человечество идет по этому пути не потому, что кто-то обманул и обольстил его, но потому, что этот путь в наибольшей степени соответствует текущим потребностям и особенностям его наиболее влиятельных членов.

Поэтому «ремонт» демократии в ее западном понимании, кто бы и как бы ни взялся за его осуществление, в случае своего успеха неизбежно перерастет в коренное изменение всего сложившегося мирового порядка. Всерьез рассчитывать на то, что это не представимое сегодня и в основном неминуемо хаотичное изменение затронет исключительно несправедливые для нас его элементы, оставив в неприкосновенности все, что мы считаем справедливым и удобным для себя, представляется по меньшей мере наивным.

ТВОРЧЕСКАЯ ПРИРОДА ГОСУДАРСТВА

Отрава либеральной пропаганды глубоко въелась в наши головы.

Выросло целое поколение людей, искренне полагающих, что обязанности государства сводятся к созданию и поддержанию «правил игры» и в лучшем случае — к формированию институтов и инфраструктуры общественного развития, но ни в коем случае не к его направлению и организации.

При этом никто как-то не задумывается (по крайней мере, публично) о том, что даже создание «правил игры» и институтов само по себе уже достаточно жестко программирует будущее развитие.

Однако реальные функции государства существенно шире. Главная из них — обеспечение национального единства, то есть сотрудничества и коллективных действий в общем направлении различных сил (социальных, национальных, интеллектуальных), действующих в обществе.

Даже в наиболее удобном для либеральных теоретиков случае, когда это направление складывается само собой как равнодействующая общественных сил, государство обязано оказывать на нее существенное корректирующее воздействие (ибо в определенных условиях общества склонны к самоубийству, как, например, советское, или к разложению в условиях застоя).

В целом же ряде случаев (когда общество не интересуется вопросами развития или оказывается расколотым) государство делает стратегический выбор за общество, по сути дела навязывая его ему (разумеется, «мягкими» технологиями, заинтересовывая его и манипулируя его настроениями) и организуя его последующее развитие.

Рассмотрим внимательней важнейшую социальную функцию государства — создание и поддержание нацио-

нального единства (для чистоты картины ограничимся социальной проблематикой, отложив рассмотрение более сложной национальной).

Гармонизация интересов бизнеса и населения — условие национальной конкурентоспособности

Развитие общества определяется взаимодействием трех основных субъектов: государства, бизнеса и населения. Принципиально важно, что образы действия и краткосрочные интересы бизнеса и населения различны.

Бизнес по своей природе стремится к эффективности — к концентрации благ у наиболее успешных субъектов экономики и политики. Это стремление оформляется идеологией свободной конкуренции — либерализмом.

Население же стремится к справедливости, то есть к более равномерному распределению благ. Его естественная идеология — социализм.

Государство обеспечивает гармонизацию этих текущих интересов ради достижения долгосрочного успеха всего общества в целом.

Различные исторические условия, решение обществом различных задач на разных этапах его развития требуют различных пропорций между эффективностью и справедливостью, между либерализмом и социализмом. Соответственно сменяются и стоящие у власти политические силы.

Общий принцип гармонизации интересов бизнеса и населения прост, хотя и выработан развитыми странами в социально-управленческих муках. Во внешнем мире государство должно реализовывать интересы бизнеса как более активного и творческого элемента общества, всячески поддерживая и частично направляя его экспансию. Внутри же общества оно должно поддерживать в первую очередь население — не столько вследствие его преобладающего (в по-настоящему демократическом обществе) политического влияния, сколько потому, что внутренне нестабильное, рас-

колотое общество не может быть конкурентоспособным в средне- и особенно долгосрочном плане.

Описанная модель связана с издержками для бизнеса, но они окупаются эффективностью государства, способного обеспечить как выполнение установленных им «правил игры» внутри страны, так и внешнюю экспансию бизнеса, за счет которой он получит гарантированно больше, чем потеряет от внутренних ограничений. Пример самоограничения крупного бизнеса на внутренней арене — его согласие на антимонопольное регулирование.

Вместе с тем из этой вроде бы тривиальной схемы гармонизации интересов бизнеса и населения за счет поощрения государством внешней экспансии бизнеса в обмен на его согласие с приоритетностью интересов населения внутри страны следует трагичный вывод о возможности успешного развития лишь ограниченного количества стран. Ясно, что внешнюю экспансию, являющуюся условием внутренней гармонии общества, не смогут осуществлять все страны мира: кто-то будет ее субъектом, а кто-то — неминуемо — объектом. Как пел Булат Окуджава, «ведь пряников сладких всегда не хватает на всех». Страна, являющаяся объектом внешней экспансии (классический пример — современная Россия), не только лишена возможности гармонизации интересов бизнеса и населения описанным способом, но и сталкивается с качественно новыми проблемами, порождаемыми этой внешней экспансией.

Доступный для нее способ гармонизации интересов населения и бизнеса — объединение их усилий в противостоянии внешней экспансии ради сохранения в стране большей доли производимых ресурсов и направления их на нужды собственного развития этой страны, то есть в развязывании своего рода «национально-освободительной» войны в области экономики. Необходимость этой «войны» и победы в ней отнюдь не отменяет необходимость одновременной организации внешней экспансии национального бизнеса, которая становится самостоятельной задачей государственной политики.

Неотъемлемые функции государства

Бизнес по своей природе ориентирован на поддержку и прославление сильных, тех, кто сам в состоянии позаботиться о себе. (Именно в этом корни ограниченности и недостаточности его идеологии — либерализма.)

Соответственно, общественной функцией государства является забота об остальных — о тех, кто по тем или иным причинам не может позаботиться о себе сам. В целом функция государства шире и носит компенсаторный характер: оно берет на себя все задачи, которые стоят перед обществом, но которые оно не может выполнить само. Именно в силу объективного наличия значительного круга таких задач даже для самого развитого общества оно терпит государство с его неэффективностью и монополией на насилие. Ведь необходимую вещь лучше сделать плохо, чем вообще не сделать.

Неотъемлемые функции государства: установление норм и правил и обеспечение их соблюдения (поэтому возможна частная тюрьма, но не частный суд), обеспечение безопасности общества (включая обороноспособность, поддержание устойчивости природной и технологической среды), стратегическое планирование (государство— мозг и руки общества) и организация социальной помощи.

Кроме того, в зависимости от уровня развития общества государство оказывает ему услуги, которые оно постепенно должно научиться оказывать себе само. Важнейшая из них — реализация долгосрочных и капиталоемких проектов, непосильных или непривлекательных для бизнеса (как правило, из-за значительности необходимых инвестиций и длительности или неопределенности их окупаемости) — в первую очередь в области развития инфраструктуры и создания новых технологий (включая фундаментальную науку).

Сфера влияния государства естественным образом сужается по мере развития общества: последнее берет на себя

все больше функций, однако не только установление норм и правил, а также социальная помощь, но и стратегическое планирование останутся в его преимущественной компетенции.

Чем слабее общество, тем шире поле деятельности государства. Поэтому оно постоянно испытывает соблазн ослабить общество ради сохранения или даже расширения своего влияния, что ведет к неэффективности и проигрышу во внешней конкуренции. Объективно обусловленная задача бизнеса — не дать государству остановить развитие общества и окостенеть, в том числе и отбирая у государства ряд функций, с которыми общество (хотя бы в части бизнеса) уже научилось справляться.

Государство и бизнес: единство и борьба противоположностей

Бизнес активнее и сознательнее населения, поэтому государство должно в первую очередь выстраивать отношения именно с ним. Однако их нельзя понять без третьей и главной вершины «общественного треугольника» — населения, этого великого и, при нормальной ситуации, безмолвствующего субъекта политической жизни (население становится народом, когда неэффективность государства вынуждает его выходить на политическую сцену и возвращать себе ряд функций общественного управления, ранее делегированных доказавшему свою неэффективность государству). Если власть отрывается от населения, перестает ощущать свою ответственность перед ним, она неминуемо становится неэффективной. В этом случае народу приходится поправлять ее, демонстрируя неблагополучие ситуации различными методами — от низкой явки на выборы и высокой доли голосующих «против всех» до массовых беспорядков и революции.

Если государство не чувствует своей ответственности перед населением, оно лишается необходимой точки опо-

ры в отношениях с бизнесом и либо подчинится ему, либо само подчинит его себе.

Ничего хорошего не произойдет в обоих случаях.

Подчинение государства бизнесу, помимо дичайшего расцвета коррупции, превратит государство в простой инструмент реализации его интересов, как это было в 90-е годы XX века в России, и лишит государство возможности выполнять свои общественные функции (просто в силу объективно обусловленного несовпадения интересов бизнеса с интересами общества).

Подчинение же бизнеса государству задушит его творческий потенциал, а затем и потенциал всего общества, как это имело место при социализме.

Опираясь на население, государство получает возможность говорить с бизнесом от имени всего остального общества, выполняя свою функцию стратегического планирования и определения норм и правил, необходимых для достижения определенных им целей.

Если в своем диалоге с бизнесом государству удалось решить принципиальную задачу — опереться на население, главной проблемой становится в значительной степени технический механизм определения национальных интересов.

Наиболее эффективной моделью (не считая Китая, модель которого при своей потрясающей эффективности специфична) представляются США, которые именно при помощи таких механизмов обеспечили симбиоз государства и транснациональных корпораций (ТНК), являющийся источником их глобального лидерства.

Американскому государству удалось добиться близости целей корпораций, ориентированных на повышение своей конкурентоспособности, и целями общества, заинтересованного в закреплении той же самой конкурентоспособности, но уже на ином, формально более высоком, а на деле более низком, национальном уровне. Американские ТНК и государство, как правило, преследуют единые общенациональные цели, помогая друг другу решать соответственно

преимущественно экономические и преимущественно политические задачи. При решении коммерческих задач государство выступает в роли «младшего партнера», а при деятельности во всех остальных направлениях в роли ведомого выступает бизнес.

Главным механизмом объединения государства и крупного бизнеса США в мировой конкуренции является деятельность американского аналитического сообщества. Оно выросло из антикризисных подразделений корпораций и сохранило теснейшую связь с ними, финансируясь ими и обслуживая в первую очередь их интересы. В то же время на деньги корпораций аналитическое сообщество обеспечивает «сопровождение» деятельности партий, служа их аналитическими структурами. Победа того или иного политика на выборах ведет к переходу в его аппарат сотрудников этих структур. Они понимают, что пришли в госаппарат временно, и сохраняют «производственную базу» в аналитических структурах, формально не являющихся частью государства.

Аналитические структуры становятся подлинным «мозгом» государства. Решения, реализуемые госаппаратом, разрабатываются на деньги коммерческих организаций при помощи коммерческих технологий управления и, соответственно, с коммерческой же эффективностью, что повышает эффективность государства. Они оказываются **важнейшим звеном, соединяющим корпорации и государство в единое целое** именно благодаря ориентации на глобальные процессы и ценности.

Американский путь отличается от характерной для неразвитых стран «олигархии» тем, что сращивание государства и корпораций идет на уровне не только лоббистов, но в наиболее важной части — на уровне стратегических аналитиков, то есть на базе не узкокорыстных интересов корпораций, а на основе долговременных стратегических интересов.

Вместо того, чтобы сначала порознь выработать системы корпоративных и государственных интересов, а за-

тем мучительно и противоречиво, порождая высокую общественную напряженность, приспосабливать их друг к другу при помощи громоздкой, прожорливой и эгоистичной политической машины, США при помощи аналитического сообщества с самого начала вырабатывают систему национальных интересов как целое, объединяющее интересы бизнеса и государства. Это смягчает противоречия и повышает осознанность развития, а с ним — и конкурентоспособность общества.

Государство — источник исторического творчества

Изучая примеры эффективного государственного управления, мы видим с обескураживающей ясностью, что государство, завися от общества и соизмеряя свои действия с его мнениями и даже предрассудками, не обслуга и не придаток общества.

Государство — самостоятельный субъект, созданный обществом и обособившийся от него для выполнения принципиально новых функций, неподвластных самому обществу.

Главной из таких функций является развитие или, если акцентировать внимание на качественной стороне дела, преображение общества: необходимость его может ощущаться изнутри, давая импульс мысли и действию, но само это действие и даже осмысление могут осуществляться только извне общества — со стороны государства.

Возможно, это выглядит кощунством, однако эффективное исполнение любой из признаваемых либералами функций государства приводит нас к признанию его самостоятельной, творческой сущности. И трагедия либерализма заключается именно в том, что в силу догматичности и идеологической ограниченности он последовательно требует половинчатого и непоследовательного, а значит, и неэффективного исполнения этих функций.

В самом деле: возьмем, например, создание производственной инфраструктуры. Даже цитадель самого оголтелого

либерализма в современном мире — МВФ — признает, что при слабости национальной экономики государство должно, заняться развитием инфраструктуры.

А теперь посмотрим, каковы масштабы этого процесса.

В сегодняшней России — отнюдь не самой слаборазвитой стране, каким бы ни был ее регресс,— скорейшей модернизации подлежат следующие виды инфраструктуры:

- линии электропередач, как магистральные, так и распределительные;
- автомобильные дороги, в том числе внутри населенных пунктов;
- железные дороги;
- аэропортовое хозяйство;
- речные и морские порты, не используемые для экспорта;
- инфраструктура жилищно-коммунального хозяйства;
- значительная часть гидротехнических сооружений;
- часть газораспределительной сети;
- значительная часть стационарной телефонной связи;
- почта.

Отказ от решения задачи модернизации инфраструктуры означает продолжение сокращения территориальной связности страны, реально угрожающей ее территориальной дезинтеграцией.

В то же время масштабность задачи такова, что даже одно только начало ее сознательной реализации кардинальным образом изменит весь деловой и инвестиционный климат страны.

И это особенность не России—это особенность инфраструктуры. Она в силу самой своей специфики, с одной стороны, как правило, исключительно капиталоемка (и потому требует значительных усилий и затрат), а с другой — играет принципиально нерыночную роль, создавая рыночную среду для других участников рынка (характерно в этом отношении определение свободы как избыточности инфраструктуры), но допуская внутри самой себя лишь ограниченную конкуренцию.

С другой стороны, при модернизации инфраструктуры немедленно возникает вопрос о том, как именно ее следует модернизировать. Железную дорогу нельзя тянуть в пустоту: строя ее, мы либо подразумеваем освоение соответствующей территории, либо воздвигаем монумент собственной глупости, разбазаривая средства, силы и время нации.

А это значит, что модернизация инфраструктуры уже подразумевает наличие программы развития и размещения производительных сил, которую некому создать, кроме государства (естественно, при тесном сотрудничестве с бизнесом по моделям от США и Франции до Японии).

Конечно, эта модель будет несовершенной и неточной. Однако, как показывает опыт той же Японии (в которой оказалась реалистичной лишь половина определенных в 50-е годы приоритетов), сам факт ее реализации настолько оздоровляет экономическую обстановку и настолько оживляет бизнес, предоставляя ему новые возможности, что он оказывается в силах не только исправлять ошибки государства, но и развивать качественно новые отрасли, создавая качественно новые сферы конкурентоспособности, по вполне понятным причинам просто не предвиденные государством.

Но ярче всего творческое призвание — творческая природа и функция государства — видно в стимулировании технологического прогресса. Создание новых технологий по определению имеет нерыночный характер, так как колоссальные средства вкладываются в полную неопределенность, без каких-либо реальных возможностей оценить риски их потери.

Попытка формирования рыночных костылей в виде венчурного бизнеса достигла лишь ограниченного успеха, касающегося прикладной сферы, то есть воплощения на практике уже созданных технологических принципов; ключевая же сфера создания этих принципов остается наиболее рискованной и потому нерыночной, доступной преимущественно государству. Недаром основным инструментом технологического прогресса остаются, как это ни прискорбно,

военные расходы: только страх уничтожения в войне оказывается достаточно сильным для переламывания страха перед высокими рисками инвестиций в создание новых технологических принципов.

А осуществлять эти инвестиции и уж тем более организовывать, направлять их может только государство.

Эти примеры бесспорны, но они представляют собой лишь частные проявления творческой функции государства. Суть же ее заключается в непосредственной организации общественного развития как такового и в создании многочисленных предпосылок для него, многие из которых (например, создание системы образования) требуют десятилетий.

Таким образом, государство преобразует общество для самого общества, с максимальным учетом его мнений и интересов (достижение этой цели, собственно, и является демократией), но в отделенности от него и при необходимости — вопреки его сиюминутным желаниям и требованиям.

«ОЧЕНЬ СЛОЖНО ГРАЖДАНСКОМУ ОБЩЕСТВУ БОРОТЬСЯ С ТЕРРОРИЗМОМ ПРОТИВ СОБСТВЕННОГО ГОСУДАРСТВА»

Выступление на II Международном конгрессе Всемирного антикриминального антитеррористического форума «Гражданское общество против преступности, новых вызовов и угроз» 1 июня 2007 года, Москва, Государственная Дума

Уважаемые коллеги, дамы и господа, товарищи!

Прежде всего позвольте мне высказать несколько комментариев к предыдущему выступлению, которое мне очень понравилось.

Начнем с того, что, прежде чем в рамках развития толерантности уважать национальные обычаи, их надо сначала узнать.

Потому что обычаи бывают разными.

Есть, например, такой обычай — рабовладение.

С другой стороны, если вы не знаете обычаев, вас могут просто ввести в заблуждение. В конце 1991 года из одного субъекта Российской Федерации пришла бумага о том, что граната «Ф-1» является неотъемлемой частью национального костюма и потому ношение ее не может трактоваться как незаконное ношение оружия.

И не надо бояться, что наша недостаточная толерантность испортит отношения России и США. Они таковы, что вряд ли их вообще что-то сможет еще больше ухудшить.

И бархатной революции бояться не надо. Бархатной революции в России не будет, потому что в нашем обществе вообще ничего бархатного не бывает.

Наконец, последнее: мы все справедливо негодуем по поводу западных, как здесь было сказано, «бизнесменов от политики», которые под видом демократии насаждают прозападные режимы.

Простите пожалуйста, а где наши такие «бизнесмены от политики»? Почему никто и нигде не насаждает наши ценности? Почему я не слышу из-за бугра визга о том, что проклятая Россия опять установила дружественный себе режим в очередной стратегически важной стране?

Теперь от во многом риторических вопросов перейдем к делу.

Террористическое действие сочетает в себе три квалификационных признака. В отсутствие любого из них то или иное действие может вызывать любые эмоции, но с научной точки зрения терроризмом не будет.

Первый признак — принуждение управляющей системы или общества в целом к тем или иным действиям или к отказу от них.

Второй признак — это принуждение должно осуществляться при помощи насилия или действенной угрозы применения насилия.

И, наконец, третье — принуждение должно осуществляться в нарушение действующих правовых норм или общепринятых норм поведения.

Здесь важны нюансы. Так, забыв о возможной направленности терроризма на общество в целом, мы забудем тем самым и о государственном терроризме, и о запугивании, деморализации целых обществ.

Забыв о таком критерии, как действенность угрозы насилия, мы ставим на одну доску слова «я убью тебя», произнесенные дурно воспитанным пятилетним мальчиком в состоянии истерики и тоже дурно воспитанным тридцатилетним молодцом с автоматом на шее или ножом в руке.

Наконец, если мы забудем о том, что терроризмом может быть лишь нарушение действующих законов или общественных норм, мы превратим в террористическое действие любое требование соблюдения закона с угрозой предусмотренным законом наказанием, обращенное к любому руководителю.

Таким образом, мы видим, что не только на бытовом, но и на научном уровне терроризм является исключительно серьезным, страшным явлением.

Поэтому вы поймете, что мои первым чувством, когда меня попросили выступить о неправительственных организациях в системе гражданского противодействия терроризму, был испуг. Я представил себе хор мальчиков-зайчиков, пытающихся с песней «Солнечный круг, небо вокруг» на устах противодействовать тем террористам, которых мы себе представляем.

Но, конечно, общественные организации могут противодействовать террористам. Другое дело, что это противодействие будет эффективным только при условии теснейшего сотрудничества с государством.

Прежде всего неправительственные организации могут заниматься предупреждением терроризма. Они могут поощрять солидарность, взаимовыручку и бдительность. Не всегда приятно, например, слышать от бабушек на скамейке в чужом дворе подробные расспросы о целях своего пребывания, но безопасность, по-видимому, это повышает.

Значимым фактором противодействия терроризму могут стать этнические диаспоры, если они будут ощущать себя потенциальными заложниками. Их высокая дисциплинированность, сплоченность, полная информированность их руководства уже используется и в политических целях, и для противодействия терроризму, однако антитеррористический потенциал диаспор далеко еще не исчерпан.

Важный инструмент предупреждения терроризма — разрушение потенциальных возможностей для него. Например, в Москве в массовом порядке железными оградами огораживаются дворы, и без знания кода в них нельзя не только проехать, но и пройти. Это плохо не только для тех, кто пытается по старой памяти пройти с одной улицы на другую дворами, но, может быть, и для терроризма тоже.

Профилактическим средством представляются и СМИ — как традиционные, так и интернетовские, вплоть до «живого журнала», являющегося по сути специфическим сегментом гражданского общества. Современные СМИ обладают аналитическими, не говоря уже об информационных возможностями, существенно превосходящими возможности даже наиболее развитых государств. И это не говоря уже о большей мобильности.

«Живой журнал» вообще позволяет рассматривать любую точку зрения с самых разных точек зрения, оперативно получая разнообразные свидетельства очевидцев, которых еще можно и расспросить, и весь спектр мнений. Да, безусловно, имеют место и пропаганда, и бессознательные субъективные искажения, однако они достаточно легко выявляются.

Очень важная вещь — внимание к СМИ и кинофильмам, по которым могут распространяться новые технологии террористической деятельности. В Советском Союзе это было оправданным направлением цензуры, а сейчас придуманный режиссером ход может оказаться действенной террористической технологией. Помню, как в одном из глянцевых журналов известный режиссер признался, что в конце 80-х для фильма о бандитах придумал пытку утюгом, поставленным на живот, а потом этот метод широко пошел «в массы».

Общество может контролировать и содержание рекламы. Рекламы, пропагандирующей терроризм, я пока не видел, а вот пропаганды наркотиков у нас в Москве сколько угодно. Последний пример: была такая дурацкая социальная реклама, очень примитивная, очень неэффективная — «Скажи нет наркотикам!». Так вот с месяц назад Москва была заклеена рекламой «Скажи нет котикам!». И котики такие пририсованы, белые и пушистые. Понятно, что на подсознательном уровне это высмеивает лозунг «Скажи нет наркотикам!», представляет всякую антинаркотическую пропаганду как бессмыслицу.

Наконец, необходимо распространение знаний о том, как снизить вероятность стать жертвой теракта и что делать, если вы все-таки попали в ту или иную ситуацию. К сожалению, в школах это преподают в основном совершенно формально и бессмысленно, как когда-то начальную военную подготовку или основы государства и права. Рекомендации же, которые все-таки как-то распространяются, обычно не имеют отношения к реальной жизни.

А в результате у нас до сих пор полно молодых идиоток, которые не понимают, что садиться ночью к кавказцу-таксисту опасно! У моих знакомых только за этот год было несколько случаев, а подробное разъяснение, что, как и почему, разумеется, без всякого национализма и, возможно, с подробным разъяснениям тяжести жизни мигрантов мог-

ло бы с одной стороны спасать имущество и здоровье, а то и жизни, а другой стороне помогать удержаться в каких-то рамках.

Помимо предупреждения терроризма гражданское общество может участвовать в преодолении его последствий. Грустная тема, но вот раньше у нас, например, были добровольные пожарные дружины, часто вполне эффективные. Гражданская оборона тоже может быть не профанацией, а действенным результатом самоорганизации людей. В конце концов, было когда-то такое общество — ДОСААФ. Его преемница РОСТО сейчас вроде тоже существует, но ее не видно и не слышно.

Наконец, неправительственные организации многое могут сделать для ликвидации питательной среды для терроризма. Это и советы старейшин, и укрепление местного самоуправления, и разнообразные общественные организации, и организация досуга молодежи.

Разумеется, надо воспитывать нетерпимость к экстремизму, разжиганию межнациональной и социальной роли и вести тщательное отслеживание всех подобных проявлений.

К сожалению, этим у нас сейчас занимаются — да и то, скорее, на психопатическом уровне — только евреи и гомосексуалисты. Основная часть общества с проявлениями экстремизма и разжиганием практически не борется.

И, знаете, ее в этом очень трудно винить.

Потому что обществу, особенно российскому, да и неправительственным организациям в целом очень трудно и даже противоестественно бороться против собственного государства.

В самом деле: ай, какая плохая штука разжигание социальной розни. А кто у нас занимался этим разжиганием в совершенно истерических объемах в 2003 году? Что, коммунисты? Нет. Нацболы? Нет. АКМ какой-нибудь? Нет. Это делали люди, теснейшим образом связанные с государством и, по-видимому, направлявшиеся им.

Идем дальше. Коллеги, это же черный ужас — разжигание межнациональной розни! Угу. А кто у нас им занимается? Кто, в частности, полтора года назад превратил слово «русский» едва ли не в синоним слова «фашист»? Правильно, это делали и делают люди, теснейшим образом связанные с государством и, по-видимому, направляющиеся им.

И что, прикажете неправительственным организациям и обществу бороться с собственным государством?

С другой стороны, использование терминов, обозначающих ужасные вещи, в повседневных политических целях девальвирует эти понятия, делает их повседневными. Еще пять лет назад за слово «фашист» в России можно было быть убитым. А сейчас, когда про кого-то говорят это слово, возникает подозрение, что это честный и хороший человек, которого «прессует» официальная пропаганда.

Другой пример: по действующему законодательству экстремизмом является любое несогласие с начальством, выраженное в резкой форме. Недавно прокуратура возбудила уголовное дело против Андрея Пионтковского — законченного либерала, кристально чистого интеллигента и поборника прав человека в реальном, а не пропагандистском смысле этого слова. За книгу, вышедшую два года назад, его обвиняют в экстремизме, разжигании межнациональной и социальной розни. Такими темпами через пару лет мы Библию запретим — там сказано «не мир я вам принес, но меч»; это с легкостью можно оформить как разжигание, а Ветхий Завет вообще полон сценами насилия, разрушительно влияющими на неокрепшую психику прокуроров.

Тем не менее, неправительственные организации могут сыграть большую роль в противодействии терроризму, поддерживая общественные традиции.

Ведь борьба с терроризмом объективно требует ограничения демократии. Ведь это по своей природе борьба с сетями, которая требует непубличных действий, которые никогда, и через тысячу лет, не должны подлежать огласке, — от тайных переговоров до тайных убийств.

В клинической форме мы это наблюдали во время так называемой войны Израиля с Ливаном, когда израильское правительство, работающее практически под телекамеру, оказалось полностью недееспособным.

Но что значит ограничение демократии? Прежде всего растет угроза коррупции. А главное, это ограничение с легкостью может стать чрезмерным и привести к возникновению никому не нужной диктатуры.

При этом заранее определить границу между необходимым и недопустимым ограничением демократии нельзя. Она своя для каждого общества и зависит от внутренней ситуации, традиции, обычаев, культуры — миллиона разных факторов — и потому может быть только нащупана. Инструкции здесь заранее не напишешь, предвидеть нельзя ничего!

Неправительственные организации — единственный инструмент сдерживания бюрократического рвения и нахождения необходимого баланса между борьбой с терроризмом и сохранением демократии. Надо сказать, что Западной Европе в 70-е годы это удалось, хотя какие там были террористы! — о некоторых организациях то, что они вообще существовали, достоверно стало известно только через 20 лет после прекращения их деятельности.

Однако неправительственные организации могут помогать государству сохранять демократию, противодействовать бюрократическому рвению и избегать перегибов только в том случае, если государство будет заинтересовано в этом.

Очень сложно помогать государству, которое не хочет, чтобы ему помогали, и которое само не брезгует террористическими методами для решения сиюминутных политических задач.

Привести пример?

Вы помните, что в начале своего выступления я привел три квалификационных признака терроризма? Так вот, ученые, сформулировавшие их много лет назад, последние полтора месяца должны считаться экстремистами!

И вы все — вы здесь сидели и кивали, и ни один не выскочил с протестом — вы все, согласные с этими критериями, тоже экстремисты! Вам всем грозит по 15 лет!!

Потому что полтора месяца назад в полутора километрах отсюда государство в лице ОМОНа, собранного со всей страны, осуществило в отношении «Марша несогласных» действия, полностью соответствующие всем квалификационным признакам терроризма!

Я не рассматриваю здесь вопрос о правомерности «Марша», хотя он тоже интересен, но ОМОН не рассеивал толпу, ради чего он, строго говоря, и создан, а целенаправленно избивал ее, в том числе предварительно беря людей «в коробочку», чтобы они не могли убежать. Это принуждение общества к бездействию (первый критерий), осуществленное при помощи насилия и действенной угрозы насилия (второй критерий) и в нарушение не только общепринятых норм, но и писаных законов (третий критерий)!

Вы знаете, очень сложно помогать бороться с терроризмом государству, которое само с удовольствием и демонстративно использует соответствующие методы.

Но главное не в этом. Главное в том, что, когда государство устраивает в центре столиц сафари на прохожих и вытаптывает неправительственные организации, оно вытаптывает именно тех, кто хочет и может помогать ему. Оно искореняет не врагов — он искореняет своих союзников, помощников и соратников, а те, кого оно покупает, становятся чиновниками и перестают быть частью общества.

После «выпалывания» неправительственных организаций в конце концов выживают только желающие не помогать, а противодействовать государству: во-первых, финансируемые Западом (а мы знаем, чего он хочет), и во-вторых, финансируемые собственными деструктивными элементами, до наркомафии включительно, потому что победить из без общества и против общества нельзя по определению.

Я убежден, что система государственного противодействия терроризму должна включать в себя гражданское общество и неправительственные организации. И государство должно выращивать, поддерживать и направлять гражданскую систему противодействия терроризму, сохраняя ее автономность, не пытаясь давить на нее, скупать ее или подчинять ее иным способом.

Я оптимист: я убежден, что будет именно так, и мы доживем до времени, когда Россия станет страной, полностью свободной от терроризма, и мы будем относиться к нему как к печальной странности других обществ.

Часть 2

СНАЧАЛА РОССИЯ! ЧТО ТАКОЕ «ХОРОШО» ДЛЯ НАС И НАШЕЙ СТРАНЫ

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ

Модернизация для человека: излечение от реформ

Пока Россия остается относительно слабой, не доминирующей в глобальном масштабе страной, она должна исходить исключительно из своих собственных интересов. Несмотря на безусловное наличие общечеловеческих ценностей, гуманитарных принципов и сочувствия к другим странам и народам Россия должна исходить из абсолютного примата национальных интересов, сознавая, что в современном мире сочувствия и жалости заслуживает прежде всего ее собственный народ, а российские государство и интеллигенция (как наиболее образованная и влиятельная часть общества) несут ответственность исключительно перед ним, но ни в коем случае не перед другими народами и тем более не перед мифическим «мировым сообществом», являющимся не более чем псевдонимом западных конкурентов России.

Спокойный и конструктивный **эгоизм** является для нашей страны и нашего общества подлинным **ключом к будущему.**

Одной из основных опасностей на пути практической реализации этого эгоизма представляется сегодня тради-

ционная для либеральных фундаменталистов подмена целей общества и государства более понятными для них, лучше структурированными и более четко формализованными целями корпораций.

В конце концов, либерализм служит бизнесу, а не обществу, и как далеко он может зайти в этом служении по пути пренебрежения общественными интересами, мы видим на примере не только 90-х годов, но и нынешнего дня.

Между тем отличие государства от корпорации и, соответственно, различие их интересов носит принципиальный характер. Оно вызвано не столько наличием у государства значительных социальных обязательств (которые в рамках социального партнерства зачастую принимают на себя и корпорации), сколько коренным различием объективно обусловленных целей.

Если корпорация по самой своей природе обречена неотвратимо стремиться к увеличению своей прибыли, то государство как наиболее концентрированное выражение интересов и мнений общества нацелено на удовлетворение его потребностей — в первую очередь, разумеется, долгосрочных и коллективных (например, хорошее, эффективное государство без колебания приносит индивидуальные удовольствия членов своих обществ в жертву их коллективному выживанию, — несмотря ни на какие протесты). В этом смысле государство действительно, как пишет М.Веллер, является социальной формой существования материи.

Разумеется, исключения имеют место. Однако и плохие корпорации, терпящие убытки и кончающие банкротством, и плохие государства, ввергающие свои общества в состояние самоподдерживающегося разрушительного хаоса, лишь подчеркивают общее правило.

Понятно, что «долгосрочные коллективные интересы общества» в силу своей размытости столь же мало пригодны для определения цели государства, как «удовлетворение расширяющихся потребностей» или «технологический прогресс» — для определения целей бизнеса. Однако эта фор-

мулировка с легкостью «сворачивается» в столь же технологичную и однозначную, как и «максимизация прибыли». Действительно, единственным объективным признаком по-настоящему комфортной жизни, соответствующей глубинным потребностям человека, является его устойчивое размножение (как и у любого другого биологического вида).

Конечно, для отдельных случаев (вроде перенаселенного Китая, сползающего к экологической катастрофе) эта формулировка не подходит, но и данное исключение также лишь подтверждает правило.

Современные развитые государства, сделав решительный и последовательный выбор в пользу индивидуального комфорта против долгосрочных коллективных интересов, столкнулись с жестоким кризисом рождаемости и размыванием самой своей идентичности волнами инокультурной и не интегрируемой миграции.

Поэтому наиболее прагматичной формулировкой **цели модернизации России в современных условиях представляется долговременное обеспечение ускоренного роста численности ее народа:** только это служит объективным признаком его благополучия.

Для определения условий коллективного благополучия следует помнить, что средой существования всех без исключения современных обществ является неуклонно ужесточающаяся глобальная конкуренция.

Либеральный проект, в наиболее ярком виде сформулированный в 1989 году так называемым «Вашингтонским консенсусом», обеспечивает успешное выживание в ней не всего общества, но лишь его отдельных фрагментов (в основном сырьевых), не встречающих конкуренции в мире и потому вписываемых им в себя автоматически. Выживая отдельно от собственного общества (а то и за счет его прямого уничтожения), эти фрагменты вынужденно переосмысливают себя как часть не его, но развитой части мира — «мирового сообщества», «человеческой цивилизации», «Запада» и тому подобное.

Именно поэтому либеральный проект, последовательно реализуемый российской бюрократией на протяжении последних 20 лет, является принципиально неприемлемым для нашей страны.

В противовес ему сформировался на концептуальном уровне и в ближайшие годы должен перейти на стадию практической реализации **модернизационный проект** — ответ остального российского общества, лишенного будущего либеральным проектом и приговоренного им к деградации и вымиранию.

В его основе лежит возврат к целостному видению России как единого субъекта глобальной конкуренции, корпорации особого типа, развивающей не только производство, но и нужный ему человеческий капитал с необходимой тому социальной средой. Основные социальные группы должны рассматриваться как равнозначимые; идея общего развития за счет подавления некоторых из них должна отвергаться как не реализуемая и разрушающая общество.

Суть модернизационного проекта заключается в решительном, последовательном и повсеместном **возвращении к здравому смыслу,** в излечении России от либерально-реформаторской чумы под неформальным лозунгом **«от реформ к нормальности».**

Обеспечение долгосрочной конкурентоспособности возможно лишь за счет восстановления и наращивания на качественно новой технологической базе всех компонент национального капитала: человеческого, технологического, материального (производственного и природного), финансового.

Глобальная задана российской модернизации: технологический рывок и взлом мировых рынков

Непосредственной задачей преобразования и преображения российского общества является устойчивое достижение долговременной конкурентоспособности в условиях неуклонного ужесточения глобальной конкуренции.

В силу неотъемлемых особенностей российского национального характера и российской общественной культуры мы в принципе не способны развиваться без жестко и неотвратимо заданной «сверхзадачи». Кроме того, в силу взаимопроникновения конкурирующих обществ в условиях глобализации внутренние преобразования в такой стране, как Россия, будут неминуемо оказывать влияние на весь мир, на глобальные тенденции развития. **В силу этого необходимо четко определить новую позитивную роль России для всего человечества: замена предельно эгоистичного и потому разрушительного для мира порядка, установленного Западом, новым, более справедливым порядком, обеспечивающим мирное и свободное развитие разных цивилизаций.**

Глобальные монополии, избавившиеся в лице Советского Союза от единственной сдерживающей их алчность силы, создали «мировой порядок», лишающий две трети человечества реальных возможностей развития. В результате уничтожения Советского Союза монополизм развитых стран приобрел глобальный характер и, в полном соответствии со всеми теориями «несовершенной конкуренции» (отнюдь не только марксистско-ленинской) быстро начал загнивать. В этих условиях для выхода мировой экономики (да и всего сложившегося «мирового порядка») из кризиса необходимо кардинальное снижение степени ее монополизации, которое возможно только за счет смены технологического базиса: распространения качественно новых, высокоэффективных технологий и создания нового, более справедливого мирового порядка на их основе.

Такие технологии существуют в России. Они во многом унаследованы от советского военно-промышленного комплекса (ВПК) и в настоящее время достаточно эффективно блокируются как российскими, так и глобальными монополиями. Модернизация России требует преодоления корыстных устремлений этих монополий, доработки и коммерционализации сверхпроизводительных технологий и широкого распространения их в нашей стране.

Коммерческая работа в этом направлении уже ведется, однако она будет эффективна и станет инструментом модернизации России и ее нового позиционирования в глобальной конкуренции лишь при условии поддержки и направления со стороны государства. Тогда мы сможем, определяя, какие технологии, кому и на каких условиях передавать, не просто во многом определять новый «мировой порядок», но и самостоятельно и по своему усмотрению формировать глобальный экономический, а значит, и политический ландшафт.

Движущие силы модернизации

Понятно, что модернизационный проект, как и любой другой значимый проект развития, в принципе не может быть навязан обществу извне: он может быть лишь порождением и творческим выражением самого общества.

Для успеха модернизационного проекта он должен опираться на существенную часть общества, которая лишается необходимых перспектив уходящим, но все еще влиятельным и энергично поддерживаемым извне либеральным проектом, однако обладает при этом не столько наибольшими, сколько наиболее разнообразными (что обеспечивает высокую гибкость и приспособляемость) ресурсами.

Данная часть общества достаточно четко выделяется на общем фоне. Это лидеры регионального уровня — на современном политическом жаргоне «средний бизнес». Ряд его ключевых особенностей делает его потенциальным двигателем нового этапа развития российского общества:

- наличие значительных и разнообразных ресурсов;
- невозможность реализации этих ресурсов для дальнейшего развития в силу объективных хозяйственных (доминирование крупного бизнеса, невозможность развития без административной «крыши», границы которой соответствуют границам региона) и политических (централизация принятия решений и в целом политической жизни) ограничений;

• масштаб деятельности, еще не достаточный для использования возможностей либерального проекта (влияние на государство, выход на международные финансовые рынки), но уже не позволяющий избежать потерь от его реализации (в том числе из-за усиливающейся внешней конкуренции);

• раздробленность, создающая объективную потребность в гибкой координации в национальном масштабе.

Он уже аккумулировал ресурсы для прорыва с регионального уровня на общенациональный и, далее, на международный. Этот прорыв высвободит накопленную и подспудно пережигаемую энергию и сможет стать источником и содержанием не просто ускорения прогресса, но комплексной модернизации всей России. Средний бизнес острее других политически значимых элементов российского общества нуждается в политическом, интеллектуальном и идеологическом обеспечении этого прорыва.

Принципиально важно, что в силу олигархического характера сопротивления среднему бизнесу его прорыв будет носить характер антиолигархической (направленной против прежде всего силовой олигархии) революции. Однако по мере достижения успеха будет расти значимость сдерживающей роли нового, к тому времени уже обновленного и оздоровленного государства, и разбуженного политической борьбой народа.

Причина заключается в том, что основная часть представителей среднего бизнеса, победив вчерашних коммерческих и сегодняшних силовых олигархов, будет стремиться всего лишь занять их места. Это естественно: бизнесмен стремится к прибыли, а не к качественному оздоровлению модели общественного развития. Именно это сделает роль государства исключительно высокой именно на первом, политическом этапе модернизации.

Весьма существенно, что **либеральные силы** (вплоть до «коммерческих» олигархов) в настоящее время страдают от агрессии силовой олигархии и потому объективно являются союзниками модернизационного проекта. Вместе с тем по

мере оздоровления политической системы России они будут все более жестко и трагично делиться на две группы,

Первая, добросовестная и ответственная, будет придерживаться либеральных ценностей и, соответственно, участвовать в модернизации России, по мере приятия синтеза социальных, патриотических и либеральных ценностях постепенно растворяясь в созидаемой с ее участием модерни¬зационной элите.

Вторая, корыстная и догматическая группа либералов, будет служить российскому олигархическому и транснациональному бизнесу и потому традиционно **придерживаться либеральных интересов, отрицая ради них либеральные ценности.** Силовая олигархия не устраивает ее не как вредящая обществу олигархия, но как конкурент коммерческой олигархии и как элемент государства, ограничивающего свободу бизнеса в каких бы то ни было интересах, даже интересах всего общества. После проведения политической модернизации и превращения силовой олигархии в добросовестную часть государства эта группа либералов, которая практически в полном составе включит в себя нынешних либеральных фундаменталистов, сохранит свою враждебность — уже не олигархам, но обществу — и станет противником модернизации.

Этот выбор суров, и либералам надо всячески помогать, чтобы перетянуть максимальное их число на сторону России, в том числе потому, что именно они являются в современном российском обществе основными носителями управленческой эффективности и общей цивилизованности.

СОЗИДАНИЕ ЧЕСТНОГО ГОСУДАРСТВА

Государство — мозг и руки общества. Оно должно делать все, что необходимо обществу, но что оно на конкретном этапе своего развития не может сделать само. Из всех факторов, влияющих на состояние общества, наиболее зна-

чимыми являются эффективность государства и преследуемые им цели.

Несмотря на то, что бюрократический паралич, вызванный административной реформой 2004 года, в целом удалось преодолеть уже к началу 2006 года, нет сомнений, что эта реформа не выполнила большинства поставленных перед ней задач и как минимум не повысила эффективность функционирования государства (разумеется, с точки зрения общественных нужд, а не правящей бюрократии).

Почти повсеместно наблюдается постепенный отход от большинства формальных требований административной реформы (увеличение числа заместителей министров, смешение первоначально разделенных функций между некоторыми службами, агентствами и министерствами и т.д.).

При этом государство неуклонно отдаляется от решения реальных проблем страны. Качество подготовки, принятия и реализации решений (даже имеющих выраженную коррупционную компоненту, то есть связанных с реальными и существенными для госаппарата интересами) продолжает снижаться, на фоне усиления пропагандистской работы наблюдается безусловное усиление общей информационной закрытости.

Соответственно нерешенности задач повышения эффективности государственного управления, вызвавших к жизни пароксизм преобразований, их актуальность неуклонно и угрожающе растет. Приближается время новых активных действий в этом направлении — вероятно, реформы администрации президента (с окончательной передачей правительству всех функций легального хозяйственного управления) и, возможно, создание некоего аналога ФБР (своего рода Федеральной службы расследований) с попыткой декриминализации остальных силовых структур.

Риск, что эти действия будут разрозненными, не согласованными, направленными на достижение локальных (хотя бы даже и очень важных) целей и лишь частичных улучшений, исключительно велик.

Не рассматривая носящих политический характер вопросов направленности государственной политики (в том числе ответственности государства перед обществом и контроля со стороны последнего), а следовательно, и механизмов выработки принципиальных решений, в рамках узко административных вопросов повышения эффективности механизма государственного управления представляется целесообразным выделить следующие основные направления наиболее насущных преобразований:

1. Принятие руководством страны ответственности за свои действия, отказ от византийской системы размывания ответственности.

2. Интеграция функциональной, отраслевой и региональной систем государственного управления.

3. Введение электронного документооборота и использование порождаемых им качественно новых управленческих возможностей.

4. Исключение институциональных предпосылок коррупции с последующей очисткой госаппарата от коррупционных элементов.

Принятие руководством страны ответственности

В России сложилась уникальная система управления: президент определяет стратегию государства и утверждает законы, а ответственность за их реализацию лежит на непосредственно реализующем стратегию правительстве и принимающей законы Госдуме.

Эта византийская по своей сути система, вполне соответствуя пагубному историческому принципу «царь-то у нас хороший, только бояре плохие» в сочетании с эффективной и почти тотальной пропагандой практически, полностью освобождает руководство страны от «химеры, именуемой ответственностью», создавая объективные предпосылки для комплексной дезорганизации и весьма быстрой деградации всей системой государственного управления России.

Уже достаточно давно стала нормой бюрократической жизни анекдотическая и в принципе не допускающая нормального управления ситуация, при которой председатель правительства практически не может требовать от члена своего правительства (и при этом руководителя гражданского, а не силового ведомства) выполнения своих указаний. Причина в том, что последний назначается и снимается не премьером, а президентом, перед которым и несет всю полноту ответственности. Председатель же правительства может (и то в самых крайних случаях) «отыгрываться» лишь на заместителях министров.

Для устранения этого институционального порока следует со всей решимостью преодолеть искусственное разделение функций стратегического и тактического управления, которое в сегодняшней России носит искусственный характер, и **совместить посты президента и премьера,** установив, что президент по должности обязан не только формировать, но и непосредственно возглавлять правительство. Соответственно надо объединить администрацию президента с аппаратом правительства, перейдя к некоторому подобию наиболее логичной и внутренне стройной американской системы.

Следует отметить, что практически во всех развитых странах исполнительная власть действенно уравновешивается не вмешивающимся в ее текущую деятельность моральным авторитетом, выступающим арбитром в ситуациях общенационального кризиса. В парламентских республиках это президент или (в конституционных монархиях) — монарх, в США данную роль выполняет развитая судебная система.

В силу исключительности задач модернизации, стоящих сегодня перед Россией, и невозможности (при всем желании) отнести ее к категории развитых стран, подобное уравновешивание на современном этапе представляется искусственным, преждевременным и в конечном счете неуместным. Оно будет не столько обеспечивать, сколько мешать реализации интересов общества, еще более, чем 10-15 лет назад, требующей решительных и энергичных мер. В силу объек-

тивных причин «сдержки и противовесы» исполнительной власти, стремящейся к модернизации (речь, разумеется, не идет о современной власти), будут служить не «молчаливому большинству» россиян, но энергичному, корыстному и контролирующему значительную часть страны меньшинству, связанному в первую очередь с нынешней силовой олигархией (а также с сохранившейся коммерческой олигархией эпохи Ельцина).

Лишь по мере решения наиболее насущных задач модернизации постепенно начнется формирование элементов, балансирующих верховную власть, в России исполнительную по своей природе. Поскольку ее полноценное уравновешивание судебной системой в нашем обществе не представляется вероятным (в том числе и в силу русского национального характера, не говоря уже о национальных характерах ряда других российских народов), вероятно, государственное устройство будет эволюционировать к французской системе. Как во Франции уникально высокая роль президента при самостоятельном премьере представляется наследием де Голля, если также не Наполеона, так и в будущей российской системе подобная же роль президента будет наследием исключительных заслуг руководителя, обеспечившего модернизацию.

Существенно, что в современной России прямой быстрый переход к подобной системе не представляется возможным не только в силу корысти правящей бюрократии, но в первую очередь потому, что не позволит обеспечить эффективность и концентрацию власти, необходимую для решения задач модернизации, которые по мере промедления нынешней власти все более становятся чрезвычайными.

* * *

Порочность современной Государственной Думы в определяющей степени вызвана ее бессилием: в целом ряде случаев депутаты не получают даже формальных ответов ми-

нистров на свои вопросы. Это практически полностью освобождает правительство и администрацию президента от гражданского контроля и провоцирует их безответственность. Чтобы исправить положение, представляется необходимым предоставить Госдуме право парламентского расследования, на котором должны давать показания все граждане России, кроме президента. Лжесвидетельствование на таком расследовании должно караться так же, как лжесвидетельствование в суде.

Интеграция функциональной, отраслевой и региональной систем государственного управления

Переход к фактическому назначению губернаторов, вне зависимости от мотиваций и политического значения данной меры, создал возможность интеграции федеральной и региональной систем государственного управления по типу наиболее эффективных коммерческих корпораций.

Единая система государственного управления должна объединять функциональное и отраслевое управление, осуществляемое федеральными органами исполнительной власти, с территориальным управлением, осуществляемым губернатором, причем их функции должны быть четко разделены по каждому вопросу. Неминуемые конфликты, вызываемые объективно обусловленным различием интересов центрального и территориального управления (а также интересов различных федеральных ведомств), должны разрешаться Комиссией по административным спорам — компактным органом в составе аппарата президента, находящимся под контролем президента и специально назначенного Наблюдательного совета.

» Контрольные функции, сегодня дезорганизованные и размытые, наиболее эффективно передать специально выделенным органам с хорошо развитой обратной связью. При этом контроль в различных сферах должен осуществляться разными структурами: технологический контроль (включая

экологию) — органом в составе правительства, контроль за соблюдением закона — силовыми структурами по ведомственной компетенции и (в части надзора) Генпрокуратурой, политический и управленческий контроль — специальной структурой в составе аппарата президента.

Контрольные функции в рамках компетенции федерального центра должны осуществляться только федеральными структурами на всей территории страны. В случае несогласия губернатора или руководителя обычного органа управления с предписанием контрольного органа он должен обращаться в аналог суда по административным вопросам — в Комиссию по административным спорам, которая решает вопрос в кратчайшие сроки на основе прецедента.

Функции контроля и разрешения споров должны быть разделены, а занимающиеся ими структуры — никак не связаны друг с другом.

Функции оказания государственных услуг должны быть отделены от управления и в силу своей высокой коррупциогенности максимально централизованы для облегчения контроля. Недопустимо сохранение созданной в результате административной реформы 2004 года ситуации, когда агентства подведомственны министерствам, причем каждое своим собственным, особым образом, а оказываемые ими услуги в результате полностью децентрализованы. Для понимания искусственно созданной ситуации достаточно указать, что в настоящее время не существует никакой структуры, на деле борющейся с незаконным лицензированием и контролирующим процесс выдачи лицензий.

В частности, все значимые государственные закупки должны вестись через единую Федеральную контрактную корпорацию, находящуюся под особо жестким многоуровневым контролем.

Функции инноваций, сегодня размытые до полного отсутствия, должны быть сконцентрированы: технологические — в Министерстве науки и технологий, управленческие — в аппарате президента. Эти структуры должны орга-

низовывать экспертизы и принимать решения о внедрении перспективных инноваций на государственном уровне или при поддержке государства.

Аппарат президента должен объединять все информационные потоки и быть единственной структурой, владеющей всей картиной в целом.

Региональное управление должно строиться не по принципу «удельных феодальных княжеств», а быть полностью интегрировано в единую систему государственной исполнительной власти, причем интеграция должна обеспечиваться уже на уровне организационных структур, а отнюдь не постоянной угрозой возбуждения причудливых уголовных дел.

Представляется принципиально важным, что вице-губернаторы и руководители департаментов региональных правительств, курирующие вопросы общенационального значения, должны подчиняться не губернатору, но профильному органу федеральной исполнительной власти и принимать все необходимые решения в соответствующей сфере.

Губернатор должен лишь координировать их деятельность — и то за обязательным исключением руководителей силовых, кадровых и финансовых структур (в том числе определяющих размер оплаты труда сотрудников региональных органов власти). Они должны предоставлять ему необходимую информацию о своей деятельности в касающейся его части, но оставаться полностью самостоятельными и не быть объектом даже координации с его стороны.

Существенно, что конфликты между руководителями региональных структур исполнительной власти (или между ними и губернатором) должны решаться ни в коем случае не на региональном уровне, но исключительно Комиссией по административным спорам аппарата президента.

Губернатор не должен обладать и контрольными функциями в отношении вопросов, имеющих общенациональную значимость. Более того: он не должен иметь возможность принимать решения о финансировании, которые должны находиться в компетенции руководителей соответствующих региональных структур исполнительной власти.

Данная концентрация управления не приведет к бюрократическому параличу и, более того, станет принципиально возможной исключительно за счет перевода всей системы государственного управления на качественно иную технологическую основу — с бумажного на электронный документооборот.

Электронный документооборот: «дивный новый мир»

В силу технологических особенностей государственного управления замена бумажного документооборота электронным не просто должна быть, но и в принципе возможна и осуществима только в том случае, если она будет полной: касающейся не только всех без исключения органов государственного управления, но и взаимодействующих с ними корпораций.

Это позволит экономить не столько бумагу и услуги почты (включая дорогостоящую фельдсвязь), сколько время. Любое решение может приниматься мгновенно, причем вся связанная с ним информация сохраняется навсегда и является относительно легкодоступной (а при необходимости — и общедоступной).

В частности, любой конфликт между органами власти, не разрешенный ими самими в течение суток, должен автоматически передаваться на рассмотрение Комиссии по административным спорам в аппарате президента, которая, в свою очередь, должна (действуя по прецеденту) принимать решение в течение суток (в крайнем случае двух). Таким образом, любая типичная конфликтная ситуация будет урегулироваться в течение двух, а нетипичная — в течение трех суток. Это представляется фантастическим ускорением управленческого процесса по сравнению с сегодняшней ситуацией, в которой только на подготовку ответа (в том числе заведомо бессмысленной бюрократической отписки) вышестоящей структуре орган государственного управления име-

ет не менее недели, а равной по положению или нижестоящей — месяц. Но и эти сроки систематически нарушаются как из-за отсутствия реального контроля и наказания за их срыв, так и в силу перегруженности лиц, имеющих право подписи (в результате административной реформы весь документооборот, например, Министерства экономического развития с его более чем 50 департаментами шел через 3 человек — Министра и двух его заместителей). Такое положение ведет к «заматыванию» и откладыванию порой на долгие годы решения целого ряда принципиально простых и при этом важных вопросов!

При обращении в Комиссию по административным спорам участник спора должен определять ориентировочную «стоимость проблемы», то есть ущерб от ее неправильного решения или отсутствия решения как такового. Если Комиссия соглашается с аргументами, определяющими эту стоимость, признанный ею виновным чиновник (в том числе, возможно, и инициатор обращения) получает пропорциональные этой стоимости штрафные очки. Для каждой должности должен устанавливаться лимит допустимых штрафных очков, которые могут быть набраны в течение года (чем выше должность, тем, в соответствии с масштабами деятельности, выше этот лимит); чиновник, превысивший этот лимит, должен автоматически понижаться в должности или увольняться, так как его ошибки создали угрозу нанесения неприемлемого ущерба.

Любой чиновник и, шире, любой гражданин страны имеет право и возможность обратиться в любой орган государственного управления, и ему должны дать содержательный ответ.

Система электронного документооборота должна давать руководителям федеральных органов исполнительной власти и губернаторам доступ ко всей деловой электронной переписке своих подчиненных, а представителям контрольных структур — ко всей переписке, имеющей отношение к контролируемым ими сферам и вопросам.

Помимо этого, должна быть создана система конфиденциальной связи, по которой каждый чиновник (а в идеале — и гражданин страны) имеет реальную возможность обратиться в контролирующие органы, в Комиссию по административным спорам или к президенту с жалобой. При этом он должен иметь гарантию, что его имя не будет раскрыто тем, на кого он жалуется, а его жалоба не будет направлена им же на рассмотрение (как зачастую делалось в период разрушения Советского Союза и в ряде случаев делается сейчас).

Любое решение о трате средств федеральными органами исполнительной власти или (при превышении некоторой пороговой суммы) региональными органами исполнительной власти должно реализовываться только после одобрения Федеральным казначейством, которое может мотивированно остановить любой платеж, но должно принимать решение об этом в течение не более чем одних суток.

Качественное ускорение документооборота позволит кардинально, в десятки раз сократить численность государственного аппарата и снизить расходы на него при непредставимом сегодня повышении его эффективности и оперативности принятия решений.

Подавление коррупции

Полная прозрачность принимаемых решений, соответствие их жестким процедурам и нормативам, наличие большого количества контуров обратной связи, в том числе и конфиденциальной, создаст объективные институциональные и технологические предпосылки для резкого ограничения коррупции.

Для решения этой задачи прежде всего необходимо создать эти предпосылки: изменить структуру органов государственного управления и перевести его на электронный документооборот.

Затем следует создать материальные предпосылки: повысить зарплату и социальные гарантии чиновникам (в значительной степени это уже сделано), привязав на формальной основе (в том числе и через число набранных каждым «штрафных очков») уровень их оплаты к эффективности их работы.

Лишь после этого, на третьем этапе, следует провести масштабную чистку всего аппарата государственного управления — не для сокращения его численности (она должна быть проведена на первом этапе, в ходе реструктуризации аппарата), но для того, чтобы убить пронизывающую его сегодня культуру коррупции.

Чистка госаппарата должна начаться с одномоментного обновления состава судей всех судов (включая арбитражные), подобного проведенному де Голлем во Франции (проведя судебную реформу и приняв новые законы, он в одну ночь уволил всех судей, так как они, будучи чиновниками высокого ранга, сотрудничали с оккупантами и были склонны к коррупции), и коренной модернизации судебной системы:

• нарушения со стороны судьи (включая игнорирование существенных Материалов и нарушение законов, в том числе установление наказаний «ниже нижнего» или «выше верхнего» предела) должны вести к его увольнению и пожизненному запрету на любую официальную юридическую деятельность;

• работа всех судов должна быть гласной, если это не грозит разглашением государственной тайны; при всех апелляционных судах должны работать общественные наблюдатели;

• представляется необходимым установить четкую связь между квалификацией судьи и тяжестью обвинений: чем тяжелее обвинение (а в арбитражном суде — чем выше сумма иска), тем выше должна быть квалификация судьи;

• небходимо ограничить время рассмотрения одного дела и количество дел, одновременно рассматриваемых од-

ним судьей (иначе перегрузки разрушают их психическое и физическое здоровье, что отражается на всем правосудии);

• все судьи должны иметь зарплату и социальные гарантии, позволяющие вести достойную жизнь;

• все участники судебного процесса должны при необходимости получать действенную защиту государства, в том числе до и после судебного процесса в течение всего необходимого времени.

После модернизации судебной системы представляется целесообразным начать масштабное и разнообразное провоцирование чиновников на получение взяток (по образцу операции «Шейх», проведенной ФБР в США). Одновременно с этим необходимо ввести правило, освобождающее бизнесменов-взяточников от ответственности в обмен на сотрудничество со следствием против вымогающих у них взятки чиновников (по образцу итальянской операции «Чистые руки»).

Надо четко регламентировать права правоохранительных органов по борьбе с организованной преступностью, включая связанные с внедрением в нее и проведением специальных операций.

Активы участников организованной преступности, с помощью которых они могут оказывать влияние на общество, в случае их несотрудничества со следствием должны конфисковываться.

Официальная оплата труда работников силовых структур должна быть повышена до уровня их реальных доходов. Это единственный способ создать необходимые предпосылки для очищения этих структур от разложившихся и психически неустойчивых элементов.

Однако ни при каких обстоятельствах не следует забывать, что **никакой контроль не может быть не только всеобъемлющ и безошибочен, но и достаточен.** Поэтому даже совершенный по структуре аппарат государственного управления требует своего скрепления идеологией, единым патриотическим духом, не допускающим коррупцию в недостаточно поддающиеся контролю структуры (суды, кон-

трольные органы, Комиссию по административным спорам и ее Наблюдательный совет), а пассивность — в структуры, созданные для творческих решений. В целом идеологизированных «пассионариев» требуется относительно немного, что делает задачу их отбора и привлечения (а со временем и воспитания) вполне решаемой.

* * *

Проведение административной реформы по описанным принципам создаст в России самый эффективный аппарат управления в мире и кардинально повысит ее глобальную конкурентоспособность.

Справочно

РАЦИОНАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ФЕДЕРАЛЬНОЙ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ:

1. Президент — глава государства и одновременно правительства. Его аппарат (И) включает Комиссию по административным спорам (К), глава которой подчиняется президенту лично.

2. Вице-президент (выполняет представительские функции и остается «на хозяйстве» во время отсутствия президента, в частности, ведет заседания правительства).

3. Политический блок (подчиняется только президенту лично): *Федеральная служба расследований (К),* Минобороны, МВД (включающее МЧС), ФСБ (К), СВР, МИД, Минюст (включающий Генеральную прокуратуру) (К), *Министерство по делам национальностей,* ФСО (включая управление системами государственной связи) (К), Минфин (включая таможенную службу) (К).

4. Социально-экономический блок (в отсутствие президента управляется вице-президентом): Минэкономики (включая Минрегионразвития и все отраслевые ведомства, кроме Минатома), Минатом, *Министерство внешнеэкономических связей, Ми-*

нистерство антимонопольной политики (К), Минздрав, *Министерство труда и социальной защиты (К),* Минкультуры, Минобразования, Министерство науки и технологий (И), Минприроды, Федеральная комиссия по финансовым рынкам (К), *Росстандарт,* Гостехнадзор (К), Росстат, Госкомэкология (К).

Курсивом выделены вновь создаваемые ведомства. Ведомства, выполняющие, кроме функций управления, контрольные функции, помечены буквой «К», инновационные — «И».

Несмотря на необходимость создания 7 новых ведомств, число самостоятельных органов исполнительной власти сократится более чем на четверть — с 34 (а включая службы и агентства, «подведомственные» министерствам, но также являющиеся органами исполнительной власти — с 85) до 25.

ВОЗРОЖДЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА

Гарантии: социальные, а не прожиточные!

Первым и наиболее насущным шагом восстановления в России предусмотренного Конституцией социального государства, фактически уничтоженного в ходе реформ (и особенно в ходе социальных реформ 2004—2005 годов), представляется государственное гарантирование всем гражданам России прожиточного минимума — экономического выражения права человека на жизнь.

Он должен включать обязательные услуги систем жизнеобеспечения, здравоохранения, образования, культуры и поддержания общественного порядка. Часть его должна предоставляться в натуральной форме и только при возникновении потребности (например, лечение малоимущих). Прожиточный минимум должен рассчитываться ежеквартально для каждого региона (отдельно — для крупных городов) на основе жизненных потребностей людей. Его натуральный состав должен устанавливаться законом и различать-

ся по регионам в соответствии с их климатическими и иными условиями.

Для семей с детьми прожиточный минимум должен быть социальным, позволяющим воспитать ребенка полноценным членом общества (по данным социологических исследований, современная российская семья хочет иметь в среднем 2,5 детей, а имеет лишь 1,5: нет денег). Рождение каждого ребенка должно не сталкивать семьи в нищету, а служить «пропуском в лучшую жизнь»; необходима увеличивающаяся и поступающая в полное распоряжение семьи (в отличие от так называемого «материнского капитала») премия на рождение каждого ребенка, начиная со второго, в регионах с дефицитом населения.

Гарантирование прожиточного минимума преобразует межбюджетные отношения: финансовая помощь центра будет приближать регионы не к абстрактному среднему уровню, как сейчас, а к содержательной цели: полному обеспечению прожиточного минимума для всего населения. В результате федеральный центр волей-неволей будет вынужден признать свою ответственность за состояние и развитие регионов. Чтобы губернаторы ради увеличения получаемых трансфертов не завышали уровень регионального прожиточного минимума, придется ужесточить финансовый контроль, а в высокодотационных регионах и вовсе вводить внешнее бюджетное управление.

Следует рационализировать использование средств бюджетов. Недопустимо замораживание в федеральном бюджете (в том числе в бывшем Стабилизационном, а с 2008 года Резервном фонде и Фонде «будущих поколений», иногда именуемого также Фондом «национального благосостояния») более 10% ВВП в то время, когда 13% россиян не имеет денег на покупку еды, а число беспризорных уже как минимум 7 лет сопоставимо с их числом в первые годы после гражданской войны. Борьба с инфляцией замораживанием денег налогоплательщиков в бюджете не просто аморальна; это то самое лекарство, которое страшнее болезни.

Однако не стоит забывать, что гарантирование прожиточного минимума, несмотря на принципиальную, идеологическую неприемлемость этого шага для правящей бюрократии, является лишь самым первым, самым робким шагом по возрождению человеческого капитала России.

Простое человеческое достоинство требует не прожиточного минимума, но всесторонних социальных гарантий.

Прежде всего, необходимо обеспечить качественную медицинскую помощь неимущим, составляющим подавляющее большинство населения нашей еще недавно обеспеченной страны.

Следует создать систему действительно бесплатного среднего и высшего образования для талантливых неимущих. При этом дети должны не натаскиваться на стандартные системы тестов, как это происходит сейчас, а учиться самостоятельно думать и принимать решения, приобретать вкус к творческой работе и к здоровой конкуренции.

Ни при каких обстоятельствах не следует забывать о том, что «доступным» жильем для бедных (то есть для 87% населения современной России) является только бесплатное жилье.

Наконец, представляется совершенно необходимым приравнять статус воспитателей детских садов, работников образования и здравоохранения, занятых на полную ставку в бюджетных организациях, к государственным служащим с предоставлением им соответствующих зарплат и социальных гарантий.

Справочно

ПРЕКРАТИТЬ ГЛУМЛЕНИЕ НАД МАТЕРЯМИ!

Главный ресурс каждой страны — люди. Их вымирание лишает почвы под ногами самую мощную экономику и самую сильную армию. Увеличение же их числа создает самую глав-

ную, абсолютно необходимую (хотя и не достаточную) предпосылку для экономического роста, создания новых рабочих мест и расширения внутреннего рынка.

В 2000 году в своем первом президентском послании Путин обратил внимание на вымирание россиян. В 2006 году, когда естественная убыль населения после его первого выступления на эту тему превысила 5,3 млн.чел., он потребовал конкретных мер — и они были немедленно разработаны.

Издевательские 70-рублевые ежемесячные пособия на детей, в прошлом году повышенные до также ни для чего не достаточных 700 рублей, со следующего года увеличатся как минимум до 1,5 тысячи, как максимум — до 6 тысяч рублей, однако эти пособия будут выплачиваться лишь до достижения ребенком полутора лет.

При передаче ребенка на усыновление в приемную семью будет разово выплачиваться 8 тыс.руб.. Также будут частично компенсироваться расходы семьи на детские сады, а выплаты женщинам, находящимся в отпуске по уходу за ребенком, будут увеличены до 40% от прежнего заработка.

Однако эти суммы выглядят относительно прилично только на фоне ничтожно малых нынешних выплат. Достойной жизни они не обеспечивают — и, похоже, никто и не преследовал такую цель.

Весьма характерно, что пособие для женщин, работавших до ухода в декретный отпуск, привязано к их зарплатам таким образом, что большинство из них, особенно молодых и в регионах, будет получать пособие, близкое к минимальному — к 1,5 тыс.руб. в месяц. Максимально же возможное составляет всего 6 тыс.руб. — тоже недостаточно для нормальной жизни; достаточно вспомнить, что официальный прожиточный минимум составляет сейчас 3,4 тыс.руб., а в 2007 году будет еще выше.

Объявленная компенсация выплат за детский сад (20% за одного ребенка, 50% — за второго, 70% — за третьего и последующих) откровенно недофинансирована. Заложенные в федеральный бюджет средства ориентированы на среднюю выплату за детский сад в 500 рублей в месяц, что значительно ниже

реальных выплат не только в Москве и Норильске (в последнем она составляет 2500 рублей), но и, например, отнюдь не богатом Пскове (800 руб.!)

Однако главным элементом стимулирования рождаемости стала выплата за второго ребенка, родившегося с 2007 года, так называемого «материнского капитала» в размере 250 тыс.руб. Конкретный механизм реализации данной меры трудно назвать иначе, кроме как надругательством государства и над матерями, и над их детьми.

В самом деле: эти деньги начисляются матери на счет, но первые 3 года после рождения ребенка — самые трудные, самые тяжелые — она не имеет к ним никакого доступа! Из комментариев официальных лиц следует, что, по их мнению, если выдать деньги сразу, матери будут пропивать их или в массовом порядке отказываться от детей.

Подобного оскорбления россиянам не наносили еще даже самые оголтелые реформаторы — при том, что меры защиты от недобросовестности отдельных женщин при малейшем желании сделать это предусмотреть очень легко. Однако представителям государства, по-видимому, была безразлична эта проблема — им нужен был просто повод, чтобы не давать матерям обещанных им денег сразу.

Причина этого проста: 3 года выделенные из федерального бюджета деньги (в 2007 году — 130,8 млрд. руб.) будут использоваться отдельными представителями правящей бюрократии практически бесконтрольно и по своему усмотрению. Даже при простом размещении на банковских счетах та сумма принесет за три года более 40 млрд.руб. процентного дохода — судьба которого в официальных документах никак не описывается.

При этом матери будут получать прежние 250 тыс.руб. — изрядно «обгрызенные» инфляцией. Только по официальному ее прогнозу, инфляционные потери составят более 20% — если точно, 52,5 тыс.руб.. Если же вспомнить, что официальные показатели инфляции имеют весьма отдаленное отношение к реальному росту цен, буквально терзающему народ России, и предположить, что среднегодовая инфляция за следующие 3 года

составит хотя бы 10%, потери за 3 года составят ровно треть обещанной суммы — 82,5 тыс.руб..

Правда, Д.Медведев обещает индексировать инфляцию, однако ни законодательство, ни среднесрочное бюджетное планирование пока не отражают этих заверений. Кроме того, индексация все равно будет осуществляться по издевательски заниженному показателю официальной инфляции.

Однако главное все же не в этом, а в том, что получить на руки «материнский капитал» женщины так и не смогут. Они могут тратить его либо на покупку недвижимости (причем по кабальным ипотечным схемам), обогащая строительные монополии и связанные с ними банки, либо на пенсионное обеспечение (что в условии отсутствия всякого контроля за доходностью и даже сохранностью пенсионных взносов с высокой степенью вероятности означает обогащение пенсионных фондов при потере своих денег), либо на образование — трехлетнего ребенка! Никакие траты на повседневную жизнь, даже на лечение невозможны в принципе.

Получается, что «материнский капитал» выделяется из бюджета не столько матерям и детям, сколько разного рода бизнесменам, облепившим в последние годы социальную сферу.

Понятно, что в этих условиях, да еще и при честно заслуженном нашим государством тотальном недоверии к нему, «материнский капитал» не окажет существенного влияния на рождаемость.

Между тем из-за разрушительного влияния либеральных реформ рождаемость в России — 1,32 ребенка на женщину — существенно ниже, чем во многих развитых странах с традиционными демографическими проблемами. Так, в Германии рождаемость составила 1.37, Японии— 1.38, Швейцарии— 1.42, Канаде— 1.61, Нидерландах— 1.73, Великобритании— 1.74, Швеции — 1.75, Финляндии — 1.8, Норвегии — 1.81, Франции — 1.9, США—2,08.

После 1987 года рождаемость в России упала почти вдвое за 6 лет и после этого выросла крайне незначительно.

Уникальность России именно в том, что демографический кризис вызван в первую очередь социально-экономическими причинами. По данным социологических исследований, средняя российская семья хочет иметь 2,5 ребенка, а имеет менее 1,5. Это значит, что минимально разумное материальное стимулирование позволит в кратчайшие сроки получить 1 дополнительного ребенка на две трети российских семей (ибо часть из них все же не решится заводить его, а часть не имеют детей по медицинским причинам).

Весьма важным фактором вымирания является также сверхсмертность трудоспособных мужчин, вызванная потерей смысла жизни, из-за чего миллионы людей медленно убивают себя самыми разнообразными способами — от алкоголя до неаккуратного вождения автомобиля.

Несмотря на возвышенность философского термина «возвращение смысла жизни», он имеет конкретный экономический смысл. Его возвращает создание рабочих мест и возможности честного повышения своего «социального статуса», а также последовательная демонстрация государством своей добросовестности.

Да, для этого нужна комплексная модернизация — и не только экономики России, но и ее государства. Но такая модернизация является категорической необходимостью не только по демографической причине, но и, например, в силу обострения глобальной конкуренции. Строго говоря, она стоит в повестке дня еще с 2000 года.

Начало ее реализации, то есть возвращение государства к разуму, немедленно скажется и на демографическом состоянии общества.

Создание комфортной коммунальной среды

Реформу ЖКХ следует развернуть от ограбления людей и лишения их первичных условий существования к рационализации и повышению общественной эффективности работы ЖКХ. Это подразумевает прежде всего введение

федеральных экономических, технологических и организационных стандартов, жестокое обеспечение финансовой прозрачности (включая детальный контроль за издержками ЖКХ), принуждение к энергосбережению. В частности, нормативная стоимость услуг должна ежегодно снижаться, стимулируя ЖКХ к энергосбережению. Сверхнормативная экономия должна оставаться в распоряжении соответствующих предприятий ЖКХ.

Реформа должна быть сведена к оплате престижного жилья, демонополизации, принуждению местных властей к модернизации коммунального оборудования (дающей высокую и быструю экономию), изъятию сверхприбылей у коммунальных монополий. Следует предоставлять государственные гарантии на кредитование использования энергосберегающих технологий в ЖКХ и восстановление его инфраструктуры на основе этих технологий.

Реформа должна идти за счет снижения издержек монополий ЖКХ — водоканалов, газовых и электрических распределительных сетей. Если она будет по-прежнему направлена на ограбление населения, она приведет к росту не эффективности этих монополий, но их аппетитов и лишь усугубит пороки ЖКХ.

Расходы семьи все на коммунальные нужды, включая найм жилья в муниципальном жилом фонде, превышающие 10% ее доходов, должны субсидироваться местным бюджетом, при нехватке в нем средств — бюджетом региона, при нехватке средств и в нем — федеральным бюджетом. Переходить к полной оплате коммунальных услуг можно только после применения этих субсидий в течение не менее чем одного года, при отработке механизмов их предоставления.

Плохое финансовое положение ЖКХ в значительной степени вызвано неплатежами бюджетов и бюджетных предприятий, за которые коммунальные монополии в конечном итоге заставляют расплачиваться население. Государство должно в полном объеме и без каких бы то ни было дополнительных условий выплатить свои долги ЖКХ.

Счетчики уплаты коммунальных услуг должны быть установлены везде. Сопротивление коммунальных монополий установке и, главное, использованию этих счетчиков должно караться как вредительство и саботаж.

Указанные меры позволят сократить расходы населения на оплату жилищно-коммунальных услуг как минимум на треть.

Обеспечение профессиональной ответственности

Медицинские и образовательные учреждения должны в полном объеме возмещать убытки, нанесенные гражданам из-за врачебных ошибок и, что не менее важно, из-за некачественного образования.

Сотрудники правоохранительных органов и судебной системы, преступившие закон, должны навсегда лишаться права работать в силовых структурах, службах охраны и вести какую бы то ни было официальную юридическую деятельность.

Осужденные за хозяйственные преступления должны лишаться права занимать руководящие должности, в том числе в бизнесе, на срок, вдвое превышающий срок заключения (включая условные сроки), но не менее чем на пять лет.

Чиновники, допустившие серьезные профессиональные ошибки, должны лишаться права занимать руководящие должности на государственной службе и избираться в депутаты всех уровней.

Депутаты всех уровней и члены Совета Федерации должны быть лишены иммунитета по уголовным и административным делам. При этом законодательные органы должны иметь право предоставлять своим членам иммунитет, если решат, что их преследуют по политическим мотивам.

При утрате доверия избирателей к депутатам всех уровней не позднее чем за год до истечения их полномочий на-

значаются досрочные выборы, если за это собраны подписи 25% избирателей.

Органы государственной власти всех уровней и СМИ должны под личную ответственность своих руководителей по существу реагировать на все поступающие в них обращения граждан, кроме анонимок, в течение месяца.

Восстановление психологического здоровья общества

Общество не может развиваться, не будучи уверенным в относительной справедливости и разумности своего устройства и не повышая степень этой справедливости и разумности каждый день.

Для восстановления представлений общества о справедливости, искоренения настроений попустительства и вседозволенности надо расследовать деятельность высших чиновников и политиков СССР и России в ходе проведения реформ, с апреля 1985 года, выявить, если они имели место, случаи нарушения интересов СССР и России, совершения должностных преступлений и предать их широкой гласности.

Следует установить, что чиновники и политики, нанесшие вред интересам Советского Союза и России, пожизненно лишаются права работать на государственной службе, избираться депутатами всех уровней и заниматься официальной юридической деятельностью. При выявлении преступлений с неистекшим сроком давности (в том числе преступлений против человечества, не имеющих срока давности) материалы должны передаваться в суд.

Все чиновники и политики должны либо обосновать источники средств и имущества, приобретенного ими и их семьями после 1991 года, либо работать на государственной службе, избираться депутатами всех уровней и заниматься официальной юридической деятельностью.

Представляется совершенно необходимым введение смертной казни для наркоторговцев, террористов и других сознательных массовых убийц, а также для серийных насильников. Во избежание судебной ошибки смертный приговор должен приводиться в исполнение не ранее чем через год с его обязательным подтверждением Верховным Судом (он должен заново изучить дело, даже если приговоренный не подал апелляцию). Нужна возможность замены смертной казни длительным тюремным заключением при условии активного содействия следствию. Важно смягчить наказания за мелкие правонарушения (в том числе максимально избегать помещения в тюрьму впервые совершивших мелкие преступления), облегчить и упорядочить условия содержания в СИЗО и местах заключения. Нужна действенная защита от милицейского произвола, очищение правоохранительных и силовых структур от разложившихся и психически неустойчивых элементов.

Следует юридически зафиксировать преступный характер *бизнеса, разрушающего здоровье*. Нужны стандарты, обеспечивающие безопасность потребления всех товаров, и механизмы контроля за их соблюдением. Их нарушение должно вести к имущественной и уголовной ответственности. В частности вынужденно допускаемых (вследствие общественных привычек либо объективных потребностей) видов бизнеса, оказывающих на здоровье негативное воздействие, необходимы следующие ограничения:

• следует ввести канадские стандарты предупреждений о вреде курения на сигаретных пачках (тексты «Курение приводит к раку» и «Курение убивает» и дополнить их красноречивыми изображениями пораженных легких и мозга);

• реклама пива должна быть юридически приравнена к рекламе алкоголя, а реклама сигарет и других табачных изделий — запрещена полностью;

• реклама торговых марок, совпадающих с названиями широко известных марок товаров, реклама которых запрещена или ограничена, должна запрещаться или ограничи-

ваться по. тем же самым правилам как реклама товаров с совпадающими названиями;

• запрет игорного бизнеса на всей территории России должен быть реализован в полной мере, а зоны его размещения должны находиться в относительно мало населенных (хотя и транспортно доступных) пунктах;

• все товары, произведенные с использованием генетически модифицированных продуктов, должны иметь хорошо заметную маркировку; производство их в России должно быть запрещено;

• следует полностью запретить производство и импорт автомобилей без катализатора, качественно снижающего токсичность выхлопа; эксплуатируемые автомобили должны быть оборудованы катализаторами (для малообеспеченных — в рассрочку или за счет бюджета);

• представляется необходимым запрещение бродяжничества: бездомным должны предоставляться общежития и общественные работы; при уклонении от них они должны направляться на принудительные работы;

• выбрасывание мусора на улицу или в зеленых насаждениях, включая окурки и обертки, должно караться крупным штрафом или принудительными работами по благоустройству населенных пунктов.

Необходимы *общественные работы* как способ не только борьбы с безработицей, но и сохранения (или создания) трудовой мотивации у временно не работающих, а также удешевления модернизации инфраструктуры страны (не стоит забывать, что американские шоссе построены в значительной степени именно в рамках программ общественных работ).

Здоровый или квалифицированный человек должен отрабатывать обществу свое пособие по безработице. При этом надо стремиться привлекать выпускников ВУЗов и лиц творческих профессий к общественным работам по специальности, как это было в США при Рузвельте.

Вал лживой или возбуждающей безосновательные ожидания рекламы не только обманывает людей и наносит им

материальный ущерб, но и подрывает доверие в обществе, дезорганизуя его и разрушая его моральные основы. Представляется необходимым признать вводящую в заблуждение рекламу разновидностью мошенничества и преследовать ее в соответствии с Уголовным кодексом.

Платежные документы (коммунальные, пошлина за официальные бланки, налоги и т.д.) должны передаваться гражданам с уже внесенными в них банковскими реквизитами, чтобы люди вписывали в них только информацию о себе, не мучаясь переписыванием бессмысленных аббревиатур и кодов.

Восстановление прогрессивной шкалы подоходного налога

Богатая часть общества просто в силу своей обеспеченности имеет больше возможностей влияния на него и потому должны нести большую ответственность за его состояние, в том числе и в налоговой сфере (как это наблюдается во всем мире).

Распространенное возражение о неизбежности давки в налоговых инспекциях и обременении «среднего класса» необходимостью лично заполнять абсурдно усложненные бланки налоговых деклараций не имеют отношения к реальности, так как налоговая служба и так имеет все данные по доходам граждан страны. Соответственно, ей вполне по силам присылать каждому налогоплательщику счет на уплату налогов (как делается сейчас с автовладельцами и владельцами недвижимости). В этом случае идти в налоговую инспекцию надо будет только в случае несогласия с присланным счетом или за налоговым вычетом (за которым в 2006 году пришло более 4 млн. чел.).

Кроме того, необходимо полное освобождение от подоходного налога людей с доходом ниже двух прожиточных минимумов.

Обязательное изучение английского языка

Какими бы патриотами русского языка мы бы ни были, в настоящее время языком международного общения является английский язык. Эта ситуация сохранится и в обозримом будущем.

Наши дети должны иметь те же возможности получать информацию, искать работу и путешествовать, что и их сверстники в развитых странах. Они должны быть полностью конкурентоспособны не только в России и в других странах, являющихся зоной использования русского языка, но и в глобальном масштабе.

Поэтому программа средней школы должна включать изучение английского языка в объеме и на уровне, достаточном для свободного общения с его носителями. Разумеется, другие иностранные языки могут изучаться как дополнительные; при этом в силу особенностей современного развития место французского как второго по значимости иностранного языка должен занять китайский.

Модернизация армии

Инерционные демографические процессы (не говоря о заболеваниях на глазах) лишают армию призывников. Поэтому жизненно необходимо скорейшее создание профессиональной армии и обеспечение социального престижа офицерства.

Уставы армии, вся система обучения военнослужащих и поддержания обороноспособности страны должны быть кардинально обновлены в соответствии с требованиями современно войны — с учетом опыта как локальных войн (в том числе партизанских), так и широкомасштабных агрессий, осуществляемых в последние годы США и их союзниками.

Возрождение ВПК должно не на словах, а на деле стать одним из инструментов стимулирования технологического прогресса и, соответственно, ключевым приоритетом государства.

ВОЗРОЖДЕНИЕ ПРОИЗВОДСТВЕННОГО КАПИТАЛА

Компенсационный налог: восстановление справедливости

15 лет национального предательства, разврата и коррупции погрузили Россию в ложь и недоверие. Большинство россиян не признает право горстки лиц, которых правящие коррупционеры назначили миллиардерами, на недра страны и предприятия, созданные поколениями советских людей.

Общество расколото на ограбивших и ограбленных. Переделить или вернуть государству собственность (за исключением отдельных предприятий — экспортеров сырья и оборонных предприятий) после стольких лет их частного существования — значит вызвать хаос.

Национальное примирение будет достигнуто согласием общества на сложившуюся структуру собственности в обмен на признание крупным бизнесом своей ответственности, проявляющейся в его участии в реализации национальных приоритетов, инвестировании в Россию и, главное, — в компенсаций нанесенного приватизацией ущерба в виде **компенсационного налога.**

Он равен сумме, недоплаченной при приватизации в бюджет, индексированной на величину инфляции. Выплата компенсационного налога осуществляется в рассрочку в течение не более чем 10 лет. Рассрочка устанавливается в зависимости от состояния предприятий и конъюнктуры рынков. При срыве платежей или подготовке предприятий к преднамеренному банкротству они отчуждаются в собственность государства.

Принципиально важно понимать, что выплата деньгами сопряжена со многими трудностями. Без рассрочки она резко ухудшит финансовое положение предприятий и приведет если и не к их краху (с потерей соответствующих рабочих мест), то, во всяком случае, к их серьезному ослаблению в глобальной конкуренции.

Определение же рассрочки должно осуществляться индивидуально не только для каждой отрасли, но и для каждого конкретного продукта; более того, изменение конъюнктуры мировых рынков автоматически будет создавать предпосылки для изменения условий рассрочки. Помимо прямой угрозы коррупции, это создаст многочисленные споры и обиды, не говоря уже о том, что это весьма сложная и трудоемкая задача и с чисто технологической точки зрения.

Для избежания этой опасности возможно рассмотреть взимание компенсационного налога не деньгами, но акциями соответствующих предприятий, специально эмитируемыми для этой цели.

Поэтому если национальное примирение не будет достигнуто на основе денежной выплаты компенсационного налога — в принципе не важно, в результате нежелания крупного бизнеса на деле, а не на словах признать свою ответственность или же в результате нежелания общества признать сложившуюся структуру собственности, — выплату этого налога придется осуществить пакетами акций соответствующих предприятий.

По сути дела это будет означать ограниченную национализацию части сырьевого сектора, имеющей стратегическое значение, что полностью соответствует современным тенденциям глобального развития.

Важным вопросом при выплате компенсационного налога станет защита интересов добросовестных приобретателей (в том числе мелких инвесторов), приобретших эти акции у приватизаторов. Российское государство должно обеспечить им всю необходимую юридическую поддержку для получения необходимых компенсаций от приватизаторов, а при определенных обстоятельствах и само представлять их

интересы; физическим же лицам — представителям «среднего класса» и малообеспеченным — государство должно компенсировать их потери из сумм компенсационного налога или из получаемых по акциям дивидендов.

Кроме того, важно учитывать, что профессиональные либо высокостатусные приобретатели акций приватизированных предприятий не могут не знать историю приватизации в России и, соответственно, могут рассматриваться не как добросовестные приобретатели, а как скупщики и перекупщики заведомо краденого имущества. Эта категория лиц (что соответствует и российскому, и международному праву) не только должна, но и может в силу своего имущественного и социального положения вполне самостоятельно нести риски, связанные с восстановлением законности и справедливости.

* * *

Природную ренту экспортеры сырья должны возвращать государству через экспортные пошлины и налоги. Сейчас этот механизм работает в отношении нефтяников; необходимо его распространение как минимум на газовую промышленность, цветную и черную металлургию.

При этом необходимо дополнение экспортной пошлины налогом на добычу полезных ископаемых, в соответствии с мировой практикой дифференцированным по горно-геологическим и климатическим условиям.

Программа развития и размещения производительных сил: ГОЭЛРО-2

В капиталоемких секторах, в первую очередь инфраструктурных, длительность окупаемости инвестиций в сочетании с их высокими объемами делают политические риски запретительно высокими для частных инвесторов. Един-

ственный способ привлечения средств (только в эти сферы, чтобы не возникло недобросовестной конкуренции с частным бизнесом) — гарантии, а при их недостаточности — кредиты и даже прямые инвестиции государства с жестким перекрестным контролем за их использованием.

Программа развития и размещения производительных сил (ГОЭЛРО-2) должна определять направления развития указанных сфер, в первую очередь инфраструктуры, задавая тем самым бизнесу как стратегические приоритеты, так и непосредственные условия развития.

Источники средств вполне прозрачны, а сами средства — вероятно, впервые в истории нашей страны — достаточны для решения этой задачи даже с учетом необходимости решения масштабных социальных задач. Это прежде всего: избыточная с точки зрения обеспечения стабильности валютного рынка часть золотовалютных резервов Центробанка (на начало июня 2007 года, по самым консервативным оценкам, — эквивалент более 200 млрд.долл.), неиспользуемые остатки средств федерального (на начало мая 2007 года — более 140 млрд. долл.) и региональных (более 5 млрд. долл.) бюджетов, ограничение масштабов воровства, кредиты госбанков, средства модернизированной пенсионной и страховой систем.

Составными элементами этой программы должны стать:

• содержательная (в отличие от принятой на период до 2020 года) Энергетическая стратегия, нацеленная на обеспечение максимально эффективного использования энергоресурсов (ее основы будут описаны ниже);

• Транспортная стратегия, обеспечивающая запуск транзитных маршрутов при срыве любой ценой и любыми способами проектов организации глобального транзита в обход России;

• Технологическая стратегия, определяющая, какие технологии государство будет развивать, а какие — импортировать, задающая ориентиры политике в сфере высшего и среднего образования. Она должна создать механизм ши-

рокомасштабного поиска и внедрения сверхэффективных технологий. Нужно создание в рамках Министерства науки и технологий специального государственного агентства, занимающегося поиском этих технологий, оценкой их эффективности, при необходимости — доработкой, рекламой и распространением, а при отсутствии заинтересованности со стороны субъектов рынка — созданием предприятий, эксплуатирующих их.

Следует превратить Сбербанк в полноценный банк развития — ключевой инструмент реализации программы развития производительных сил. Деньги населения должны финансировать развитие страны, а не идти на погашение внешнего долга или спекуляции с госбумагами.

После достижения суммой государственного внешнего долга приемлемого уровня (этот уровень уже давно достигнут) его снижение может осуществляться лишь при решенности более приоритетных задач. Средства, являющиеся потенциальным профицитом, должны направляться на восстановление инфраструктуры и государства (то есть проведение административной реформы).

Справочно

СТАБИЛИЗАЦИОННЫЙ ФОНД: ГЛУПОСТЬ ИЛИ ПРЕДАТЕЛЬСТВО?[1]

Газета «Завтра». *Почему власти не устают заявлять, что «ищут инвестиции», почему российские корпорации берут кредиты в иностранных банках — а собственный Стабфонд при этом не используется? Чем одни доллары отличаются от других?*

М. Делягин. Инвестиции приносят прибыль не тем, кто о них говорил, а тем, кто их сделал. Поэтому инвестиции, сделан-

[1] Ответы М.Делягина на вопросы корреспондента газеты «Завтра».

ные иностранными корпорациями, приносят прибыль им и служат инструментом выкачивания денег из России. Кредиты иностранных банков заставляют российские корпорации делиться своими прибылями с этими банками и также выкачивают деньги из России. Инвестиции же из Стабфонда, то есть из бюджета, приносили бы прибыль бюджету, то есть, при разумном управлении, гражданам нашей страны.

Политика правящей бюрократии показывает: она не хочет, чтобы Россия работала на себя. Она хочет, чтобы Россия работала на Запад и, по сути, была его рабой. Это катастрофически наглядно проявилось уже в 2006 году: именно когда частный капитал после бегства, продолжавшегося почти все годы реформ, впервые буквально хлынул в Россию — превышение его притока над оттоком составило 41,6 млрд. долл. — государство начало стремительно вывозить капитал в виде средств Стабфонда и вывезло за год все 99,97 млрд. долл.. За январь-май 2007 года чистый приток частного капитала в Россию составил 45 млрд.долл., больше, чем за весь прошлый год, — и усилия правящей бюрократии по его вывозу усилились.

Более того: главный приоритет бюджета — замораживание средств налогоплательщиков в Стабфонде, который за 2007 год намечено увеличить в 1,6 раза — с 2,35 до 3,69 4.238,6 млрд. руб., что составит более половины (52,9%) доходов бюджета. Это значит, что главный приоритет государства — вывоз национального капитала за границу для поддержки наших стратегических конкурентов.

Но, думаю, это все же не заговор, а результат мотивации тех, кто служит не общественному благу, а только личному потреблению. Поскольку потреблять на Западе намного комфортней, чем в России, они волей-неволей, часто даже не признаваясь в этом сами себе, подходят к любой проблеме с точки зрения не России, но своих денег, а это значит — с точки зрения Запада.

Почему средства Стабфонда нельзя вкладывать в социально-экономическую инфраструктуру: ЖКХ, дороги, связь,

больницы, институты, — в те жизненно важные для страны отрасли, которые разваливаются на глазах из-за отсутствия средств?

Вы хотите, чтобы я повторял вам ложь, которой травят наш народ официальная пропаганда и хор недоучившихся преподавателей якобы экономики?

Средства Стабфонда — часть средств бюджета, средств налогоплательщиков. Средства налогоплательщиков должны работать на них, на их страну, на Россию — по крайней мере, пока страна находится в таком ужасающем состоянии, как наша. 13% населения, по данным центра Левады, испытывает нехватку денег на покупку еды: это нищета. 87% — на покупку простой бытовой техники: это бедность. Число бездомных детей сопоставимо с их числом после гражданской войны — вот уже 7 лет сопоставимо, и государство не делает практически ничего! Только захлебывается от нефтедолларов.

К выборам государственные инвестиции намечено увеличивать небывалыми темпами: на две трети за 2 года! — с жалких 1,8% ВВП в 2005 году и 2,1% ВВП в 2006 году до не менее жалких 2,67% ВВП в 2007 году, после чего (что подтверждает предвыборный характер роста инвестиционных расходов) они начнут снижаться: до 2,43% ВВП в 2008 и 2,34% ВВП в 2009 году. Ничтожность даже максимального уровня госинвестиций иллюстрирует уровень более благополучных стран, не испытывающих такой острой нехватки инвестиций, как Россия. Наш максимум будет ниже уровня госинвестиций Норвегии (2,9% ВВП), Финляндии (3,0%), Португалии (3,1%), США и Франции (по 3,2% ВВП), Испании (3,4%), Польши (3,5%), Японии (3,8%), Мексики (4,8%) и либеральной и ухоженной Чехии (5,0% ВВП), не говоря уже о Корее (5,9%).

Масштабы российских госинвестиций по-прежнему не будут компенсировать накопленного износа основных фондов и не защитят от угрозы техногенных катастроф, вызванных этим износом.

И при этом выделяемые в России на инвестиции средства бюджета не используются, в том числе потому, что правящая

бюрократия даже не разрабатывает инвестиционные программы, под которые выделяет деньги — где уж их исполнять! Минэкономразвития, ответственный в том числе и за государственные инвестиции, в 2006 году использовал лишь 18,1% средств, выделенных ему бюджетом, — 15,6 из 86,2 млрд.руб.! Это пахнет не столько экономией средств, сколько нежеланием исполнять свои прямые обязанности. При таком исполнении бюджета его впору для удобства пользования сразу печатать рулонами — и на туалетной бумаге.

Если Стабфонд— действительно «копилка на черный день», почему он устроен таким образом, что отдача от него минимальна (3% в РФ, 14% — в *Норвегии), и за годы существования Стабфонда в нем «сгорело» порядка 30% активов?*

На 1 июня 2007 года средневзвешенная доходность Стабфонда составила, по данным Минфина, которым пока нет оснований не верить, 8,04% годовых. Для сверхконсервативных вложений в первоклассные госбумаги, за надежность которых приходится платить низкими доходами, это невероятно высокий результат, позволяющий сомневаться в надежности вложений. Кстати, в Норвегии несколько лет назад их аналог нашего Стабфонда за год потерял из-за неудачных вложений 22% своей стоимости, так что с чисто бухгалтерской точки зрения осторожность можно счесть оправданной.

Но сама идея «копить на черный день» с экономической точки зрения — бред. Наша задача регулярно озвучивается всеми руководителями вот уже 20 лет — развить обрабатывающие производства, диверсифицировать экономику, чтобы слезть наконец с «нефтяной иглы»!

Путь очевиден: разработайте «план ГОЭЛРО-2», инвестируйте в модернизацию экономики и, ослабив зависимость от цен на нефть, сделайте «черный день» невозможным в принципе! Деньги на это, едва ли не впервые в истории нашей страны, есть.

Вместо этого деньги сначала складывались в кубышку, где они «сгорали» от инфляции, а теперь инвестируются в наших

стратегических конкурентов, что, кстати, делает уплату налогов уже не бессмысленным, а просто вредным, самоубийственным занятием! И нам с гордостью говорят, что, если нефть подешевеет, денег хватит на пару лет, а то и больше.

Но понятно, что они, как всякая «заначка», кончатся — и страна рухнет. Мне единственный раз ответили на вопрос о том, что будет потом. Один высокопоставленный чиновник мне внятно разъяснил, что, пока страна будет проедать Стабфонд после падения цен на нефть, он лично успеет «соскочить» с госслужбы и найдет себе сладкое место в крупном бизнесе, так что к моменту катастрофы все забудут, что он имел к ее организации хоть какое-то отношение.

Таким образом, выбирая между избежанием катастрофы при помощи модернизации и простым откладыванием этой катастрофы, либеральные фундаменталисты последовательно выбирают второе.

Интересно, что отдельному человеку в аналогичной ситуации — есть деньги, но работа скоро будет оплачиваться намного хуже — либералы говорят все правильно: модернизируй себя, вложи деньги в переобучение, в освоение новой специальности, которая будет востребована. А стране говорят строго наоборот— отложи деньги «на черный день», чтобы просто сдохнуть, когда они кончатся. Возможно, потому, что отдельно взятого человека некоторым из них все же жалко— ведь все человеческие чувства так сразу не вытравишь никакой идеологией, даже либеральной. В конце концов, и многие эсэсовцы, как мы сейчас читаем в их мемуарах, в глубине души жалели евреев, которых они уничтожали. И многие либеральные фундаменталисты сегодня жалеют отдельно взятых людей. А вот страну, в которой эти люди живут и частью которой они являются, — уже нет.

И, думаю, здесь они правы: Россия действительно не их страна и никогда не будет их страной.

Что произойдет со Стабфондом, если в России или в мире действительно случится «черный день»: например, крах

доллара, обвал фондовых рынков и т.п.? Чем и как в подобной ситуации эти деньги смогут реально помочь нашей стране?

При колебаниях доллара относительно евро потерь не будет: сколько потеряет вклад в одной валюте, столько приобретет вклад в другой. Но при масштабных катаклизмах — общем обесценении валют развитых стран или падении котировок их ценных бумаг, хотя такое отнюдь не неизбежно, — средства Стабфонда обесценятся вместе с инструментами, в которые они вложены. Пока они вложены в России, они зависят от российских рисков, которые наше государство как минимум может предвидеть. При инвестировании на глобальных рынках средства Стабфонда начинают зависеть от глобальных рисков, которых наши бюрократы даже не представляют.

Рассуждения о «суверенной демократии», о суверенитете России — как они согласуются с тем, что фактически контроль и доходы от продажи российского сырья на Запад оказались, благодаря тому же Стабфонду, в руках западных монополий?

Контроль за продажей российского сырья — а. руках наших продавцов. Стабфонд — это не все доходы от продажи сырья, а только часть доходов бюджета от этой продажи. Так что картина не столь апокалиптична.

Но не надо путать пропаганду с реальностью. От отталкивания союзников и закатывания истерик заведомо более сильным конкурентам суверенитета не прибавится. А «суверенная демократия» имеет и к суверенитету, и к демократии такое же отношение, как «заслуженный отдых» к обычному. Реальный смысл этого термина в том, что правящая бюрократия собирается делать все, что ей взбредет в голову, но хочет звать это «демократией». И при этом хранит на Западе уже не только личные сбережения, но и средства государства в виде Стабфонда, что делает зависимым от давления и угроз развитых стран уже не чиновников как личностей, а все государство как целое.

Почему деньги нашего Стабфонда сегодня работают на чужую, прежде всего американскую экономику, прямо или

косвенно финансируя войну в Ираке, оккупацию Афганистана, расширение НАТО с военными базами вокруг России и создание систем «звездных войн»?

45% средств Стабфонда вложено в долларовые активы, 45% — в активы, номинированные в евро, 10% — в фунтах стерлингов. При величине Стабфонда на 1 июня 2007 года в эквивалент 116,85 млрд.долл. 51,38 млрд.долл. вложено в экономику США и эквивалент 65,47 млрд.долл. — в экономику стран Евросоюза.

Средства российских налогоплательщиков работают на чужие экономики потому, что, вероятно, руководство нашей страны считает поддержку развитых стран более важным для себя делом, чем поддержку своей собственной страны. Иного стратегического объяснения его действиям просто нет.

Могут ли деньги Стабфонда вообще использоваться Рос сией? Вернутся ли они когда-нибудь «в страну происхождения или Минфин и Центробанк во главе с Кудриным и Игнатьевым просто выполняют функции «баскаков нового ига»?

При сегодняшних правилах использования средств Стабфонда, установленных указанными персонажами, это маловероятно до начала падения цен на нефть, когда инвестировать в модернизацию — просто из-за сокращения текущих доходов — станет на порядок сложнее.

Теоретически статья 96.3 Бюджетного кодекса позволяет использовать средства Стабфонда не только на «финансирование дефицита федерального бюджета при снижении цены на нефть ниже базовой» (установленной п.2 ст.96.1 того же Кодекса в 27 долл. за баррель сорта «Юралс»), но и на «иные» цели — если объем Стабфонда превышает 500 млрд.руб.. Эта же статья 96.3 Бюджетного кодекса заботливо предусматривает, что эти иные цели должны содержаться в федеральном бюджете, причем не абы каким, а только таким, проект которого был внесен в Госдуму правительством.

Это существенная оговорка. Если вдруг случится чудо, и Госдума примет внесенный не правительством, а одной из фрак-

ций бюджет, ставящий Стабфонд на службу стране (правительство, пока в нем работают личности, подобные Кудрину, не внесет такой бюджет никогда!), и Совет Федерации одобрит, а президент подпишет этот бюджет — он все равно не вступит в силу в части использования средств Стабфонда. Ведь Бюджетный кодекс позволяет тратить его только на основе бюджетов, внесенных в Госдуму именно правительством, а не партиями, — а при противоречии кодекса и закона, пусть даже закона о бюджете, выполняться будет именно кодекс!

Бюджеты же, подготавливаемые правительством, из года в год дают правительство право (по его желанию) направлять средства Стабфонда только на «выплаты, сокращающие долговые обязательства Российской Федерации», на практике — на бессмысленные досрочные выплаты ло внешнему долгу, за которые в 2006 году, например, Россия заплатила 1 млрд.долл., а в 2007— еще 100 млн.долл. штрафов.

Почему структура активов Стабфонда засекречена не только от общества, но даже от депутатов Госдумы? Кто и каким образом осуществляет контроль за использованием средств Стабфонда? Защищены ли они от злоупотреблений?

Статья 96.4 Бюджетного кодекса устанавливает, что средствами Стабфонда управляет Минфин в порядке, устанавливаемом правительством. При этом правительство может на договорной основе передавать отдельные полномочия по управлению этими средствами Центробанку. В общей форме Минфин ежемесячно отчитывается о состоянии Стабфонда, и эта статистика общедоступна.

Правительство утвердило Правила перечисления в Стабфонд средств бюджета, то есть-порядок формирования Стабфонда, еще 23 января 2004 года, постановлением № 31, а порядок управления средствами Стабфонда — лишь 30 сентября 2004 года постановлением № 508. Порядок так и не заработал, и через полтора года 21 апреля 2006 года постановлением правительства № 229 был утвержден новый порядок, который на-

чал применяться со второй половины июля, когда началось инвестирование средств Стабфонда в иностранные активы. 22 мая по исполнении этого постановления были подписаны два приказа Минфина — № 157 и 158, — которыми устанавливались пределы допустимых отклонений от валютной структуры вложений Стабфонда и метод приведения ее к нормативу, а также то, что иностранные госбумаги могут приобретаться не ранее чем за 3 года до их погашения и должны продаваться не менее чем за 3 месяца до этого момента.

Средства Стабфонда могут вкладываться в надежные госбумаги 14 стран. Правда, к ним наряду с высокоразвитыми странами отнесены и такие финансовые «гранды», как Португалия и Греция.

Надо сказать, что перед правительством Минфин ежеквартально отчитывается достаточно подробно, вплоть до наименования и основных характеристик приобретаемых иностранных госбумаг, но обществу эта информация не сообщается. И сокрытие от глаз конкретной структуры вложений Стабфонда, естественно, вызывает подозрения. Сейчас ведь идет дискуссия о том, какова «норма распила» средств относительно прозрачного в целом федерального бюджета — то ли 20%, то ли 25, то ли вообще уже 30%. А вы говорите о почти непрозрачном Стабфонде! Многим кажется оскорбительным для наших финансовых умельцев предположение, что они никак не используют эти колоссальные средства для личного блага.

Может ли появиться реальная программа использования средств Стабфонда, которая, вопреки утверждениям Кудрина, не раскручивала бы гиперинфляцию, а помогала модернизации российской экономики?

Для этого надо уволить Кудрина и других деятелей, которые разбираются в экономике, примерно как известное животное в апельсинах, а затем открыть толковый учебник макроэкономики. Важно не перепутать последовательность действий, потому что зачитывать учебник людям, которые умеют читать только то, что заранее хотят прочитать, бессмысленно.

Прежде всего, инвестиции, в том числе государственные, в модернизационные проекты не ускорят инфляцию просто потому, что эти проекты в силу своего долгосрочного характера — разумеется, если не допускать воровства—«свяжут» направляемые на них деньги, увеличив предъявляемый экономикой спрос на них.

Данные вложения еще и будут долго и гарантированно высокорентабельными; так, модернизация ЖКХ в крупных и средних городах— подлинное «золотое дно». Другое дело, что инвестиции, как и всякие инвестиции в инфраструктуру, будут окупаться долго — и именно это из-за политических рисков (не только каждый новый президент, но и каждый новый мэр кардинально и непредсказуемо меняет все «правила игры») делает их непривлекательными для бизнеса. Но государство — и, кстати, лишь оно одно — может гарантировать эти проекты от политических рисков! Это позволит решить и не решаемую сегодня проблему гарантирования не.только сохранности, но и доходности пенсионных взносов населения.

Кстати, инфляция в современной российской экономике не имеет ни малейшего отношения к увеличению расходов федерального бюджета. У нас в конце декабря каждого года ставится грандиозный эксперимент, когда в экономику за 2-3 недели из-за дурного управления бюджетом вбрасывается дополнительно 260-270 млрд.руб. бюджетных денег. Нехватка денег в сегодняшней российской экономике такова, что этот чудовищный вброс денег мгновенно «всасывается» и не оказывает никакого влияния на инфляцию! Эти суммы сопоставимы с тем, что нужно для того, чтобы при равномерной трате в течении всего года искоренить нищету — обеспечить всем россиянам прожиточный минимум и тем самым гарантировать их право на жизнь.

Последствия «стерилизации» денег в Стабфонде ужасны. За три последних года «естественная» убыль населения России составила 2,3 млн. чел.; главные причины — социальные, в первую очередь удушающая бедность, созданная отказом государства тратить деньги на нужды страны. Таким образом, даже если принять логику Кудрина, за снижение официальной инфляции на

3 процентных пункта—с 12% в 2003 до 9% в 2006 году, которую экономика в силу как его небольшого масштаба, так и вероятной его фиктивности просто не почувствовала, было хладнокровно заплачено жизнями более 2 млн. россиян.

Плата за чисто статистический результат жизнями миллионов сограждан представляется инфернальным деянием, вызывающим в памяти политику гитлеровцев — по отношению, правда, не к своему народу, а к тем народам, которые они считали своими врагами.

Возвращение полноценного пенсионного обеспечения

Пенсионная система должна быть основана на государственных гарантиях сохранности пенсионных взносов граждан в реальном выражении. Эти гарантии должны быть основаны на направлении части пенсионных инвестиций в надежные проекты модернизации инфраструктуры (в том числе ЖКХ), не представляющие интереса для частного капитала вследствие относительно высокой капиталоемкости и длительной окупаемости.

Таким образом, пенсионные взносы населения станут основным долговременным источником финансирования модернизации России (в отличие от Стабилизационного фонда и золотовалютных резервов, которые по своей природе носят краткосрочный характер и могут использоваться, лишь пока мировые цены на нефть остаются высокими).

Для кардинального сокращения дефицита Пенсионного фонда и перелома тенденции к его нарастанию следует отказаться от регрессивной ставки Единого социального налога, превращающей честность в почти исключительную привилегию имущих (так как налогообложение доходов бедных людей и даже «среднего класса» становится запретительно высоким, составляя с учетом подоходного налога 34%), и снизить его уровень в соответствии с предложениями биз-

неса с сегодняшних 26% до 15%, Омерзительно классовый характер этого налога делает его вопиюще несправедливым, а значит, крайне неэффективным.

Справочно

БЮДЖЕТ 2008-2010: РОБКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Разработка проекта трехлетнего федерального бюджета безусловно позитивна, так как повышает предсказуемость развития и устойчивость государственной политики, закрепляемой бюджетом.

При оценке адекватности бюджета надо учесть, что занижение инфляции (9% в 2006 году, 7% в 2008, 6,5% в 2009 и 6% в 2010 году) ведет не только к занижению ожидаемых доходов (инфляционные доходы будут дополнительными, создающими для бюджета «резерв прочности»)» но и к недостаточности заложенных в бюджет расходов. Ведь выделяемые средства окажутся недостаточными для покупки нужного объема товаров и услуг из-за их более быстрого, чем предполагается, подорожания. Но ущерб от этого, вероятно, покрывается ущербом от коррупции.

Профицит, прощай!

Проект бюджета революционен, так как декларирует отказ от идеологии «замораживания» денег в бюджете в виде так или иначе дурно используемой «заначки» — «финрезер¬ва» или Стабфонда.

Этот отказ вынужден ожидаемым удешевлением нефти (с 61,1 долл/барр Urals в среднем за 2006 год до 55 долл/барр в 2007, 53 долл/барр в 2008 и 50 долл/барр в 2010 году), которое снизит доходы бюджета с 23,2% ВВП в 2006 году и 22,3% ВВП, намеченных на 2007 (правда, в январе-апреле удалось собрать лишь 21,2% ВВП), до 19,0% в 2008 году, 18.8% в 2009 и 18,1% ВВП — в 2010 году.

Соответствующее сокращение профицита, намеченного в 2007 году на уровне 4.8% ВВП, при сохранении прежнего уровня расходов, было бы логичным в рамках сегодняшней политики поддержания низких расходов бюджета и «замораживания» денег, излишних из-за отказа от модернизации.

Однако при сокращении доходов на 14,8% (в отношении к ВВП) расходы не то что не сократятся, но вырастут— с 15,8% ВВП в 2006 году и 17,5% ВВП, намеченных на 2007 год (при использованных в январе-апреле 15,3% ВВП — так что изменение бюджетной политики было намечено еще на 2007 год, но пока не начато) до 18,8% ВВП в 2008, то есть на 7,4% (в отношении к ВВП). Этот уровень будет выдержан и в 2009 году; в 2010 расходы будут снижены, но в меру сокращения доходов—до 18,1% ВВП.

Государство отказывается от идеологии накопления профицита. Составивший в 2006 году чудовищные 7,4% ВВП и намеченный на 2007 год в размере 4,8% ВВП (по итогам I квартала, несмотря на недобор доходов в 9.6%, или 150 млрд.руб., все равно удержанный на баснословном уровне 7,0% ВВП, а в январе-апреле — уже 5,9% ВВП), профицит в 2008 будет сокращен до незначительных 0,2% ВВП, а в 2009 и 2010 годах будет равен нулю. Для бюджета «годы Путина» — это годы профицита: с их завершением закончится и профицит.

Ключевая причина смены политики — невозможность в преддверии политической неопределенности, связанной с назначением преемника и первым этапом его работы, игнорировать мнение не только общества, но и элиты. С одной стороны, Стабфонд из-за своей абсурдности стал основным направлением содержательной критики «либералов», с другой — механизмы разворовывания бюджетных денег выстроены, и представителям обеих кланов, а также более мелкой сошке не терпится снять свою персональную долю сливок с нефтедолларов,— хотя бы в условиях резкого сокращения их притока.

Смена бюджетной стратегии и увеличение расходов бюджета важны и тем, что Минфин, прекратив в преддверии выборов байки о том, что увеличение расходов якобы ускоряет инфля-

цию, тем самым признал изначальную и откровенную лживость всей пропаганды, нацеленной на недопущение модернизации и социального обустройства страны и «замораживании» нефтедолларов в Стабфонде.

Основная часть Стабфонда по состоянию на конец 2007 года — 10% ВВП, или 3,067 млрд.руб. — будет переименована в Резервный фонд. В отличие от Стабилизационного, он имеет цель: в течение 3 лет, необходимых для корректировки бюджетной политики (о модернизации речи по-прежнему нет), поддерживать бюджетные расходы на запланированном уровне при падении цены нефти Urals с 51,7 долл/барр— средней цены, предусмотренной бюджетом на 2008-2010 годы— до 29,4 долл/барр (среднегодовая цена за предшествовавшие 10 лет: с 1997 по 2006 годы; этот ориентир избран вполне произвольно и не учитывает никаких реальных факторов, — в том числе весьма серьезного снижения покупательной способности доллара). Резервный фонд фиксируется на уровне 10% ВВП. Соответственно, к концу 2010 года он вырастет в 1,45 раза — до 4,447 трлн. руб.

Будет создан и претенциозно названный Фонд будущих поколений (он же Фонд национального благосостояния), доход от размещения средств которого пойдет на софинансирование добровольных пенсионных накоплений (то есть на стимулирование и без того более обеспеченной части общества) после принятия закона об этом. Допускается и возможность финансирования из этих доходов и дефицита Пенсионного фонда — вероятно, основное направление использования его средств.

Величина его неясна и, похоже, никого в правительстве не интересует. В пояснительной записке к бюджету говорится, что на 1 февраля 2008 года его величина составит незначительные на фоне Резервного фонда 470,73 млрд. руб. Однако в расчетах к бюджету указывается, что 1 января 2007 года в него будут вложены 2% ВВП (623,6 млрд. руб.), оставшихся после того, как 10% ВВП будут переименованы из Стабфонда в Резервный фонд. За 2008 год величина Фонда будущих поколений вырастет до 637,7 млрд. руб. (1,8% ВВП), но затем нач-

нет сокращаться: в 2009 — до 569,1 млрд. (1,4% ВВП), в 2010 год — до 559,9 млрд. руб. (1,3% ВВП). В номинальном выражении он уменьшится за 3 года на 10.2%, а с учетом даже официальной инфляции — на 24,6%.

Социальный, а не военно-полицейский бюджет

Крайне интересна структура приоритетов бюджета 2008-2010 годов. При общем росте расходов по сравнению с уровнем бюджета-2007, на 48.1%, в наибольшей степени выросли расходы на социальную политику (на 74,1%) и трансферты внебюджетным фондам, в первую очередь Пенсионному, — на 73,6%. Это безусловные приоритеты бюджета, носящие предвыборный характер. Велика вероятность, что в силу их противоречия либеральной идеологии они будут под тем или иным предлогом изменены после укрепления власти преемника Путина (как после победы Ельцина в 1996 году основная часть его обещаний была отменена уже в августе). Однако пока к 2011 году планируется довести наконец минимальную оплату труда до уровня прожиточного минимума; несмотря на неоправданное затягивание сроков реализации этой назревшей (и отнюдь не дорогой для бюджета) меры сама по себе она, как и повышение пенсий (социальная пенсия должна превысить прожиточный минимум с 1 октября 2009 года), заслуживает всяческого одобрения.

Приоритетом являются и процентные расходы, выплаты по которым вырастут на 57,6%.

Средний уровень роста расходов наблюдается на безопасность и правоохрану (на 50,8%) и оборону (на 44,9%). Это значит, что бюджет не является военно-полицейским.

Ниже среднего вырастут расходы на здравоохранение (на 33.0%), образование (22,7%) и госнужды без процентных расходов (на 22,1%). При официально прогнозируемой инфляции за 3 года в 21,0% это пороговый уровень, ниже которого расходы будут не расти, а сокращаться в реальном выражении.

Это абсолютные «парии» бюджета: межбюджетные трансферты (без учета помощи внебюджетным фондам, которая так-

же достается регионам, что отчасти компенсирует незначительный рост расходов по этой статье), величина которых в номинальном выражении вырастет лишь на 11.6%, экономика, расходы на которую вырастут на 9.5% и культура, расходы на которую в 2010 году в номинальном выражении будут на 0,4% ниже, чем в 2007 году— 67,5 против 67,8 млрд. руб..

Кто там хватался за пистолет при слове «культура»?

По годам по большинству статей расходы монотонно растут; исключение — наименее приоритетные по итогам трехлетки статьи: экономика, культура и межбюджетные трансферты.

Межбюджетные трансферты вырастут в 2008 году на 17,2% — до 919,2 млрд.руб. с 784,0 млрд. в 2007 году. Но затем они снизятся на 4,8%— до 874,8 млрд. руб. в 2010 году. Вряд ли за 2007—2008 годы удастся так сгладить региональную дифференциацию, чтобы можно было сокращать помощь регионам.

Расходы на культуру и СМИ вырастут в 2008 году на 22,0% (при общем росте расходов на 20,3%) — с 67,8 до 82,7 млрд.руб. А в следующие два года сократятся до прежнего уровня. Возможно, увеличение их финансирования в 2008 году, как и увеличение финансирования регионов, связано с обеспечением политической поддержки назначению преемника и его закреплению во власти.

Расходы на экономику вырастут в 2008 году на 44,5% — с 497,2 до 718,2 млрд. руб. (для сравнения: на безопасность и правоохрану в 2008 году будет выделено 771,2 млрд. руб.). В 2009 году расходы увеличатся еще на 11,7% — до 802,0 млрд., а в 2010 они сократятся на 32,1% — до 544,2 млрд. руб.

Политический смысл в том, чтобы не просто «финансово подготовить» выборы 2008 года (многие расходы — например, индексация оплаты труда — осуществляется с 1 января), но и облегчить новому президенту вхождение в должность и укрепление на этом посту на протяжении всего следующего года.

Экономический смысл, вероятно, в том, чтобы за 2 года осуществить инвестиции, которые изменят деловой климат и затем начнут окупать сами себя.

Такой подход драматически недооценивает масштаб модернизационных задач и существенно переоценивает возможную эффективность как госинвестиций, так и осуществляющих их госкомпаний и госуправления в целом. Кроме того, отсутствует комплексная система приоритетов и проработанная система механизмов. Грубо говоря, государство уже решилось наконец тратить деньги, но еще пока не удосужилось определить, как оно будет их тратить, на что и для чего.

Заведомо неэффективный механизм госинвестиций

Средства на развитие экономики во многом идут на увеличение уставных капиталов соответствующих государственных корпораций, в том числе:

- ОАО «Федеральная сетевая компания Единой энергетической системы»— 21,3 млрд.руб. в 2008 и 48,0 млрд.руб.— в 2009 году;
- ОАО «Федеральная гидрогенерирующая компания» — 6,0 млрд. руб. в 2008 и 12,0 млрд. в 2009 году;
- ОАО «Системный оператор — Центральное диспетчерское управление Единой энергетической системы» — 2,7 млрд.руб. в 2008 году;
- ОАО «Калининградская ТЭЦ-2» — 0,5 млрд.руб. в 2008 году;
- ОАО «Колымаэнерго» — 1,35 млрд.руб. в 2008,1 ,4 млрд. руб. — в 2009 и 1,5 млрд.руб. — в 2010 году;
- Евразийский банк развития— до 15,54 млрд.руб. в 2008 году;
- ОАО «Росагролизинг» — 8 млрд.руб. в 2008 году и 4 млрд. — в 2009;
- ОАО «Россельхозбанк» — 5,7 млрд.руб. в 2008 году;
- ОАО «Агенство по ипотечному жилищному кредитованию» — 6 млрд.руб. в 2008 и 8 млрд. — в 2009;
- ОАО «Особые экономические зоны» — 17,2 млрд.руб. в 2008, 12,1 млрд. — в 2009, 1,7 млрд — в 2010;
- ОАО «Объединенная авиастроительная корпорация» — по 6 млрд.руб. в 2008, 2009 и 2010 годах;

• ОАО «Сангтудинская ГЭС-1» — по 2,5 млрд.руб. в 2008 и 2009 годах;

• ОАО «Объединенная судостроительная корпорация» (Санкт-Петербург)— 1,8 млрд.руб. в 2008, 2,5 млрд. — в 2009 и 4,0 млрд.руб. — в 2010 году.

Кроме того, в управление Российской корпорации нанотехнологий уже с 2007 года будет передано 130 млрд.руб. (по-видимому, из средств Стабфонда).

Это обеспечивает неэффективность использования этих средств, так как государство не контролирует госкомпании. Средства пойдут на проекты, выбираемые ими самостоятельно, вне единой государственной стратегии и системы приоритетов (которых просто нет), то есть будут в лучшем случае разрозненными и не связанными друг с другом, «ударом растопыренной пятерней». При этом в силу отсутствия целостной государственной системы приоритетов, «единого взгляда» государственные корпорации смогут без труда убедить государство в наибольшей целесообразности именно таких трат.

Значительная часть этих средств неминуемо пойдет на нецелевое использование — в лучшем случае на раздувание административных расходов: строительство новых роскошных офисов, приобретение представительских автомобилей, загранкомандировки, приглашение высокооплачиваемых ненужных или просто безграмотных иностранных экспертов, повышение зарплат и раздувание штатов.

Наконец, часть средств будет разворована — как прямо, так и через не контролируемые способы, включая заказ своим партнерам бессмысленных исследовании и пиар-кампаний высоким с откатом.

Важно, что госсредства для госкомпании — даровой ресурс, который в отсутствие жесткого контроля расходуется неэффективно. Клинический пример — Бурейская ГЭС, которая строилась в значительной степени на госденьги и деньги всей страны (в инвестиционную составляющую тарифа на электричество для всех потребителей включалась плата на это строительство), а в итоге оказалась в собственности частного (хотя

и с участием РАО «ЕЭС России») акционерного общества. Кроме того, РАО «ЕЭС России», так как в России «неожиданно» не оказалось потребителей ее энергии (что ведет к сбросу воды и грозит затоплением земель), пыталась экспортировать электроэнергию в Китай по демпинговому тарифу в 2,9 цента за кВт. ч (при оптовой цене внутри Китая в 4 цента), дотируя тем самым китайские производства, в том числе и те, которые производят товары для импорта в Россию.

Предполагается прекратить нацпроекты (кроме наиболее значимого политически «Доступного жилья»), консолидировав их средства обратно в соответствующие расходные статьи бюджета, откуда они были вырваны в рекламных целях в преддверии кампании 2007-2008 годов. С проектами «Образование» и «Здравоохранение» это случится в 2010 году, а с «развитием АПК» — уже в 2008 году.

Подкармливание «своих» банков за счет налогоплательщиков

Проект бюджета предусматривает резкое увеличение внутренних займов (в виде выпуска госбумаг): с 293,6 млрд. руб. в 2007 году до 463,3 млрд. в 2008 и 671,4 млрд. в 2010 году. Объем внутреннего госдолга вырастет вдвое: с 1,4 трлн. руб. по итогам 2007 года до 2,8 трлн. руб. в конце 2010 года.

В результате снижение госдолга с 9,0% ВВП в 2006 и 8,5% в 2007 году и до 8,4% ВВП в 2008 году сменится ростом до 9,1% ВВП в 2010 году.

Цель займов— загадка. Масштабных погашений внешнего долга не планируется, а отсутствие дефицита бюджета исключает возможность направления займов на нужды общества. Единственный вывод — пополнение ими Резервного фонда, возможно — Фонда будущих поколений. Экономического смысла эта конструкция не имеет, так как доходы этих фондов вряд ли превысят расходы на обслуживание внутренних займов (особенно есть учесть накладные расходы).

Единственное рациональное объяснение — стремление таким изощренным способом развить за счет бюджета фондовый

рынок. Вероятно, государственные финансовые институты получат возможность предоставлять займы в первую очередь и, по сути дела, будут получать **гарантированную прибыль за счет федерального бюджета.** Объем потенциальных доходов солиден: процентные расходы бюджета увеличены более чем в полтора раза— со 156,8 млрд. руб. в 2007 до 247,1 млрд. в 2010 году.

Таким образом, в целом складывается ощущение, что **расходы бюджета в 2008—2010 годах** поддерживаются на относительно высоком уровне и даже **существенно увеличиваются ради стимулирования не столько модернизации, сколько коррупции.**

Естественные монополии — на службу Родине!

Условие выживания России — полный пересмотр реформирования РАО «ЕЭС России» и остальных естественных монополий. Прежде всего, нужны полная финансовая прозрачность естественных монополий, включая аффилированные структуры, контроль за структурой их издержек и обоснованностью тарифов. Цель государства — **минимизация тарифов при обеспечении надежности и необходимого для развития страны предложения услуг естественных монополий.** Их технологически обусловленное единство (на уровне вертикально-интегрированных компаний) надо сохранить или, в тех случаях, когда оно разрушено псевдорыночными реформами, последовательно восстановить.

Единый технологический комплекс электроэнергетики должен быть на деле возвращен государству, отключения света без решения суда—запрещены.

Прекращение произвола монополий

Комплексная антимонопольная политика должна эффективно обеспечивать:

• быстрое и неотвратимое наказание за злоупотребление монопольным положением (особо нетерпимая ситуация сложилась на рынке лекарств), включая длительный «профилактический» контроль за издержками и ценами корпораций, допустивших подобные злоупотребления;

• реструктуризацию естественных монополий и рост их тарифов (включая тарифы ЖКХ) только при условии обеспечения их финансовой прозрачности (включая связанные с ними структуры);

• восстановления статуса Министерства и нормализацию работы остающейся (под прикрытием отдельных «громких дел») крайне слабой, несмотря на все усилия ее руководства, антимонопольной службы.

В составе Министерства антимонопольной политики следует создать Федеральную инспекцию цен, которая будет вести мониторинг цен наиболее значимых товаров и услуг.

При их резком росте государство должно иметь право временно снижать их, расследовать причины роста и при необоснованном завышении цен снижать их уже окончательно, возбуждая при этом расследование о злоупотреблении монопольным положением. Этот механизм (действующий, например, в Германии) нужен потому, что антимонопольное расследование может идти годами, в течение которых монополии будут завышать цены, нанося ущерб потребителям (в том числе населению), подрывая честную конкуренцию и разрушая основы рыночных отношений.

ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ ДОКТРИНА РОССИИ

Для понимания ближайших перспектив человечества и России как его неотъемлемой части исключительно важно понимать, что переживаемое нами с весны 1999 года беспрецедентно длительное удорожание энергоносителей носит, с одной стороны, фундаментальный, а не конъюнктурный характер, а с другой — не будет продолжаться бесконечно.

Длительность «энергетических каникул» — до 10 лет

Помимо текущих конъюнктурных колебаний, высокая цена энергоносителей отражает их общую нехватку, с которой человечество может столкнуться в ближайшие 10-15 лет при сохранении современных темпов развития на современном технологическом базисе.

Угроза нехватки энергоносителей отнюдь не является абсолютной даже в настоящее время, на существующем технологическом уровне. Так, как минимум США и Канада могут в любой момент начать разработку битуминозных песков канадской провинции Альберта, более чем рентабельную уже при цене нефти 30 долл. за баррель, что при желании позволит достаточно приблизить мировую цену нефти к этому уровню.

Однако США и Канада не используют эту возможность в сколь-нибудь заметной степени, а мир в целом, несмотря на прилагаемые в последнее время усилия, не использует в должных объемах и иные возможности вроде альтернативных способов получения энергии, в первую очередь биологические виды топлива.

Причина проста: с одной стороны, дорогая нефть приносит сверхприбыли глобальным нефтегазовым корпорациям, в первую очередь американским, и влиятельным арабским странам, что заинтересовывает их в сдерживании развития и распространения альтернативных технологий, в том числе при помощи механизмов защиты интеллектуальной собственности, давно выродившихся в механизмы защиты злоупотреблений монопольным положениям.

С другой стороны, дорогая нефть сдерживает стратегических конкурентов США — Евросоюз, Японию и, главное, Китай (причем в этом сдерживании США опираются на интересы всех значимых экспортеров нефти мира, в том чис-

ле и враждебных им самим). В отличие от Евросоюза, Японии и Китая, США не только имеют собственные значительные месторождения нефти, находящиеся в состоянии своего рода стратегического резерва, но, главное, являются эмитентом мировой резервной валюты, обслуживающей в том числе мировой рынок энергоносителей.

В настоящее время дороговизна энергоносителей является едва ли не единственным инструментом сдерживания американским государством и американскими глобальными монополиями своего главного и единственного стратегического конкурента — Китая.

Развитие ближневосточного кризиса и его распространение на Средний Восток наряду с достижением других целей служит, как представляется, решению и этой задачи.

С весны 2006 года на повестке дня мировой политики стоит нанесение США однодневного ракетно-бомбового удара по Ирану, отбрасывающего его атомную программу (воспринимаемую как программу создания атомной бомбы) на 5-7 лет назад, временно разрушающего всю управленческую инфраструктуру страны и уничтожающего базы его военно-морского флота и ряд объектов в районе Ормузского пролива.

Помимо вполне очевидных внутри- и внешнеполитических дивидендов для руководств обеих стран, этот удар приведет к новому удорожанию нефти — ориентировочно до 100 долл. за баррель брент-смеси. Разумеется, блокада Ормузского пролива при наличии специально созданного для ее недопущения 6-го флота США может быть лишь кратковременной и потому чисто символической; разумеется, мировая финансовая система не разрушится, хотя и испытает определенные потрясения. Однако влияние этого удорожания на мир будет весьма болезненным.

Прежде всего, начнется болезненная стагнация Евросоюза и Японии, сопровождающаяся свертыванием социальных гарантий, сокращением производства и (в первую очередь в развитых странах Евросоюза) обострением этноконфессиональных конфликтов.

Развитие Китая затормозится, однако он не будет деста¬билизован из-за своевременного (еще в 2005 году) переноса акцентов государственной политики со стимулирования частной инициативы на поддержание социальной справедливости и на снижение дифференциации доходов, что позитивно скажется на устойчивости китайского общества.

Не стоит забывать и о дисциплинированности китайцев, и об их закрепленной последним десятилетием привычке к жесточайшему дефициту всех природных ресурсов, в том числе энергии и воды.

Кроме того, последние годы Китай успешно реализует глобальную стратегию по установлению контроля за самыми разными источниками энергоносителей, которая уже принесла свои плоды. В частности, в Африке китайские компании за счет отказа от эксплуатации территорий в пользу их комплексного развития потеснили монополии развитых стран в их собственных «вотчинах», включая Нигерию, а Ангола стала крупнейшим поставщиком нефти в Китай, опередив в 2006 году Саудовскую Аравию.

В силу изложенного удорожание нефти, хотя и создаст проблемы для китайской экономики, не приведет к ее краху. Главный результат будет относительно неожиданным — изменение принципов организации мировых рынков энергоносителей и форсированное завершение наметившегося в последние годы перехода от их либерального устройства к сегментации, при которой контролирующие предложение энергоносителей корпорации будут продавать их прежде всего «своим» потребителям, осуществляя поставки на открытый, либерализованный рынок «по остаточному принципу».

Традиционно такая сегментация является базовым подходом американских стратегических планировщиков, а в 2000-2002 годах она легла в основу и китайской глобальной политики. Новый виток удорожания энергоносителей может стать катализатором распространения этого подхода со сфер оценок и аналитики на практическое устройство

конкретных глобальных рынков. Определяющее влияние на конкретный характер сегментации энергетических рынков будет иметь стратегический выбор Казахстана — подлинного «хартленда» Евразийского континента, который ему придется делать между потребителями Запада и Китая, с одной стороны, и транспортировкой энергоносителей по территории России и в обход ее — с другой.

Удорожание нефти сделает более доступным сжиженный природный газ (СПГ) и подстегнет расширение его рынка. Способствуя «отвязыванию» рынка газа от капиталоемких магистральных газопроводов, распространение СПГ подтолкнет не только либерализацию существующих региональных рынков газа (в первую очередь европейского), но и постепенную интеграцию их в единый глобальный рынок газа, где долгосрочные поставки по газопроводам будут сначала дополняться, а затем и ограничиваться поставками СПГ.

Однако эта либерализация и формирование глобального рынка

парадоксальным образом не разрушит общую картину сегментации глобальных рынков энергоносителей, но лишь встроится в нее. Последствия снятия технологических ограничений для свободной продажи газа будут во многом нейтрализованы возникновением глобальных политических барьеров, и СПГ будет продаваться в первую очередь стратегически дружественным потребителям точно так же, как и нефть, и нефтепродукты.

Сегментация глобального рынка энергоносителей будет усилена тенденциями к национализации нефтегазового сектора неразвитых и развивающихся стран, в том числе переходом месторождений нефти и газа из-под контроля глобальных монополий Запада под контроль национальных государств. Понятно, что это нанесет сильнейший удар по глобальным монополиям развитых стран, — и не только потому, что они лишатся части своих сегодняшних ресурсов, но из-за утраты перспективы дальнейшего расширения

сфер своего влияния и практической деятельности. Поскольку фондовые рынки ориентируются не столько на текущее реальное состояние бизнеса, сколько на его перспективы, именно разрушение перспектив нанесет самый страшный в краткосрочном плане удар глобальным энергетическим монополиям.

Однако значительно более серьезные проблемы создаст для них технологический прогресс.

Ведь сегментация глобальных рынков энергоносителей, хотя и облегчит положение Китая, отнюдь не решит всех его проблем (и при этом, по всей видимости, еще и серьезно усугубит проблемы Евросоюза и Японии). В результате он форсирует поиск технологий, снижающих энергоемкость экономики, и качественно новых источников энергии.

В принципе уже существующих сегодня технологий достаточно для существенного и достаточно быстрого снижения зависимости мировой экономики от нефти и газа, однако, весьма вероятно, в этом направлении могут быть найдены и новые, еще более эффективные решения. Вопрос заключается в их форсированном распространении, сдерживаемом, насколько можно понять, глобальными монополиями и некоторыми государствами — экспортерами энергоносителей.

Однако удорожание энергоносителей усилит потребность в снижении энергозависимости до такой степени, что она гарантированно прорвет существующие ограничения и обеспечит стремительное развитие сверхпроизводительных технологий, разрушающих глобальный монополизм.

Главным практическим следствием этого будет драматическое удешевление энергии. Можно предполагать, что уже к 2020 году человечество подойдет в условиях «энергетического изобилия» и при качественно ином мировом порядке, чем сейчас.

Этот мировой порядок, равно как и коллизии его неизбежно хаотического формирования, представляет собой самостоятельный интерес (наиболее вероятно, что наибольший выигрыш получит Китай, который имеет максималь-

ные шансы стать источником и центром распространения новых технологий в силу максимальной организованности, качества государственного управления и наиболее спокойного отношения к праву интеллектуальной собственности), однако для России наиболее важным сегодня с практической точки зрения является осознание того, что басནословно благоприятные для ее развития внешние условия, связанные с дороговизной сырья, сохранятся не слишком продолжительное время.

С одной стороны, беспрецедентное по своей длительности (с середины 1999 года) удорожание энергоносителей сохранится на ближайшие годы. Оно уже в полной мере превратило российские нефть, газ и уголь из коммерческого в стратегический, геополитический ресурс.

С другой стороны, было бы верхом беспечности и безответственности полагать, что это удорожание носит долгосрочный характер; наиболее разумно исходить из того, что «энергетические каникулы» для России продлятся еще не более 10 лет.

Это требует коренного переосмысления принципов и механизмов их использования.

Представляется принципиально важным сознавать, что нападения США и их сателлитов на Югославию в 1999 году и на Ирак в 2003 году уничтожили международное право в том виде, в котором оно существовало ранее, и превратили его в простое прикрытие грубой и открыто реализуемой военной силы. Обеспечив необходимую обороноспособность (в том числе в информационной сфере, где обороноспособность заключается в возможности транслировать свою правоту в глобальных СМИ в должных объемах), Россия должна ответить на военную силу США своей энергетической силой.

Выработка и реализация принципиально новой Энергетической доктрины России, затрудняемая плачевным состоянием и продолжающейся деградацией российской государственности, облегчаются тем не менее самоочевидностью данной доктрины и решаемых ею задач.

Восстановление энергетического суверенитета

Это первый, наиболее насущный и наиболее принципиальный шаг, который должна сделать Россия.

Прежде всего, надо решительно и открыто отказаться от колониальных по сути соглашений с глобальными монополиями, подписанных в первой половине 90-х годов и либо прямо нарушающих российские законы (как Каспийский трубопроводный консорциум, создающий конкуренцию российской нефти), либо наносящих России неприемлемый ущерб. К последним относятся, например, соглашения о разделе продукции (СРП), по которым иностранные инвесторы получают практически всю прибыль от добычи российских нефти и газа, а Россия не только полностью компенсирует их завышенные издержки на добычу своих полезных ископаемых, но еще и оказывается им должна!

Формальные основания для отмены соответствующих соглашений может дать тщательное и беспристрастное расследование обстоятельств их заключения. В частности, вскрытие коррупционных мотивов их подписания российскими реформаторами (трудно представить себе иные причины, по которым они, даже при всей их легендарной безграмотности и даже в хаосе первой половины 90-х годов, могли пойти на столь невыгодные для страны соглашения) по нормам современного международного права является вполне достаточным основанием для признания соответствующих сделок ничтожными.

СРП должны быть законодательно запрещены как заведомо неприемлемый для России колониальный способ освоения ее природных ресурсов ее стратегическими конкурентами.

При освоении природных ресурсов следует целенаправленно **обеспечивать максимальное влияние российского капитала** — как частного, так и государственного. У России достаточно денег для самостоятельной реализации проектов

любого масштаба; иностранцы должны допускаться лишь как носители отсутствующих у нас технологий и, желательно, при условии передачи этих технологий и их широкого распространения в России и в среде российского бизнеса.

Следует стремиться к привлечению иностранных носителей передовых технологий прежде всего на уровне отдельных специалистов и их групп, при невозможности ограничиться этим — на уровне специализированных фирм, решающих те или иные отдельные технологические задачи (вплоть до разработки инвестиционных проектов). В крайнем случае, когда освоение того или иного российского месторождения энергоносителей действительно является исключительно сложным, иностранный капитал может привлекаться к соответствующему инвестиционному проекту в виде управляющих фирм, организующих его реализацию.

Однако контроль за любым проектом и собственность на добываемые ресурсы при любых обстоятельствах должны оставаться исключительно национальными.

Магистральные трубопроводы в силу своей стратегической значимости должны оставаться в исключительной собственности государства или компаний с государственным участием не ниже 75%+1 акция.

Доступ к трубопроводам должен быть равным и свободным для всех представителей российского государственного и частного капитала, однако иностранный капитал как стратегический конкурент России в принципе не должен иметь к ним доступа. Настойчивое стремление Евросоюза к лишению России ее естественного конкурентного преимущества, созданного трудом поколений советских людей, в том числе при помощи принуждения к ратификации Договора к Энергетической хартии (обеспечивающего свободный доступ к нашей трубопроводной системе всех желающих), напоминает стремление наиболее оголтелых революционеров столетней давности к обобществлению чужих женщин. Оно является столь же безосновательным и должно остаться столь же бесплодным.

Вторая по значимости стратегическая задача современной России — **обеспечение баланса между интересами бизнеса и общества.** Опыт развитых стран показывает, что решение этой задачи наиболее эффективно при помощи территориального разделения указанных интересов.

Сверхрентабельная добыча экспортного сырья (в первую очередь энергоносителей) в России должна быть направлена в первую очередь на удовлетворение общественных интересов. Соответственно, и осуществляться она должна либо государственными компаниями, либо российским частным капиталом под плотным контролем государства.

Объектом же реализации коммерческой инициативы и здоровой агрессивности частного бизнеса должны становиться не собственные граждане, которых государство должно защищать, в том числе и от избыточной энергии предпринимателей, но окружающие страны, в первую очередь постсоветское пространство, которое, по крайней мере, в наиболее стратегически важном, энергетическом плане должно полностью принадлежать российскому бизнесу.

Каждая тонна нефти и каждый кубометр газа, добытые на постсоветском пространстве (не говоря уже о самой России) любой компанией со значимым участием иностранного капитала (не говоря уже о полностью иностранных компаниях), — овеществленный позор России и оскорбление ее национальных интересов, подрыв ее экономического, а, в конечном счете, и политического суверенитета.

Объективной стратегической задачей России является полный контроль за всей системой магистральных газо- нефте- и продуктопроводов на всем постсоветском пространстве. В настоящее время ключевым приоритетом российской энергетической стратегии должно стать блокирование любой ценой и любыми способами реализации проекта газопровода из Казахстана в Турцию в обход России, равно как

и всех других проектов, грозящих нашей стране отсечением от нее жизненно необходимого газа Туркмении и Узбекистана. Необходимо разработать и осуществить масштабный комплекс разнообразных мероприятий, для того чтобы сама мысль о принципиальной возможности проектов такого рода стала абсолютным табу для всех без исключения представителей не только среднеазиатских, но и мировых элит.

Государство должно организовывать, направлять и **всемерно поддерживать внешнюю экспансию частного российского бизнеса.** Основным принципом данной экспансии должно стать предоставление относительно дешевых российских энергоресурсов в обмен на стратегически значимую собственность соответствующих стран. Наиболее естественным практическим механизмом осуществления экспансии представляются созданные на «энергетические деньги» пророссийские лобби, но ни в коем случае не бесплодный и шокирующий энергетический шантаж, не говоря уже о контрпродуктивных, а порой и разрушительных для России «газовых» и «нефтяных» войнах.

В силу высокого протекционизма развитых стран и плотности их политического пространства, «разрыхление» которого недоступно современной российской бюрократии в силу ее неэффективности, их освоение российским энергетическим бизнесом может носить лишь значительно более ограниченный характер. Как представляется, оно должно быть нацелено прежде всего на качественное повышение доходов за счет увеличения степени переработки экспортируемой продукции и приближения к потребителям.

В ближайшие годы наиболее актуальным остается **прорыв «Газпрома» в распределительные сети стран Евросоюза.** Неудача, которую потерпела Россия в этом направлении в 2006 году, должна не разочаровывать, но лишь мобилизовывать энергию нашего государства на этом направлении.

В качестве постоянного инструмента взаимодействия с Евросоюзом в энергетической сфере следует использовать возможность частичной переориентации экспорта на

Восток. «Первой ласточкой», обозначающей эту стратегию, стала готовность переориентировать 28 млн. т нефти в год, поставляемые из Западной Сибири в Западную Европу, на первичное заполнение Тихоокеанского нефтепровода— с замещающим увеличением поставок по Каспийскому трубопроводному консорциуму. Однако в дальнейшем замещающие мероприятия должны предусматриваться представителями не поставщиков, а исключительно потребителей энергоносителей, как наиболее заинтересованной в таких мероприятиях стороной.

Стратегическим ресурсом России в глобальной конкуренции с развитыми странами — импортерами энергоносителей является укрепление отношений, вплоть до заключения союза, окончательно зафиксировавшего бы сегментацию мирового рынка энергоносителей, с Ираном, Казахстаном и Китаем. При этом предметом торга с Западом должен быть не сам факт движения в этом направлении, но лишь его скорость и степень учета интересов западных потребителей. В частности, если они будут отказываться от долгосрочных договоренностей (в особенности это касается потребления российского газа Евросоюзом), Россия должна быть готова к постепенной переориентации поставок в пользу не только наиболее сговорчивых членов Евросоюза, но и Китая.

Первоочередными целями в продвижении «Газпрома» в европейские распределительные сети, помимо Великобритании и Германии, должны стать Нидерланды (как ключ к Франции, прямой выход в распределительные сети которой пока невозможен из-за протекционизма), Италия и Греция.

Структурные преобразования в энергетическом секторе России

Фундаментальной задачей в данной сфере является **повышение степени переработки экспортируемой продукции.** В 2005 году российский бизнес самостоятельно начал

стихийное замещение экспорта сырой нефти по железной дороге более эффективным экспортом нефтепродуктов: падение экспорта нефти на 5% сопровождалось ростом экспорта нефтепродуктов на 16%. Эту тенденцию, сохранившуюся и в 2006 году, представляется необходимым закрепить государственной политикой. России необходимо форсированное строительство комплекса нефтеперерабатывающих заводов для полного прекращения экспорта сырой нефти по железной дороге и танкерами с замещением его экспортом нефтепродуктов.

Следует всемерно развивать нефте-, газо- и углехимию для максимально полного замещения экспорта сырья качественно более выгодным экспортом продукции его переработки.

Разумеется, интенсификация развития топливно-энергетического комплекса ни в коей мере не отменяет необходимости освоения новых месторождений, в первую очередь Ямала, и восстановления масштабов геологоразведки, достаточных для устойчивого развития топливно-энергетического комплекса в стратегической перспективе.

Жизненно необходимое России масштабное **энергосбережение** в необходимых для экономики масштабах не может идти само собой, без системных усилий государства. Так, качественное снижение потерь в жилищно-коммунальном хозяйстве требует его технологической модернизации, обеспечения финансово-экономической прозрачности и жесткого ограничения злоупотреблений монопольным положением.

Развитие электроэнергетики должно быть подчинено принципам **технологической эффективности,** а не извлечению прибыли из отдельных фрагментов единой энергосистемы за счет ее общей деградации. Первоочередные задачи — обеспечение приоритетного использования наиболее дешевой энергии ГЭС (сейчас, наоборот, стимулируется потребление в первую очередь наиболее дорогой энергии ТЭС, что ведет к необоснованному росту внутреннего по-

требления газа, который является потенциальным экспортным ресурсом) и воссоединение потребителей с «запертыми» мощностями сибирских ГЭС при помощи восстановления «энергомостов».

С учетом оздоровления энергетического баланса страны в результате указанных мер нужен **системный анализ экспортных обязательств,** взятых на себя не только Россией как государством, но и всеми ее компаниями, в том числе и частными. При необходимости эти обязательства должны быть приведены в соответствии с возможностями российского ТЭК. Без этого возможна ситуация, при которой экспортные обязательства России будут выполняться за счет сокращения поставок на внутренний рынок с торможением, а то и дестабилизацией национальной экономики. Признак возможности такого развития событий появился еще летом 2006 года, когда в некоторых регионах России началось ограничение поставок газа на электростанции, связанное с его физической нехваткой.

Внутренние цены на энергоносители должны быть привязаны к уровню жизни большинства **россиян,** а не жителей наиболее развитых стран мира (который отражают мировые цены). Их повышение возможно только по мере роста уровня жизни, причем не наиболее обеспеченных 12-15% населения, как это происходит в последние годы, а всех россиян, и в первую очередь их беднейшей части.

Обязательства по стремительному повышению внутренних цен на газ, принятые в ходе переговоров с Евросоюзом о присоединении к ВТО под давлением российского газового лобби (и формально закрепленные в Энергетической стратегии на период до 2020 года и в решениях правительства), должны быть немедленно отменены как подрывающие национальную конкурентоспособность. Формальными основаниями могут стать обструкционистская позиция США на переговорах о присоединении России к ВТО, фактический отзыв Евросоюзом своего согласия на присоединение Рос-

сии к ВТО и одностороннее выдвижением им новых, ранее не обсуждавшихся в связи с присоединением к ВТО требований бесплатного пролета самолетов над Сибирью и ратификации Договора к Энергетической хартии.

Принципиально важным является то, что, даже если указанные вопросы и будут урегулированы, интересы поддержания конкурентоспособности российской экономики должны признаваться более важными, чем интересы стратегических конкурентов России.

Переход к экспорту энергоносителей, а затем и остального сырья **исключительно за рубли** является стратегической целью, достижение которой не просто кардинально повысит значимость нашей страны в мировой экономике, но и трансформирует всю мировую финансово-экономическую систему в национальных интересах России и создаст предпосылки для превращения российского рубля в мировую резервную валюту.

Доходы от экспорта сырья должны направляться на комплексную модернизацию страны: возрождение ее управленческого, человеческого и производственного капитала на качественно новой, передовой технологической основе.

Комплексная модернизация необходима не только потому, что без нее увеличение доходов от экспорта сырья попросту не имеет смысла, но и для **обеспечения** надежных гарантий **обороноспособности** страны **и безопасности ее руководства. Эти гарантии** представляются совершенно **необходимым условием реализации** описанной Энергетической доктрины, так как вызываемое ею достаточно резкое изменение баланса глобальных финансовых потоков в пользу России по вполне объективным причинам создаст для развитых стран сильнейший соблазн насильственного возвращения к современной ситуации колониальной по сути эксплуатации богатств нашей страны.

Справочно

ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ: ПРОБЛЕМЫ МНИМЫЕ И РЕАЛЬНЫЕ

Выступление на конференции «Стратегические рамки восточной политики Евросоюза» (Братислава, 9—12 ноября 2006 года)

Понятие энергетической безопасности, как широко известно, состоит из трех основных неразрывно связанных друг с другом и попросту не существующих поодиночке элементов. Это, во-первых, обеспечение бесперебойной и достаточной поставки энергоносителей, во-вторых— при условии гарантированного стабильного объема закупок, в-третьих — по ценам, определяемым прозрачными рыночными механизмами или равноправными переговорами.

К сожалению, в современной Европе обычно под энергетической безопасностью понимают только первый элемент, а саму ее трактуют как «безопасность потребителя». «Безопасность производителя», которую обеспечивает второй элемент, представители Евросоюза просто отказываются рассматривать.

В частности, на саммите в Лахти Россия столкнулась с единым фронтом стран Евросоюза, потребовавшим от нее ратификации Договора к Энергетической хартии.

Именно это требования является сегодня и будет оставаться завтра ключевым аспектом темы энергетической безопасности.

От нас требуют свободного доступа к нашим трубопроводным системам без предоставления каких бы то ни было гарантий по транзиту и объемам закупок именно у нас.

С практической точки зрения, подобные ситуации заканчиваются приоритетными закупками энергоносителей у трейдеров, конкурирующих с российскими. При этом приоритет определяется не коммерческими, но политическими причинами. Классический пример — ситуация с проливами Босфор и Дар-

данеллы: озабоченная экологическими рисками Турция ограничивает проход по ним танкеров с российской нефтью, но не конкурирующей с нами нефтью Каспийского трубопроводного консорциума, который вдвое увеличил свои мощности.

Если Россия ратифицирует Договор к Энергетической хартии, Евросоюз начнет в приоритетном порядке закупать энергоносители у своих собственных трейдеров, объявив российских трейдеров «непрозрачными» или «сотрудничающими с диктаторским режимом Путина» или же найдя какой-нибудь еще предлог.

Однако дело имеет и *теоретический аспект.*

Договор к Энергетической хартии составлен так, что обеспечивает интересы только потребителей, но не производителей. Не давая гарантий по транзиту, он тем самым весьма существенно ущемляет интересы России, что показал украинский кризис.

С учетом изложенного выходом мог быть обмен доступа к российским магистральным трубопроводам на гарантию наших транзитных интересов или на доступ к распределительным сетям Евросоюза (чтобы компенсировать риски прибылью). Однако и в том и в другом, за исключением отдельных не делающих погоды эпизодов, нам было с возмущением отказано.

Этот возмущенный отказ поставил Россию и Запад на грань новой «холодной войны», а победа демократов на довыборах в США, полагаю, обеспечит пересечение этой грани.

Все это уже сейчас отталкивает Россию не только от Запада как такового, но и от Евросоюза, способствуя нашей переориентации на растущий центр мировой экономики -- Китай и связанные с ним страны Юго-Восточной Азии.

Мы привязаны к Европе географией, традицией, инфраструктурой и культурой, однако позиция Европы вынуждает нас, поддерживая взаимодействие в рамках существующей инфраструктуры, наращивать инфраструктуру сотрудничества не с ней, а с ее стратегическими конкурентами, балансируя Запад Китаем и исламским миром.

Это не очень приятно, но это не выбор России — это выбор Запада, который не оставляет нам иной траектории развития.

В целом основной проблемой в понятии «энергетическая безопасность» является ее исключительно односторонняя трактовка. «Энергетическая безопасность» понимается именно как «энергетическая безопасность Евросоюза», при этом все попытки разъяснить, что существует и «энергетическая безопасность России», воспринимаются едва ли не как враждебные действия.

Тема «энергетической безопасности» стала актуальной в Евросоюзе после украинского кризиса, когда Россия очень короткое время не смогла обеспечивать надежные поставки газа в условиях несанкционированного его забора Украиной, и экстремально холодной зимы на своей территории.

Действительно, Россия продает Евросоюзу газ на западной границе Украины, поэтому проблемы ее поведения—это наши проблемы.

Однако нельзя не отметить, что в период возникновения газового кризиса украинские власти в политическом отношении находились под доминирующим контролем европейцев, которые просто не захотели помочь себе сами.

Более того: проблемы с газоснабжением европейцы практически создали сами себе, сначала практически отказавшись от идеи газового консорциума, а затем всячески поддерживая и раздувая антироссийскую позицию части украинского руководства. Обвинять Россию в последствиях своей собственной политики возможно, является нормой для Евросоюза, однако эта норма деструктивна и не ведет ни к чему, кроме дискредитации в России как Евросоюза, так и европейских ценностей.

Существенной проблемой является то, что Украина не может покупать газ по европейским ценам. Однако это является ее внутренней проблемой. Если бы Украина была не независимым государством, а сателлитом России, мы имели бы основания давать ей скидку в качестве платы за подчинение. Однако Евросоюз настаивает на независимости Украины и других стран постсоветского пространства от России, и мы полностью

разделяем эту позицию. Но вот только когда мы признаем суверенитет Украины не на словах, а на деле, в том числе и в области цен на энергоносители, Евросоюз вдруг перестает нас понимать и не поддерживает наши попытки получения адекватной цены за наши энергоносители (в том числе и собственностью, раз уж у Украины нет денег). Именно подобные эпизоды привели к тому, что словосочетание «европейское лицемерие» стало в России столь же устойчивым, как, например, «японское трудолюбие» или «американская эффективность».

Сознавая все это, Россия предприняла попытку защитить Евросоюз от зигзагов внутриукраинской политики, и договорилась с правительством Венгрии о строительстве в этой стране значительных подземных хранилищ газа. По завершении этого строительства Евросоюз перестанет быть заложником своих украинских партнеров: даже если Россия будет вынуждена в связи с воровством ограничить поставки в Евросоюз через Украину, Евросоюз будет получать российский газ из этих хранилищ.

Однако буквально в день достижения договоренностей об этом в Венгрии были организованы массовые антиправительственные выступления, стихшие только недавно. Поводом для них стала запись грубых высказываний премьера, загадочным образом попавшая на государственное радио. Отставка премьера с высокой степенью вероятности сделала бы невозможным строительство подземных газохранилищ в Венгрии.

Изложенное показывает иррациональность позиции Евросоюза по вопросам энергетической безопасности.

Однако это отнюдь не означает, что путинская Россия является идеальной страной. Я отношусь к Путину негативно и считаю его несчастьем для России, но его недостатки не имеют отношения к энергетической безопасности Евросоюза — за исключением единственного пункта, на котором остановлюсь позже.

Основная претензия к Путину в отношениях с Евросоюзом заключается в том, что, будучи близок к нему по своему опыту и стремлению к комфорту, Путин склонен к чрезмерным уступкам и к недостаточному отстаиванию интересов России перед Евросоюзом. Отчасти это вызвано также наличием не только рос-

сийских, но и частных интересов, причем Евросоюз с удовольствием пользуется возможностью обменивать удовлетворение отдельных частных интересов «друзей Путина» на его отказ от значительно более масштабных общероссийских интересов.

Классическим примером служит разрешение на реэкспорт российского газа, которое в 2003 году было выдано Путиным Германии, Франции и Италии в обмен на их отказ от критики России по поводу дела «ЮКОСа». Это была чрезмерная плата, несоизмеримая с реальной «ценой вопроса».

Весьма знаменательно также и отсутствие российской реакции на чудовищное заявление Еврокомиссии, которая пытается требовать ратификации Договора к Энергетической хартии, шантажируя Россию отзывом согласия Евросоюза на присоединение России к ВТО.

Таким образом, основанные на реальности, а не на попытках ущемить Россию, претензии к Путину не имеют отношения к вопросам энергетической безопасности Евросоюза.

Есть лишь одно исключение, и весьма показательно, что именно оно никогда и ни при каких обстоятельствах не высказывается европейскими представителями.

Дело в том, что «Газпром» перенапрягся из-за искусственного превращения в непрозрачную многоотраслевую корпорацию — в становой хребет нового, не государственного, но бюрократического капитализма. Обслуживание власти, в том числе ее усилий по вытеснению из экономики частного бизнеса, отвлекает все его административные и финансовые возможности. В результате новые месторождения газа не осваиваются.

Разбуривание новых месторождений на Ямале началось, но идет, как представляется, недостаточно интенсивно.

Решение о сохранении национального контроля за Штокмановским месторождением обидело развитые страны. Возможно, предполагалось разменять Штокман на ВТО, но обмен не получился, и решение оказалось принципиальным. Это значит, что в ближайшие годы ни одна сервисная компания мира не возьмется осваивать Штокмановское месторождение — и, соответственно, оно останется резервом.

Мы не против, но старые месторождения постепенно вырабатываются, и добыча на них снижается.

В результате в ближайшие годы может начаться снижение объемов добычи газа в России.

В условиях нехватки газа, которая возникла на отдельных сегментах внутреннего рынка России уже летом 2006 года, эта ситуация создает неуверенность в способности России выполнять свои экспортные обязательства.

Какое-то время газ будет поставляться на экспорт в ущерб собственной экономике, так как правящая элита России ориентирована на достижение личных коммерческих интересов, а не на развитие своей страны. Поэтому до 2011 года вы находитесь в полной безопасности.

Однако после 2011 года может быть введен газопровод из Казахстана по маршруту Баку-Тбилиси-Джейхан. Этот газопровод отсечет от России необходимый ей газ Туркмении и Узбекистана. Да, суммарное поступление газа в Евросоюз не изменится, но изменение маршрута поступления может привести к структурным диспропорциям.

В частности, новые члены Евросоюза с его северо-востока, считающие критику России главным критерием демократии и ключевой европейской ценностью, столкнутся с реальными, а не надуманными проблемами, потому что часть газа, которая сегодня идет через них или рядом с ними, будет идти через Турцию.

Переброска же части газа Средней Азии в Китай и вовсе лишит этого газа Евросоюз.

Для России же это будет означать «газовый голод» и принудительную, шоковую перестройку не только национальной экономики, но и всей структуры международных отношений.

Думаю, именно перспектива этой перестройки является сегодня главным вопросом не ближайших нескольких лет, но стратегической перспективы.

В ходе последовавшей дискуссии М.Г Делягин заявил также:

Недопонимание в отношениях Евросоюза и России вызвано изменением положения последней. На протяжении полутора

десятилетий наша страна не существовала в глобальной политике и была лишь географическим, но не политическим понятием. За это время Запад в целом и Евросоюз в частности привык, что у России нет никаких интересов.

Поэтому, когда Россия начала осознавать, а затем и заявлять свои интересы, для Евросоюза это оказалось даже не неожиданностью, а шоком. Ну представьте, что какие-нибудь муравьи вдруг потребовали бы права голоса, равнозначного вашему! Евросоюз испытывает сейчас аналогичный шок от того, что Россия начинает вспоминать о своих интересах.

Нам ставят в вину, что мы используем энергетику как инструмент влияния. Знаете, каждый использует то, что имеет. У нас нет 300 и даже больше сортов сыра, которые есть у Франции, у нас нет языка всемирного общения, которым обладает Великобритания, у нас нет даже армии. Возможно, кто-то хотел бы, чтобы мы использовали для влияния на Европу бомбардировки, как это делали США всего 7 лет назад, — вы, возможно, уже забыли это, но мы-то помним. Однако мы не будем бомбить Европу не только потому, что не можем, но и потому, что не хотим.

У нас есть нефть и газ, и мы используем именно их.

Россию обвиняют в том, что она предпочитает вести переговоры с отдельными странами, а не с Евросоюзом в целом. Это правда, но это вызвано тем, что с отдельными странами можно договариваться и достигать соглашения, а с Евросоюзом в целом это почти невозможно.

Причина в сложности согласования позиций стран, образующих Евросоюз. Это согласование настолько сложно, что согласованную в конце концов позицию уже просто невозможно изменить. В результате диалог по-европейски — это диктат. Вести диалог с Евросоюзом — то же самое, что говорить со стенкой или с магнитофонной записью, которая прокручивается практически без изменений в ответ на любые ваши аргументы.

В 2001 году, после 11 сентября Путин в бундестаге предложил Евросоюзу стратегический обмен: энергию в обмен на технологии. Евросоюз не ответил России до сих пор — и это

еще раз подтверждает ограниченность возможностей сотрудничества с Евросоюзом.

При этом важной проблемой Евросоюза является некомпетентность, возведенная в принцип.

Не будем ходить далеко в поисках этой некомпетентности: только здесь и сегодня мы уже услышали массу интересного.

Оказывается, Шувалов диктовал Евросоюзу свои правила игры! Напомню, что, когда осуществлялась либерализация европейского рынка газа, нам начали говорить: знаете, у нас в Европе теперь новые законы, так что мы подписанные с вами долгосрочные соглашения выполнять не будем. Мы говорим: как же так, вы же подписывали договора, они же еще не истекли, — а нам на это отвечали: «Ну и что, что не истекли, зато у нас теперь будут новые законы!» Естественно, мы требовали от Евросоюза выполнение его собственных обязательств, — и теперь выясняется, что это диктат!

А до этого, когда решения о либерализации рынка газа только-только было принято, мы постоянно спрашивали, что это будет и что это значит для нас, так как нам надо было корректировать стратегию, — но нам ничего не отвечали! Мы не могли получить никакой информации в принципе!

Я с большим интересом узнал, что оказывается, вина России в том, что в ней нет никакой реформы энергетического сектора! Я не знаю, что можно ответить на эту претензию, кроме пожелания читать газеты. В России полным ходом идет реформа электроэнергетики, разработанная по английскому образцу и приведшая уже к утрате управляемости отраслью. Эта реформа стала самостоятельным риском для энергетической безопасности — но отрицать ее факт просто нелепо. Демонополизация же «Газпрома» обсуждалась, но не более того.

Здесь сетовали на то, что европейские компании не имеют доступа на российский рынок, не могут осуществлять инвестиции в Россию. Докладываю, что иностранные инвестиции в Россию уже несколько лет растут на 30-50% в год, и, если 6 лет назад это было в основном возвращающиеся российские деньги, то сейчас это на три четверти иностранные капиталы,

не менее половина которых — европейские. В России долгое время наблюдался отток частного капитала; в последние пол-года, во втором и третьем кварталах 2006 года, чистый приток частного капитала превысил 24 млрд.долл. — и колоссальная часть этих денег европейские!

Да у нас есть проблема вытеснения российского частного бизнеса иностранным из-за того, что иностранный бизнесмен, которого защищает его государство, платит значительно меньше взяток, чем российский. Поэтому один и тот же завод при одинаковом управлении может быть убыточным у российского хозяина и сверхприбыльным у иностранного.

И вы жалуетесь на то, что европейский капитал не пускают в Россию!

Здесь польским экспертом было сказано прямым текстом: Северо-Европейский газопровод пошел в обход Польши из-за позиции Польши! И тут же тем же выступающим был сделан логический вывод: значит, во всем виновата Россия.

Коллеги, и после таких умозаключений и после такого уровня компетентности и вменяемости вы хотите, чтобы с вами сотрудничали, как с нормальными людьми?

Россию только что обвинили в том, что она-де не повышает внутренние цены на газ. Коллеги, она повышает внутренние цены на газ на 15-20% в год уже на протяжении нескольких лет, подрывая тем самым свою экономику. Она повышает их потому, что Евросоюз поставил такое повышение категорическим условием присоединения к ВТО. В ВТО нас не взяли, но мы в одностороннем порядке продолжаем повышать внутренние цены на газ — и те самые европейцы, которые этого добились, теперь обвиняют нас в том, что мы этого не делаем!

Я благодарен господину Хирману, который обратил внимание на то, что до повышения мировых цен на нефть «Газпром» экономил на Украине существенные средства, так как тариф на прокачку отставал от европейских цен сильнее цены газа, а после удорожания нефти «Газпром» начал нести убытки. Это имеет место и повлияло на позицию России по отношению к Украине, хотя главным был все же политический фактор.

Вспомните 1 млрд. долл., подаренный ради победы Януковича в виде изменения налогового режима, вспомните, в конце концов, выступление Путина по украинскому телевидению, которое стало толчком к Майдану. Но мы работали там не одни — помнится, господин Квасьневский весьма энергично действовал на Украине, причем от имени Евросоюза. Давайте рассматривать обе стороны медали.

И, если вам не нравится, что бедные белорусы, украинцы и грузины будут слишком много платить за российский газ, — кто мешает вам заплатить за них? Мы не возражаем. Американские налогоплательщики содержат правительство Саакашви¬ли, платят ему зарплату— почему бы европейскими налогоплательщикам строго симметрично не оплачивать энергию, которую потребляет Грузия? Вы можете начать делать это уже с сегодняшнего вечера — и решить проблему. Россия только «за». Прецедент был: в 90-е годы США дотировали Чехию, чтобы она не покупала российский газ, а пользовалась бы более дорогим норвежским.

Раздавшиеся здесь призывы критиковать Россию за недостаток демократии — классический пример «двойных стандартов»: выборы в Ираке признаны демократическими, выборы в Афганистане признаны демократическими, выборы в Грузии признаны демократическими, а выборы в России, видите ли, не демократические!

Я не сторонник демократии по-путински, но при всех недостатках построенным им «авторитаризм» значительно лучше той демократии, которую Запад построил в Ираке и Афганистане.

Тут говорили про «Шелл». Коллеги, а вы знаете, что по итогам конфликта вокруг «Сахалина-2» представители «Шелл» остались довольны — перевели дух и говорили между собой, что они очень дешево отделались?

А знаете почему?

Потому что «Шелл» подписала в 1994 году колониальный, кабальный договор с Россией. Достаточно указать, что после выкачивания всего газа «Сахалина-2» Россия получила бы его на жалкие на общем фоне 2,8 млрд.долл. по мировым ценам,

причем из этих денег еще надо было бы строить газопровод для его транспортировки.

Другое дело, что использование экологического предлога нелепо. Надо было провести прямое и честное расследование обстоятельств подписания договора об СРП в 1994 году. Как человек, работавший тогда в государстве, могу сказать, что с высокой степенью вероятности этот договор был подписан на коррупционной основе. Трудно представить себе иные причины, по которым бы российские чиновники подписали бы столь невыгодный договор.

А по всем международным соглашениям договор, подписанный на коррупционной основе, является ничтожным, и мы получили бы все права его не выполнять.

Наше же правительство, к моему глубочайшему сожалению, просто испугалось — и в результате этого не только выставило себя в смешном свете, но и превратило себя в объект критики.

Часть 3

МИР ДЛЯ РОССИИ: КАКОЙ И ДЛЯ ЧЕГО ОН НАМ НУЖЕН

МЕСТО РОССИИ В КРИЗИСАХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Слово «глобализация» имеет значение

Глобализация — процесс стремительного формирования единого общемирового финансово-информационного пространства на базе новых, преимущественно компьютерных технологий. В этом ее принципиальное отличие от интеграции, высшей стадией которой она является: интеграция шла и в ледниковый период, и в эпоху Великих географических открытий, и в начале XX века, когда интенсивность товарообмена между странами (но не обмена услугами, о чем обычно забывают) была сопоставима с нынешней.

Наибольшее впечатление производят глобальное телевидение, «финансовое цунами» спекулятивных капиталов, сметающее и воздвигающее национальные экономики, виртуальная реальность, интерактивность. Но внешние атрибуты не должны заслонять главного — влияния новых, информационных технологий на общественные отношения и, шире, на человечество. Именно этим влиянием паровая машина отличается от швейной, а компьютер от мобильного телефона.

Мир объединен качественно новыми компьютерными технологиями, которые породили новые информационные технологии, а те, в свою очередь, качественно изменили природу бизнеса.

Главное в глобализации — изменение предмета труда. Информационные технологии сделали наиболее прибыльным и потому массовым бизнесом преобразование живого человеческого сознания — как индивидуального, так и коллективного.

Строго говоря, само по себе это не новость. На некоммерческой основе технологии формирования сознания применяются в виде пропаганды большинством государств мира, в том числе и отнюдь не тоталитарными, и подавляющим большинством религий почти на всем протяжении их существования. Однако информационные технологии впервые удешевили и упростили технологии формирования сознания до такой степени, что они стали практически общедоступны и начали окупаться в кратко-, а не долгосрочном плане.

В результате изменением нашего сознания занимается не национальное и даже не порожденное конспирологически воспаленным воображением зловещее «мировое» правительство, а каждый фабрикант собачьих консервов. Тот, кто не делает это или делает это недостаточно эффективно, давно — самое позднее десять лет назад — вытеснен из бизнеса, в котором нечего делать без PR-технологий: в отличие от традиционного маркетинга, они приспосабливают не товар к предпочтениям людей, а, напротив, людей — к уже имеющемуся товару. В результате человечество все больше напоминает хирурга, делающего самому себе операцию на открытом мозге.

Превращение формирования сознания в наиболее выгодный бизнес — отнюдь не частный вопрос коммерции. Оно изменяет сам характер человеческого развития: если раньше человечество изменяло окружающий мир, то теперь — вероятно, из-за того, что антропогенная нагрузка на биосферу приблизилась к некоему критическому уровню, — оно перешло к изменению самого себя.

Технологии этого изменения, по аналогии с традиционными высокими технологиями, направленными на из-

менение окружающей среды — high-tech, получили название high-hume. Первоначально они использовались только для обозначения технологий формирования сознания, однако перспективы генной инженерии и некоторых других направлений современной науки позволяют включать в эту категорию все технологии непосредственного изменения человека.

Превращение в наиболее эффективный и потому повсеместно распространенный бизнес формирования сознания — это подлинная революция. Она кардинально повышает эффективность производства, качественно меняет международные взаимоотношения и мировую конкуренцию. Однако целиком ее последствия еще не осознаны, и нет уверенности, что они могут быть осознаны вообще, так как главным объектом преобразовательной деятельности человечества становится сам инструмент этого осознания — как коллективного, так и индивидуального. Естественно, даже начало столь грандиозного качественного перехода не могло обойтись без комплекса разноуровневых, но взаимоувязанных кризисов, наиболее значимыми из которых представляются сегодня кризисы управляющих систем, неразвитого мира, глобальных монополий и межцивилизационной конкуренции.

Кризис управляющих систем

Современные системы управления сложились «в прошлой реальности», до повсеместного распространения технологий формирования сознания и не приспособлены к ним. В результате неизбежное в условиях глобализации использование этих технологий ввергает управляющие системы в подлинный кризис, внешним проявлением которого является увеличение числа и тяжести совершаемых ошибок, угроза утраты ими адекватности в масштабах всего развитого мира, что приведет к непредсказуемым, но печальным последствиям для человечества.

Первым фактором кризиса традиционных управляющих систем в условиях глобализации является **самопрограммирование;** убеждая кого-то в чем-то (а управление при помощи формирования сознания — прежде всего управление при помощи убеждения), вы неминуемо убеждаете в этом и себя — и неминуемо теряете объективность. Вопреки узбекской пословице, если вы сто раз искренне произнесете слово «халва», во рту у вас станет сладко.

С самопрограммированием связан второй фактор управленческого кризиса — **стремление подменить преобразование реальности** более простым **преобразованием ее восприятия.** В ограниченных масштабах и в краткосрочном плане такой подход весьма эффективен, что и обуславливает его широкое и быстрое распространение. Но, когда это «профессиональное заболевание пиарщиков» начинает доминировать, оно также ведет к разрушительной неадекватности управляющих систем. Классический пример, по некоторым оценкам, дает нам деятельность администрации президентов России с 1995 года и по наше время.

Третий фактор кризиса традиционных управляющих систем — **эскалация безответственности,** вызванная прежде всего спецификой современной управленческой деятельности: работая прежде всего с телевизионной «картинкой» и массовыми представлениями, а не реальностью, участник управляющей системы, как и она в целом, почти неминуемо теряет понимание того, что его работа влияет и на реальную жизнь реальных людей. Он просто забывает о них, что в сочетании с качественно большей эффективностью превращает его в прямую угрозу для общества.

«Спортсмены как дети, убьют — не заметят».

Однако безответственность не просто охватывает управляющие системы, но и все более широко распространяется в обществе.

Это вызвано тем, что максимальная эффективность технологий формирования сознания качественно повышает влиятельность тех, кто владеет ими, и тех, кто их приме-

няет, делает их могущественными. При этом никакой «платы за могущество» не существует в принципе; человек, создавая и внедряя новые представления, формируя сознания других людей, чувствует себя творцом, близким к богу. Эйфория творчества вкупе с безответственностью обеспечивает ему невиданное удовлетворение от повседневной жизни. «Человек, формирующий чужое сознание, испытывает значительно больше положительных эмоций в единицу времени, чем любые другие люди (за исключением влюбленных)».

Естественно, почти абсолютная безответственность, колоссальное могущество и фантастическая радость от каждой минуты работы становится объектом подражания для остального общества, — членам которого, не имеющим доступа к технологиям формирования сознания, доступно лишь подражание безответственности представителей «информационной элиты».

Понятно, что это подрывает дееспособность всего общества: снижение ответственности при эрозии адекватности — поистине гремучая смесь!

Но это еще не все. Четвертым фактором кризиса традиционных управляющих систем в условиях глобализации является **вырождение демократии.** Причина не только и не столько в ослаблении и «размывании» государства, являющегося несущей конструкцией, опорой современных демократий. Главная проблема заключается в том, что для формирования сознания общества достаточно воздействовать на его элиту — относительно небольшую его часть, участвующую в принятии важных решений или являющуюся примером для подражания.

Длительные концентрированные усилия по формированию сознания изменяют сознание элиты, и оно начинает кардинально отличаться от сознания остального общества. В результате элита отрывается от общества и теряет эффективность. При этом исчезает сам смысл демократии, так как идеи и представления, рожденные в низах общества, уже не диффундируют наверх по капиллярным системам общества,

а перестают воспринимаются элитой, и потенциал демократии съеживается до незначительных размеров самой элиты, жестко обособленной от общества.

Как быстро и с какими разрушительными последствиями происходит этот процесс, наглядно и весьма убедительно показывает пример России, в которой демократы уже к 1998 году, то есть за 7 лет своего господства оторвались от народа значительно сильнее, чем коммунисты — за 70 лет своего.

Ситуацию усугубляет то, что элита информатизированного общества, то есть общества, в котором технологии формирования сознания применяются широко, значительно уже элиты обычного. Это вызвано преимущественно технологическими причинами, в первую очередь одновременной небывалой мобильностью и концентрацией ресурсов. Классический пример представляет собой современный фондовый рынок. Изменение сознания буквально сотни его ключевых игроков способно изменить всю финансовую ситуацию в мире.

Таким образом, традиционные общественные управляющие системы в условиях глобализации в силу вполне объективных и не устранимых в обозримом будущем причин драматически снижают свою эффективность и все хуже справляются даже с рутинными, повседневными функциями, не говоря уже о необходимом решении все более острых качественно новых глобальных проблем.

Второй кризис Гутенберга

Общей причиной нарастающих в самых различных сферах общественной жизни трудностей (в том числе рассмотренных выше кризисов) является несоответствие инерционных общественных структур, в том числе систем управления, резкому росту количества информации, обусловленному распространением качественно новых технологий.

Однажды человечество — по крайней мере, западная цивилизация — уже попадало в такую ситуацию.

Как это ни парадоксально звучит в наш информационный век, изобретение книгопечатания привело к подлинному «информационному взрыву» — резкому увеличению количества информации, повышению ее доступности и качественному росту числа людей, способных задумываться и в итоге задумывающихся на абстрактные темы.

Управляющие системы того времени, сформировавшиеся в «прошлой реальности», оказались не приспособленными к вызванной книгопечатанием «информационной революции» и не смогли справиться с порожденными ею проблемами. Результатом стала Реформация и серия чудовищных по своим последствиям религиозных войн. То, что из горнила последних и вышла современная западная цивилизация, представляется крайне слабым утешением на фоне их разрушительности, на порядок превосходившей для тогдашнего человечества разрушительность даже Второй мировой войны. Достаточно вспомнить, что в ходе Тридцатилетней войны население Германии сократилось вчетверо — с 16 до 4 млн. чел.

Сегодня, как и полтысячи лет назад, «информационный взрыв» превышает возможности управляющих систем, сложившихся в человечестве, и создает для него серьезные системные опасности.

Конечно, это ни в коем случае не означает, что человечество обречено вновь пройти через ужас, подобный религиозным войнам Средневековья. Более того: второй «кризис Гутенберга» в принципе не может быть копией первого просто потому, что история не повторяется или повторяется всякий раз по-новому.

Однако мы должны понимать, что многие из болезненных проблем сегодняшнего человечества являются проявлениями общего явления: неприспособленности управляющих систем к новому, уже второму информационному и коммуникативному скачку. Связанный с этим кризис носит все-

объемлющий, системный характер и требует не только осторожности и терпения, но и удесятерения усилий в поисках выхода, — просто потому, что цена возможной неудачи нам в общих чертах уже известна.

Кризис неразвитого мира

Угроза глобальной стабильности, связанная с кризисом управляющих систем, усугубляется тем, что в условиях глобализации разрыв между развитыми странами и остальным миром приобрел технологический характер и в сложившейся парадигме мирового развития стал непреодолимым.

Оформление технологического разрыва обусловлено четырьмя основными группами факторов.

Прежде всего, это обособление во всех странах групп людей, работающих с «информационными технологиями», в «информационное сообщество». Оно неизбежно ведет к постепенной концентрации этого сообщества (в силу материальных — в том числе потому, что интеллект, хотя и выживает, не воспроизводится в бедности и опасности, — и интеллектуальных факторов) в наиболее развитых странах.

Вторым фактором формирования технологического разрыва являются так называемые «метатехнологии», — кардинально новый тип технологий, само применение которых принципиально исключает возможность конкуренции с разработчиком. Это своего рода плата за допуск к более высокой эффективности.

Наиболее ранний пример «метатехнологии» — системы вооружения со скрытыми и неустранимыми системами «свой-чужой», что исключает их применение против страны-разработчика. Следует упомянуть также проект сетевого компьютера (рассредоточение его памяти в сети дает разработчику всю информацию пользователя) и современные технологии связи, позволяющие анализировать в он-лайновом режиме все телефонные сообщения Европы (вялотекущий скандал вокруг системы «Эшелон» вызван именно коммер-

ческим использованием результатов этого анализа). Помимо «шпионских» технологий, «метатехнологиями» являются критически значимые технологии, нуждающиеся в постоянном обновлении со стороны разработчика, например, технологии формирования сознания (ведь сознание довольно быстро адаптируется к внешнему воздействию, и прекращение обновления механизмов этого воздействия может привести к потере управляемости).

Третья причина формирования технологического барьера заключается в изменении ключевых ресурсов развития под воздействием информационных технологий: это уже не пространство с жестко закрепленным на нем производством, а в первую очередь мобильные финансы и интеллект. Соответственно, эффективное освоение территории представляет собой уже не оздоровление и развитие находящегося на ней и неразрывно связанного с ней общества, но, напротив, обособление и изъятие его финансов и интеллекта (обычно в результате кризиса). Прогресс развитого общества идет за счет деградации «осваиваемого», причем масштабы деградации, как всегда при «развитии за счет разрушения», превосходят выигрыш развитого общества.

Так глобализация изменяет характер сотрудничества между развитыми и развивающимися странами: созидательное освоение вторых первыми (бывшее содержанием как основанной на политическом господстве «английской» модели колониализма, так и основанной на экономическом контроле «американской» модели неоколониализма) уступает место разрушительному освоению при помощи изъятия финансов и интеллекта. Именно осмысление реалий и последствий этого перехода породило понятие failed states (термин политкорректно переводится как «несостоявшиеся государства», хотя к реальному смыслу, в котором он применяется в практической аналитике, ближе грубое выражение «конченые страны»), безвозвратно утративших не только важнейшие — интеллектуальные — ресурсы развития, но и способность их производить.

Наконец, четвертой причиной возникновения технологического разрыва между развитыми странами и остальным миром является формирование глобальных монополий, ограничивающих, а то и полностью блокирующих передачу технологий, в том числе и при помощи института защиты интеллектуальной собственности, который во многом выродился в инструмент прикрытия и обоснования жесточайшего злоупотребления монопольным положением в глобальном масштабе.

В силу изложенного неразвитые страны не имеют ресурсов для успеха; историческая обреченность концепции «догоняющего» развития (в частности, после работ В.Иноземцева) не заслуживает даже обсуждения. Конкуренция из механизма воспитания и развития слабых обществ выродилась с началом глобализации в механизм их уничтожения.

Таким образом, пока глобальные СМИ обеспечивают широчайшее распространение по всему миру стандартов потребления развитых стран, вызванное той же самой глобализацией ужесточение конкуренции убеждает все более широкие массы людей в принципиальной недоступности распространяемых стандартов не только для них, но и для их детей и внуков.

Вызываемые этим отчаяние и безысходность порождают нарастающую глобальную напряженность. Международный Терроризм — лишь частное и далеко не самое опасное ее проявление, являющееся аспектом глобального протеста, высокоэффективным транснациональным бизнесом и, не в последнюю очередь, инструментом воздействия наиболее развитых стран на правительства менее развитых и на свои собственные общества.

Кризис глобального монополизма

Несмотря на изложенное, неблагополучие отнюдь не сконцентрировано в экономически слабых странах, терпящих поражение в глобальной конкуренции, но является об-

щей проблемой человечества. Причина этого — вполне марксистское загнивание глобальных монополий, почти не поддающихся регулированию государствами и международной бюрократией (последние были бессильны даже перед лицом традиционных торгово-производственных транснациональных корпораций; сейчас же им противостоят во многом неформальные — и, соответственно, в принципе почти не поддающиеся даже обычному наблюдению — финансово-информационные группы).

Первый признак загнивания этих монополий заключается в том, что в 90-е годы XX века впервые после войны накопление богатства перестало, как показывают скрупулезные отчеты ООН, само по себе вести к прогрессу в решении основных гуманитарных проблем человечества (загрязнения окружающей среды, нехватки воды, неграмотности, болезней, бедности, дискриминации женщин, эксплуатации детей и т.д.). Это весьма убедительно свидетельствует об исчерпании традиционного механизма развития человечества и объективной необходимости смены самой его парадигмы.

Вторым проявлением загнивания глобальных монополий стал структурный кризис развитых экономик, а в силу их преобладания в мире — и всей мировой экономики (предвестием этого кризиса стал глобальных кризис развивающихся экономик в 1997-1999 годах, а началом — крах «новой экономики» США весной 2000 года). Высокая эффективность информационных технологий внезапно привела к классическому «кризису перепроизводства» их продукции в глобальном масштабе, который был усугублен наличием на пути расширения сбыта продукции информационных технологий, сразу двух барьеров: благосостояния и культуры.

Первый стандартен и общеизвестен: то, что растущая пропасть между развитыми странами и остальным миром приобрела технологический характер, ограничивает распространение новых технологий, которые оказываются слишком сложными, избыточно качественными и неприемлемо дорогими, и лишает развитые страны ресурсов для продол-

жения технологического прогресса на рыночной основе. Это осознается представителями развитых стран преимущественно в терминах «цифрового неравенства», которое ограничивает перспективы не только развивающихся, но и развитых стран.

Однако второй барьер, связанный с ориентацией информационных технологий на сознание человека, оказался совершенно неожиданным для большинства аналитиков. Принадлежность объекта воздействия к иной культуре снижает эффективность информационных технологий и ограничивает спрос на их продукцию; в результате культурный барьер, неощутимый для относительно примитивной в технологическом отношении продукции Ford, для изощренной продукции CNN оказывается непреодолимым.

В силу этого борьба за расширение рынков информационных технологий автоматически становится борьбой за вестернизацию традиционных обществ. Это вызывает крах слабых стран (даже в России с ее исключительно сильным пластом западной культуры попытки форсированной вестернизации привели лишь к национальной катастрофе, начавшейся в 1991 году, и финансово-идеологическому краху 1998 года), и обострение противостояния относительно сильных незападных обществ с Западом.

Сегодня это обострение используется развитыми странами (хочется верить, что в основном стихийно и неосознанно) для решения проблемы финансирования технологического прогресса. Ведь рост напряженности в мире, в том числе и в результате активизации международного терроризма, способствует росту военных расходов, являющихся не только инструментом стимулирования национальных экономик в рамках концепции «военного кейнсианства», но и наиболее эффективным механизмом стимулирования технологических рывков.

Однако такой метод стимулирования развитых экономик (в первую очередь наиболее развитой экономики современного мира — США) применим лишь в краткие про-

межутки времени и является тем самым лекарством, которое гарантированно страшнее болезни.

Самое страшное в нем то, что он разжигает конфликт даже не столько между развитыми и неразвитыми странами, сколько между странами, относящимися к различным цивилизациям, — а глобальная конкуренция сегодня является в первую очередь межцивилизационной.

Кризис межцивилизационной конкуренции

Человеческие **цивилизации — культурно-исторические общности, объединенные** не только тесными экономическими связями, но и более глубокими факторами, связанными с близостью культур — **схожими системами ценностей и мотиваций, мировоззрением, образом жизни и образом действий.**

Социализм и капитализм конкурировали в рамках единой культурно-цивилизационной парадигмы, и силовое поле, создаваемое биполярным противостоянием, удерживало в ее рамках остальное человечество, оказывая на него мощное преобразующее влияние (в частности, оно весьма эффективно сдерживало проявления глобального монополизма). Исчезновение биполярной системы уничтожило это силовое поле, высвободив две качественно новых глобальных цивилизационных инициативы: исламскую и китайскую.

Мировая конкуренция стремительно приобретает характер конкуренции между цивилизациями — и кошмарный смысл этого обыденного факта еще только начинает осознаваться человечеством. Проще всего понять его по аналогии с межнациональными конфликтами, разжигание которых является преступлением особой тяжести в силу их иррациональности: их чрезвычайно сложно погасить, так как стороны существуют в разных системах ценностей и потому в принципе не могут договориться.

Участники конкуренции между цивилизациями разделены еще глубже, чем стороны традиционного межнацио-

нального конфликта. Они не только преследуют разные цели разными методами, но и, как правило, в принципе не в состоянии понять и принять ценности, цели и методы друг друга. Финансово-технологическая экспансия Запада, этническая — Китая и социально-религиозная — ислама не просто развертываются в разных плоскостях; они не принимают друг друга как глубоко чуждое явление, враждебное не в силу различного отношения к ключевому вопросу всякого общественного развития — вопросу о власти, но в силу самого образа жизни. **Компромисс возможен только при изменении образа жизни, то есть уничтожения** участника компромисса **как цивилизации.**

При этом взаимопонимание, в отличие от внутрицивилизационных конфликтов, не только не является универсальным ключом к достижению компромисса, но уничтожает саму его возможность, так как лишь выявляет несовместимость конфликтующих сторон.

Конкуренция между цивилизациями не просто осуществляется по отношению к каждому ее участнику методами, являющимися для него внесистемными и потому носящими болезненный и разрушительный характер; она бескомпромиссна и нарастает даже при видимом равенстве сил и отсутствии шансов на чей-либо успех.

Она иррациональна — и потому опасна и разрушительна. Каждая из трех великих цивилизаций, проникая в другую, не обогащает, но, напротив, разъедает и подрывает ее (классические примеры — этнический раскол американского общества и имманентная шаткость прозападных режимов в исламских странах). Возможно, ислам уже в ближайшее десятилетие станет «ледоколом» Китая по отношению к Западу (при всех попытках использовать его в ровно противоположных целях) так же, как гитлеровская Германия и, в конечном счете, сталинский СССР стали «ледоколом» рузвельтовских США по отношению к Европе.

Вместе с тем рассмотрение традиционного мирового «треугольника цивилизационных сил» (Запад — исламский

мир — Китай) все менее достаточен. Мы присутствуем при еще более драматическом, чем столкновение западной и исламской цивилизаций, акте начала разделения Запада, — при начале уже не хозяйственного, но цивилизационного расхождения между Евросоюзом и США.

Уже сегодня оно не дает им создать единый фронт борьбы даже с такими самоочевидными угрозами, как международный терроризм и наркомафия. Классический пример дал Буш, подписавший после разгрома «Талибана» директиву, ограничивающую борьбу с посевами наркосодержащих культур в Афганистане. И это при том, что после победы США над талибами производство наркотиков в Афганистане выросло, по самым скромным оценкам, более чем в 100 раз!

Причина позиции США проста: для них важнее всего видимость стабильности в Афганистане, а проблемы Европы, получающей чудовищный удар наркотиков (трафик которых в том числе идет через Косово), вполне вероятно, воспринимаются руководством США в первую очередь через призму не борьбы с наркомафией и терроризмом, но глобальной конкуренции.

Цивилизационная конкуренция более, чем какая-либо иная, ведется за определение «повестки дня», то есть конкретной области противостояния и его принципов (обычно эти принципы соответствуют определенной области деятельности).

Сегодня в наиболее предпочтительном положении попрежнему остаются США, чей комплекс целей — финансово-экономический, без отягощения какими-либо европейскими, гуманитарными ценностями, — остается наиболее универсальным. В отличие от идеологической, религиозной или тем более этнической экспансии финансовая экспансия сама по себе никого не отталкивает a priori, поэтому круг ее потенциальных сторонников и потенциальных проводников максимально широк, как и возможности выбирать лучший человеческий и организационный «материал».

В силу своего образа действий проводником финансовой экспансии объективно служит почти всякий участник рынка.

Он может зарабатывать на финансовых рынках деньги для террористов, но сам его образ действий объективно, помимо его воли превращает его в проводника интересов и ценностей США. **Граница между сторонником и противником той или иной цивилизации** (а не ее отдельных аспектов) **пролегает по признанию того или иного образа жизни единственно правильным.** Финансист принадлежит незападной цивилизации не тогда, когда он осуждает агрессии против Югославии или Ирака, но лишь если он готов отказаться от существования финансовых рынков и перейти к образу жизни представителя иной, незападной цивилизации.

Универсальность и комфортность западных ценностей особенно важны при анализе одной из ключевых компонент глобальной конкуренции — ориентации элит погруженных в нее стран.

Подобно тому, как государство является мозгом и руками общества, элита служит его центральной нервной системой, отбирающей побудительные импульсы, заглушая при этом одни и усиливая другие, концентрирующей их и передающей соответствующим группам социальных мышц.

Хотя в среднесрочном плане национальную конкурентоспособность определяет эффективность управления, в долгосрочном плане на первое место выходят мотивация и воля общества, воплощаемые в его элите. А в силу того, что с началом глобализации конкуренция стала осуществляться в первую очередь в сфере формирования сознания, важнейшим фактором конкурентоспособности общества становится то, кто именно формирует сознание его элиты.

Если общество само формирует сознание своей элиты, оно сохраняет адекватность, то есть способность сознавать и преследовать свои цели.

Однако часто сознание элиты формируется извне. Это завуалированная форма внешнего управления. Так как друж-

ба бывает между народами, а между странами наблюдается конкуренция, внешнее формирование сознания элиты всякого самостоятельно значимого общества осуществляется обычно его стратегическими конкурентами.

Понятно, что общество, сознание элиты которого формируется его стратегическими конкурентами, становится неадекватным. Цели его элиты соответствуют интересам его стратегических конкурентов, а для самого этого общества являются разрушительными.

Влияние на сознание элиты конкурирующего общества становится одним из важнейших инструментов, с одной стороны, ведущейся на уничтожение конкуренции, а с другой — установления тотального контроля глобальных монополий. Последние используют технологии формирования сознания часто эффективнее государств и превращают в исполнителей своей воли не только национальные элиты, но и международные организации, и глобальное общественное мнение.

Понятно, что элита, сознание которой сформировано стратегическими конкурентами ее страны, обречена на предательство национальных интересов.

Но даже формирование сознания элиты ее собственным обществом не гарантирует ее ориентации на национальные интересы. Ведь члены элиты располагают значительно большими возможностями, чем рядовые граждане их страны. Глобализация, которая предоставляет большие возможности сильным и большие несчастья слабым, разделяет относительно слабо развитые общества, принося благо их элитам и проблемы — рядовым гражданам. С личной точки зрения членам элиты естественно стремиться к либерализации, предоставляющей им новые возможности, но подрывающей конкурентоспособность их стран и несущей неисчислимые беды их народам.

Это естественное разделение усугубляет угрозу превращения национальной элиты в антинациональную силу.

Более того, в относительно слабо развитых обществах традиционная культура, усугубленная косностью бюрокра-

тии, способствует отторжению инициативных, энергичных людей, порождая в них естественное чувство обиды. А ведь именно такие люди и образуют элиту общества! В результате, отправившись «искать по свету, где оскорбленному есть чувству уголок», они воспринимают в качестве образца для подражания развитые страны и пытаются оздоровить свою Родину путем механического переноса на ее почву реалий и ценностей развитых стран. Подобное слепое культуртрегерство (особенно успешное) разрушает общество не только в случае его незрелости, неготовности к внедряемым в него ценностям, но и в случае цивилизационной чуждости для него указанных ценностей.

И даже оставшись в стране и добившись в ней успехов, войдя в элиту общества, инициативные люди не могут избавиться от чувства чужеродности. Это также провоцирует враждебность активных членов элиты к своему обществу, воспринимаемому как скопище несимпатичных, а то и опасных людей. Умный человек в России неправ просто потому, что он умный — и потому думает не так, как все и, соответственно, не может предвидеть, как будут поступать все. Такое отторжение элиты имеет богатейшую традицию в России, но весьма характерно и для многих других стран мира.

По мере распространения западных стандартов образования и переориентации части элиты и особенно молодежи неразвитых стран, особенно стран незападных цивилизаций, на западные ценности это противоречие распространяется все более широко.

Прозападная молодежь и прозападная часть элиты, стремясь к интеграции, к простым человеческим благам, утрачивают при этом собственные цивилизационные (не говоря уже о национальных) ценности, и в результате объективно и неосознанно, помимо своей воли начинают работать на систему ценностей своих стратегических конкурентов.

Именно с элиты и молодежи начинается размывание собственной системы ценностей, которое ведет к размы-

ванию общества. Это деликатный аспект цивилизационной конкуренции, без которого нельзя понять широкое распространение отторжения собственных ценностей и враждебности к собственной стране.

Универсальный критерий патриотичности элиты прост: это **форма** ее **активов.** Как целое элита обречена действовать в интересах сохранения и приумножения именно собственных активов (материальных или нематериальных — влияния, статуса и репутации в значимых для нее системах, информации и так далее). Если они контролируются стратегическими конкурентами, элита начинает реализовывать интересы последних, превращаясь в коллективного предателя.

Как минимум это означает, что адекватная элита, ориентированная на собственные национальные и цивилизационные интересы, должна хранить значимую часть личных средств в национальной валюте, а не в валюте своих стратегических конкурентов. Отсюда, в частности, ясна обреченность исламского вызова, лидеры которого, в отличие от лидеров США, Евросоюза и Китая, хранят средства в валютах своих стратегических конкурентов и потому в принципе не в состоянии последовательно противодействовать последним.

Миссия России: решение глобальных проблем как своих внутренних

Сегодняшняя России находится в глубочайшем кризисе. Национальная катастрофа, начавшаяся уничтожением Советского Союза, несмотря на все формальные и реальные достижения, не только не преодолена, но даже еще и не завершена: деградация страны и общества продолжается. Само понятие России не определено, лишенное самоидентификации население продолжает вымирать и не демонстрирует сколь-нибудь заметных признаков самоорганизации;

эффективность же государственного управления при этом последовательно снижается.

Освоение российских ресурсов как «мировым сообществом», так и самими российскими капиталами носит выраженный «трофейный» характер и просто не предусматривает последующего воспроизводства российской экономики. Политика развитых стран в отношении наследства СССР на территории России напоминает дележ шкуры оглушенного медведя, который велеречиво и вдумчиво рассуждает в ходе этого процесса о своей роли в мировой истории и организации своего конструктивного и взаимовыгодного взаимодействия с группами охотников и мародеров.

Казалось бы, в этих условиях всякое рассуждение о глобальной миссии и даже о просто существовании России в течение ближайших 15 лет должно рассматриваться в качестве проявления либо глубокой неадекватности, либо, в самом лучшем случае, маниакально-предвыборного психоза.

Однако вызванное этими вроде бы логичными соображениями пренебрежение Россией, характерное для российских либеральных фундаменталистов уже во второй половине 90-х годов, не встретило понимания у эффективных представителей ни одной из трех цивилизаций, развертывающих свою экспансию в современном человечестве.

Причиной этого является не инерция сознания, но сочетание очевидной слабости России с ее контролем за целой группой уникальных и критически важных в современных условиях ресурсов (территория для евроазиатского транзита, уникальные природные ресурсы Сибири и Дальнего Востока, навыки создания новых технологий), делающее ее ключевым объектом практически всех цивилизационных экспансий. И это, напомним, помимо тривиальной географической близости к очагам последних!

Таким образом, главная непосредственная проблема современного человечества — столкновение цивилизаций, которое из теоретических и философских построений Тойнби переросло в ключевой вопрос практической политики, — на

ближайшие как минимум полтора десятилетия делает Россию важнейшим местом в мире. Ибо судьба человечества будет определяться в конкуренции цивилизаций, которая примет форму непосредственного прямого столкновения (причем всеобщего, «всех со всеми») именно на территории в коллективном сознании России, по вопросам, связанным с контролем за всеми тремя группами ее глобально значимых ресурсов.

Наша страна уже становится межцивилизационным «полем боя» — первыми признаками этого являются неуклюжие попытки лавирования между расходящимися европейскими и американскими, противостояние международному исламскому терроризму, наглядное столкновение интересов США и Китая по поводу восточносибирского нефтепровода.

И российское общество, каким бы слабым и разложившимся оно ни было, вновь становится одним из ключевых факторов развития человечества, ибо цивилизационное столкновение будет осуществляться не просто «на его территории», но внутри него самого. Возможно, оно даже станет его стуктурообразующим признаком.

Мы сможем влиять на развитие человечества не в силу своей мощи, как 15 лет назад, но, напротив, в силу своей слабости, так как полем решения глобальных проблем человечества станет наш дом, наша территория. Мы не просто окажемся «ближе всех» к месту, где будут решаться эти проблемы, но и будем знать его наилучшим образом.

Цена этого «могущества от слабости» — жизнь, ибо любая, даже тактическая ошибка может стать смертельной. В операциональном плане перед российским обществом стоит задача гармонизации интересов и балансирования усилий различных цивилизаций, осуществляющих экспансию на нашу территорию.

Таким образом, внутренняя российская политика в ближайшее время будет инструментом решения не просто международных, но глобальных проблем, — и мы опять ока-

жемся в этом отношении зеркальным подобием США (с той существенной разницей, что они являются преимущественно субъектом, а мы — преимущественно объектом глобальной политики).

В силу этого миссия России ни при каких обстоятельствах не может являться внешней; вектор развития нашего общества направлен вовнутрь, а не наружу. Единственная оформленная идея, связанная с поиском места нашего общества в развитии человечества— «либеральный империализм» — сводилась к попытке превращения России в «региональную державу» на основе реализации на территории СНГ (и ни в коем случае не Прибалтики!) глубоко чуждых как ей, так и ее соседям американских интересов и именно потому была отброшена. Она была изначально обречена на неудачу не только в силу противоположности интересов России и США по целому ряду вопросов, не только в силу неизбежного столкновения на том же пространстве с конкурирующими европейскими интересами, но и из-за элементарной слабости России. Пора изжить «ракетно-квасной патриотизм» как частный случай шизофрении и осознать наконец, что у нашего общества просто нет и до решения его внутренних проблем гарантированно не будет реальных ресурсов для осуществления сколь-нибудь значимой политики, направленной вовне.

Миссия России на современном этапе ее развития связана не с внешней экспансией, для которой нет необходимых ресурсов (прежде всего организационных), но в первую очередь с внутренним упорядочиванием и модернизацией.

В силу разрушения технологического базиса России его модернизация создает возможность качественного рывка на основе широкого распространения класса так называемых **«закрывающих» технологий,** названных так потому, что емкость открываемых ими новых рынков в краткосрочной перспективе существенно ниже емкости рынков, «закрываемых» в результате вызываемого ими повышения производительности труда. Их использование сделает ненужны-

ми огромное количество широко распространенных производств и, соответственно, лишит работы занятых на них. Классические примеры «закрывающих» технологий — лазерное упрочение рельсов, способное привести к трехкратному уменьшению потребности в них и к соответственному сокращению их выпуска, а также «нефтяной реактор», позволяющий перерабатывать нефть в бензин без строительства колоссальных дорогостоящих установок и драматически снижающий стоимость последнего.

Пока «закрывающие» технологии в основном сконцентрированы в пределах бывших специальных исследований, проводившихся в СССР. В развитых странах аналогичные разработки частью не велись в принципе (как из-за своей опасности для рынка, так и потому, что рыночная экономика экономней социалистической и не позволяла работать «в стол», разрабатывая конструкции, не способные найти быстрого применения), частью надежно блокировались навсегда при помощи патентных механизмов. (Собственно, и разрушение СССР можно рассматривать как коллективное захоронение всех этих представляющих смертельную опасность для развитого мира технологий — своего рода «оружия массового уничтожения» — в одном гигантском могильнике).

Массовое распространение «закрывающих» технологий не просто разрушит глобальный монополизм, решив проблему его загнивания, но и вызовет резкое сжатие всей индустрии, что приведет к катастрофическим последствиям для большинства стран.

Россия как владелец и, потенциально, основной продавец «закрывающих» технологий, может получить от их распространения наибольший выигрыш, причем не столько деньги, сколько колоссальный политический ресурс. Он связан с принятием решения о том, какие технологии из «ящика Пандоры» и в каких объемах выпускать в мир — и, соответственно, в каких отраслях развитых стран и в каких объемах сворачивать производство. Россия выиграет и как страна, в которой в результате катастрофических реформ объемы производства упали ниже уровня минимального

самообеспечения: в этих условиях кардинальный рост производительности приведет не к перепроизводству, а всего лишь к импортозамещению на российском рынке.

* * *

Россия является единственной страной мира, для которой все глобальные кризисы являются и внутриполитическими и которая обладает при этом потенциалом, способным оказаться достаточным для отработки моделей и алгоритмов решения этих проблем на уровне внутренней политики.

Мы находимся сегодня в блаженном положении домохозяйки, которая, подметая пол и выметая дохлых тараканов из-под плиты, не просто наводит минимально необходимую чистоту, но и гармонизирует Вселенную.

МАТРИЦА ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ

Российское государство должно со всей решительностью отказаться от химеры ответственности перед кем бы то ни было, кроме своих собственных граждан, — и, проникнувшись этой ответственностью, подчинить их интересам все свои действия, в том числе в области внешней политики.

Необходимо в полной мере использовать современный благоприятный период: с одной стороны, колоссальные запасы свободных денег, с другой — замешательство США, вызванное как внешними, так и внутренними проблемами, бюрократический ступор Евросоюза и обострение цивилизационной конкуренции.

Пассивные и слабые государства, не использующие в полной мере возможности коллективного интеллекта, обречены в этой ситуации на утрату своих позиций. Однако ак-

тивная политика, опирающаяся на четкий анализ и сопряженная с демонстрацией своей силы, способна кардинально увеличить влияние России и тем самым создать необходимые предпосылки для качественного улучшения ее экономического положения.

Мы должны решительно и настойчиво изменять реальность в свою пользу, а не быть ее заложниками.

Стратегической целью России, обеспечивающей максимизацию ее экономического и политического влияния, должен стать перевод оплаты российского экспорта (как минимум российского сырья и продукции первого передела) на российские рубли. Эта мера обеспечит устойчивый глобальный спрос на них и тем самым создаст прочный экономический фундамент для реального, а не формального (и потому временного и разрушительного для национальной экономики) превращения рубля в полностью конвертируемую валюту. Ее полномасштабная реализация в стратегической перспективе позволит российскому рублю бороться за превращение в мировую резервную валюту[1], а России — в «срединное царство» человеческой цивилизации и ключевого участника глобальной конкуренции.

Для этого России придется приложить значительные усилия для обеспечения надежной обороноспособности в широком смысле слова, включая защиту от «хирургических» операций по устранению неудобных лидеров и массированной психологической войны. Причина этого проста: неизбежные при достижении ею стратегического успеха потери наиболее экономически развитых сегодня стран (в том числе и коммерческие потери) могут с легкостью толкнуть их на попытки прямого решения «российской проблемы».

---

[1] Мировая резервная валюта по самой функции, выполняемой ею в мировой экономике, может быть только одной — как, например, может быть лишь единственной полноценная национальная валюта. Выпуск мировой резервной валюты обеспечивает ее эмитенту экономическое лидерство и политическое доминирование (как мы видим на примере США). Сегодня наряду с мировой резервной валютой — долларом — существует несколько мировых валют (евро, фунт стерлингов, иена, юань, швейцарской франк), однако их распространенность и мощь обслуживаемых ими экономик недостаточны, чтобы бросить США вызов.

Однако прежде всего нам предстоит весьма существенно изменить самих себя, превратив свой образ жизни не только в наиболее эффективный, но и в наиболее привлекательный и одновременно общедоступный из существующих в современном мире.

НАПРАВЛЕНИЯ И ПРИОРИТЕТЫ РОССИЙСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

	Китай	Постсов. пр-во	США	Сауд. Аравия, Иран	ЕС	Япония	Зоны росс. влияния*	Прочие
Энергетика	!	+	+	+	+			
Экономическая экспансия	+	!	+	+	+		+	+
Коллективная безопасность	+	+	!	+		+		
Нераспространение	+		+	+		+		
Помощь в развитии		+					+	+
Защита прав российских граждан	+	+					+	+
Возврат российской собственности	+	+			+	+		
Права личности			+		+			

* Кипр, Черногория, Израиль, а также некоторые другие регионы ряда стран мира.

Столбцы — региональные направления внешней политики России по мере убывания их значимости.

Строки — содержательные направления внешней политики России по мере убывания их значимости.

«+» — значимые для российской внешней политики направления

«!» — приоритетные для российской внешней политики направления.

ЦЕЛЬ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ И МЕТОДЫ ЕЕ ДОСТИЖЕНИЯ

Российская внешняя политика является одним из важнейших инструментов внутренней политики. Объективно обусловленная **цель внешней политики — обеспечение максимально благоприятных условий и создание дополнительных ресурсов для собственного, внутреннего развития страны, на данном этапе — ее модернизации.**

Определение характера, конкретных задач и этапов модернизации не входит в задачи данного доклада. Пока общество не выработало консенсуса по этому вопросу, внешняя политика может существовать лишь в виде наиболее общих основных принципов и направлений.

Основные принципы внешней политики России

1. Внешняя политика должна максимизировать выгоды для всего российского общества в целом. При противоречии между краткосрочными и долгосрочными интересами в современных условиях наличия существенного «запаса прочности» приоритет принадлежит долгосрочным интересам. Следует со всей решимостью отказаться от вызванного отсутствием целей «ситуационного реагирования» и подчинения внешней политики страны частным интересам отдельных коммерческо-бюрократических групп, а то и лиц.

2. Разумный эгоизм. Пока Россия остается относительно слабой, не доминирующей в глобальном масштабе страной, она должна исходить исключительно из своих собственных интересов. Несмотря на безусловное наличие общечеловеческих ценностей, гуманитарных принципов и сочувствия к другим странам и народам Россия должна исходить из абсолютного примата национальных интересов, сознавая, что в современном мире сочувствия и жалости заслуживает пре-

жде всего ее собственный народ, а российское государство несет ответственность исключительно перед ним, но ни в коем случае не перед другими народами.

Россия должна осознать свою слабость и отказаться от попыток урегулирования глобальных процессов: у нас нет для этого ресурсов и (по крайней мере, в ближайшие годы не будет) понимания, в результате чего в претензии на роль участника решения глобальных проблем мы будем обречены таскать для других каштаны из огня.

Россия должна сосредоточиться на решении собственных проблем и рассматривать внешнюю политику преимущественно как инструмент решения этих проблем. Ради сбережения ресурсов следует самоустраняться от действий, которые не приносят нам конкретной выгоды и находятся за пределами наших интересов.

Следует отказаться от выполнения невыгодных обязательств во всех случаях, когда это возможно (например, в силу коррупционного характера заключения соответствующих договоров).

Должен быть установлен абсолютный приоритет национальных законов перед международными, означающий закрепление естественного доминирования интересов России над интересами ее стратегических конкурентов. Этот принцип, являющийся необходимым условием обеспечения национального суверенитета, де-юре действует в США и де-факто — в Евросоюзе (неявно, так как общеевропейское законодательство формально является международным).

3. Конструктивный реваншизм. На протяжении последних 18 лет наша страна последовательно отказывалась от своего влияния в мире, подрывая тем самым ресурсную базу своего развития. Любое стремление к модернизации объективно требует расширения сферы российского влияния. *В частности, российский рынок даже при условии разумного протекционизма неприемлемо узок для целого ряда российских же производств. Без выхода на внешние рынки целые отрасли — например, гражданское авиастроение и производство оборудования для атомных электростанций — не*

смогут существовать. А устойчивый контроль за внешними рынками высокотехнологичных товаров требует политического влияния на соответствующие общества.

Важнейшими направлениями экспансии России должны стать создание в каждой из значимых для нас стран разветвленной инфраструктуры политического влияния и, при возможности, прямой контроль российского бизнеса за хозяйственной инфраструктурой значимых для нас стран и наиболее важными для них отраслями их экономик.

4. Балансирование интересов. Будучи слабым субъектом глобальной конкуренции, Россия не может сегодня противостоять ни одной из развертывающихся в мировом масштабе экспансий — финансово-экономической Запада, идейно-религиозной ислама и этнической Китая. Потому Россия должна поддерживать такое равновесие между ними, при котором эти экспансии будут двигателями ее развития, а сама она не будет зависеть ни от одного из их источников или, в крайнем случае, будет зависеть от них одинаково.

Более важной целью является сохранение максимальной степени свободы, так как попадание России в преобладающую зависимость от одного из источников экспансий нарушит глобальное равновесие и создаст предпосылки для поглощения им России.

Основными принципами стратегии России должны стать:

- **уравновешивание экспансий,** то есть организация объединения двух слабейших источников экспансии для сдерживания сильнейшего с последующей организацией посредничества между ними;
- **сдерживание экспансий,** то есть объединение усилий объектов экспансий, особенно доминирующей экспансии, для их самозащиты, с последующим многоуровневым посредничеством между ними и источниками экспансий.

Поскольку главной экспансией сегодня продолжает оставаться американская, Россия должна не мешать США истощать самих себя, но, напротив, всячески затягивать их в

непосильную для них сегодня роль «глобального полицейского». Максимально жестко сталкивая их с Китаем и исламским миром, Россия сама должна выскальзывать из любых форм прямого (а лучше — и непрямого) противостояния.

5. В рамках и по мере выполнения первых четырех принципов российская внешняя политика должна обеспечивать **добрососедство,** позволяющее минимизировать усилия по достижению целей внешней политики, в частности, снижать расходы на оборону и тем самым высвобождать ресурсы для экономического и социального развития.

6. Разнообразие: внешняя политика должна учитывать разнообразие современного мира и согласованно применять разнообразные специальные инструменты взаимодействия с самыми разными реальными субъектами глобальной политики.

ОСНОВНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

Россия должна настойчиво, последовательно и повсеместно разъяснять свою позицию и законность своих интересов, чтобы стать понятной развитым странам, в первую очередь Западу и Китаю, и нейтрализовать тем самым опасные для нее страхи, вызванные представлениями о ее непредсказуемости.

В то же время следует с беспощадной ясностью осознавать, что агрессия НАТО против Югославии 1999 года и последующие военно-террористические операции (11 сентября 2001 года, временная «покупка» Афганистана у талибов, хаотизировавшее Ирак свержение С.Хусейна) свидетельствуют о резкой утрате значения международного права. Оно еще применяется в частных спорах, однако при решении вопросов внешней политики доминирует прямое и грубое право силы, причем дипломатия низведена до роли простого оформителя результата применения или угрозы применения силы.

Соответственно, внешняя политика должна быть направлена на изменение соотношения баланса сил России и ее конкурентов по значимым для России внешним проблемам.

Ограниченность российских ресурсов должна компенсироваться при этом их концентрацией на ключевых для России вопросах (которых для нее будет существенно меньше, чем для стран, пытающихся играть глобальную роль), а также разнообразием используемых инструментов и способов их применения.

Следует в полной мере осознать выдающийся урок Ирана, который весной-летом 2006 года смог так «размыть» административно-политические и интеллектуальные ресурсы США между целым рядом локальных кризисов и проблем, что у США не хватило для нападения для него именно управленческих возможностей. Традиционная дипломатия играла в этом важную, но вспомогательную роль, затягивая время и отвлекая силы американского государства на решение второстепенных проблем и разработку призрачных либо второстепенных возможностей.

Поэтому, помимо взаимодействия с руководством иных государств и межгосударственных организаций в рамках традиционной дипломатии, следует создавать и использовать следующие основные инструменты внешней политики:

- использование ресурсов международных организаций и благотворительных фондов для замещения российских ресурсов при решении российских проблем;
- стимулирование экспансии российского бизнеса как средства укрепления российской экономики и расширения влияния России;
- формирование за пределами России национальных и транснациональных политико-коммерческих лобби, зарабатывающих на выгодном для России сотрудничестве с ней, ассоциирующих себя с этим сотрудничеством, заинтересованных в нем и поэтому ориентированных на поддержку России (инвестиции в политиков выгоднее инвестиций в

нефтяные поля, потому что политикам никогда не придумают альтернативы);

• создание пророссийского экспертного сообщества как инструмента влияния России;

• создание сетей постоянной коммуникации с ключевыми зарубежными экспертами, влияющими на формирование национальных позиций и позиций глобальных корпораций как для взаимного информирования и предварительного обсуждения тех или иных действий, так и для влияния через них;

• систематическое и массовое обучение молодых представителей зарубежных элит и налаживание теснейших связей с перспективной политической молодежью;

• формирование российских (в основном русских, как не возникающих самостоятельно) диаспор за рубежом и сотрудничество с имеющимися;

• формирование инфраструктуры внутреннего воздействия на страны, представляющие наибольший интерес для России по наиболее важным для нее вопросам, в том числе и не являющейся сторонниками России и не ассоциирующей себя с ней;

• формирование общественного мнения и, главное, инструментов его создания — как глобального, так и регионального, так и общего, так и доминирующего среди каких-либо страт общества (наиболее важны управленческая, медиа- и бизнес- элиты, а также ключевые этноконфессиональные группы), касающихся как России в целом, так и конкретных важных для нее вопросов;

• контроль за поведением российской элиты (не более 100 тыс.чел.) за границей[1];

---

[1] Классический пример привел на одном из обсуждений данного доклада С.Кургинян, к которому обратился метрдотель ресторана с просьбой объяснить отдыхающим в нем россиянам, что нельзя давать на чай 100 евро за чашку кофе, так как метрдотель обязан сообщать о таких случаях в Интерпол.

• формирование (в первую очередь средствами искусства и культуры) и продвижение за рубежом позитивного российского образа жизни (при этом данный образ должен дифференцироваться в соответствии с потребностями конкретных целевых аудиторий);

• выработка новой доктрины обороноспособности, исходящей из новых реалий, а не из благих пожеланий, и обеспечение обороноспособности, включая: сохранение стратегических ядерных сил как действенного инструмента сдерживания с учетом технологического прогресса, обеспечение способности армии вести два интенсивных локальных конфликта (в том числе с сетевыми структурами) одновременно в течение не менее года, надежная защита границ России к востоку от Урала, в том числе подавляющим преимуществом в огневой мощи;

• специальные структуры.

Понятно, что указанные инструменты должны для наибольшей эффективности применяться комплексно.

Они частично обеспечивают подготовку решений традиционной дипломатии, формируя их возможные рамки, однако чем дальше, тем больше будут становиться самостоятельным средством достижения целей внешней политики.

УПРАВЛЕНИЕ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКОЙ

Во внешней политике, как и в остальных сферах жизни общества, нетерпима ситуация, при которой принятие всех важных решений целиком и полностью сосредоточено в руках одного человека: практика показывает, что, какими бы ни были его достоинства, он просто технологически не может подменить собой государство.

Существующие в настоящее время скомканные и разрозненные институты формирования и реализации внешней политики России должны быть расправлены в рациональную политико-управленческую схему.

Функции стратегического анализа и планирования, в том числе в области внешней политики, разумно, как это предполагалось на заре нынешнего президентства, сконцентрировать в Совете безопасности, работающем под руководством президента.

В подготовке его решений наряду с представителями профильных ведомств и объединений российского бизнеса должно принимать активное участие развитое, разнообразное, структурированное (в том числе для сопоставления разных позиций и подходов), патриотическое и при этом компетентное, находящееся в постоянном контакте со своими зарубежными аналогами экспертное сообщество.

Министерство иностранных дел, оставаясь исполнительным органом, должно вернуть себе аналитические функции и, используя негосударственных экспертов, представителей заинтересованных ведомств и российского бизнеса, стать центром тактического анализа и планирования точно так же, как Совбез должен стать центром стратегического анализа и планирования.

Внешнеполитический блок администрации президента должен сконцентрироваться на техническом и информационном обеспечении деятельности президента и участвовать в работе Совбеза и МИДа только в этом качестве. Он не должен выполнять содержательных функций, так как это неминуемо приведет к подмене им Совбеза и дезорганизации его работы.

Эти технические по своей сути изменения будут иметь смысл лишь в случае обеспечения ими принципиального изменения сути внешней политики России. В настоящее время наблюдается ее тотальная «приватизация» различными группами влияния (как коммерческими — от «Газпрома» до компаний мобильной связи, так и интеллектуальными — от проамериканских до прокитайских группировок). В результате единственной структурой, чьи интересы не отражаются во внешней политике, является само государство (а значит, и общество). Жизненно необходим скорейший

переход к «национализации» внешней политики — решительной и повсеместной постановки ее на службу обществу в лице государства.

ТЕМАТИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

Международная безопасность

Право «вето» в Совете Безопасности ООН унаследовано Россией у Советского Союза и не соответствует ее нынешнему состоянию. Поэтому Россия должна жестко противодействовать всем попыткам коренного реформирования ООН, так как они неминуемо приведут к ослаблению ее положения. В случае неизбежности такого реформирования она должна исходить из необходимости обеспечения глобальность баланса сил *(то есть, например, препятствовать превращению в постоянных членов Совета Безопасности Германии и Японии как развитых стран, объективно представляющих интересы Запада, и содействовать обретению этого статуса Индией как незападной страной, при этом вдобавок заинтересованной в сдерживании экспансии как Китая, так и ислама).*

Однако наиболее значительной формальной трансформацией в области международной безопасности представляется вероятный переход НАТО от регионального расширения к глобализации, при которой она присвоит себе право произвольного военного вмешательства в любой части света вне зависимости от позиции ООН. Вехой на этом пути станет включение в НАТО Японии (после расширения ее сил самообороны до полноценной армии, обладающей наступательными видами вооружений).

Россия не может остановить расширение НАТО (заминки с Украиной и Грузией носят технический характер), од-

нако должна внятно и однозначно трактовать это как недружественный шаг (подчеркивая развертывание в новых странах НАТО наступательных вооружений, направленных против России, и размещение в Польше элементов ПРО) и ограничивать выгоды новых членов НАТО от сотрудничества с собой. Принимая необходимые меры по укреплению обороноспособности, следует содействовать напряжению между новыми членами НАТО и их традиционными региональными оппонентами, разъяснению обществам новых членов НАТО различия между их интересами и интересами их элит, а обществам старых членов НАТО — того, что необузданное расширение организации будет оплачиваться из их кармана. Экспансия НАТО должна ненавязчиво поощряться Россией таким образом, чтобы эта организация была дезорганизована и обессилена внутренними противоречиями.

Попытки США играть роль «хозяина мира», особенно ярко проявившиеся в требовании согласовывать с ними любой космический запуск (и в присвоении права уничтожать чужие спутники по своему произволу), должны нейтрали¬зовываться совместными действиями широкого и различного для каждой попытки круга стран. Россия может играть в этом кругу роль организатора, но никогда — главного действующего лица.

Россия должна зорко следить за Китаем, чтобы не допустить военного выплеска его энергии ни на Тайвань, ни на собственные территории; непосредственным инструментом данного сдерживания должны выступать США или НАТО. Помимо подрыва глобальной стабильности, такой выплеск снизит энергетику китайского общества (как снизило ее провальное нападение на Вьетнам в 1979 году) и облегчит ему процесс выравнивания накопившихся внутренних диспропорций, а значит, укрепит его глобальную конкурентоспособность.

Вместе с тем главные угрозы международной безопасности носят объективный характер.

Прежде всего, созданный Западом после уничтожения им Советского Союза мировой порядок не дает возможности развиваться и даже нормально существовать двум третям человечества, ставя их в невыносимые условия. «Международный терроризм» и массовая миграция, размывающая идентичность развитых обществ, — формы стихийного ответа на это нетерпимое положение.

Заслуживает внимания позиция отдельных американских политологов, рассматривающих гражданское общество как основную силу, сдерживанием государства обеспечивающую стабильность общества, и исходящих из того, что в глобализированном мире страны и группы стран занимают роль основных структурных элементов общества: есть страны-банкиры, страны-пролетарии, страны-менеджеры и так далее. Они рассматривают «международный терроризм» как стихийное, еще не полностью развившееся и проявившееся и в силу этого неизбежно уродливое проявление нарождающегося глобального гражданского общества. Как и в случае традиционного, не над- а внутринационального общественного устройства, это глобальное гражданское общество объективно призвано сдерживать глобальное государство, в роли которого выступают США как персонификация коллективного Запада.

Однако, даже если это утешительное представление соответствует действительности, ждать вызревания глобального гражданского общества из разнообразных агрессивных сетевых структур — значит подвергать себя слишком большому риску. Россия должна сделать все (от формирования своего имиджа до прямых контактов), чтобы не стать объектом «приложения сил» «международного терроризма», в том числе и в качестве «слабого звена» в цепи сателлитов Запада.

Вторую системную угрозу международной безопасности создают глобальные сети. Первоначально формируемые государствами в качестве их «продолжений», они «отвязываются», отделяются, освобождаются от них и начинают реа-

лизовывать собственные цели. При этом мы видим, как, действуя через структуры тех или иных государств, даже очень сильных, они иногда реализуют цели, прямо противоположные интересам этих государств, манипулируя в своих интересах связанными с ними значительными фрагментами государственных аппаратов. Эмансипируясь от государств, они освобождаются от контроля соответствующих обществ и от ответственности перед ними; с другой стороны, они лишаются возможности использовать мощный аналитический потенциал государств, что резко снижает уровень их совокупного «интеллекта». В результате современные глобальные сети становятся разрушительными факторами современного мира.

Россия не может и потому не должна противодействовать этим двум основным угрозам международной безопасности напрямую, однако должна жестко обозначить зону своей ответственности (как минимум, СНГ), в пределах которой будет противодействовать процессам дестабилизации со всей решимостью и всеми средствами, как если бы они были направлены непосредственно против нее.

В то же время она должна сознавать основные объективно обусловленные направления противодействия этим угрозам и, не перенапрягаясь и не создавая угрозы своим интересам, тем не менее неуклонно поддерживать движение по ним.

Это укрепление государственности в ее традиционном понимании, восстановление и реабилитация в глобальном сознании понятия «суверенитет» и особенно «суверенитет народа», понимаемого как «население той или иной страны, объединенное общей культурой», восстановление международного права в том виде, в котором оно существовало до 1999 года. Это возврат к национально ориентированной системе ценностей от глобальной системы ценностей, которая, если и возможна в принципе (так как обычно она подменяется системой ценностей США или же Евросоюза), то, во всяком случае, саморазрушается.

Развитым странам, столетиями считавшими себя светочем цивилизации, придется осознать, что они слишком далеко и слишком корыстным образом забежали вперед в деле объединения мира и теперь ради его спасения обязаны сделать шаг назад.

Необходим установленный в явной и открытой форме приоритет коллективной безопасности над демократией и правами человека в западном понимании этих терминов, отказ от крестового похода за демократизацию и признание за каждым обществом права жить по своим собственным законам и обычаям. Пора признать, что источником законной власти в каждом обществе является его народ со всеми его предрассудками и недостатками, а отнюдь не меняющаяся раз в несколько лет администрация США. Тем более не является источником легитимной власти в формально независимых государствах и «агрессивно-послушное», как говорили про большинство последнего советского Съезда народных депутатов, «моральное большинство» западного мира, конституированное (да еще во многом и в коммерческих целях) CNN и еще несколькими глобальными средствами массовой информации.

Потребность в этой консервативной, традиционалистской контрреволюции очевидна, но сама ее возможность остается совершенно не ясной. Она слишком явно противоречит сегодняшним интересам наиболее влиятельных и эффективных субъектов глобальной политики и представляет собой возврат в уже известное и лишь поэтому кажущееся относительно безопасным и благополучным прошлое. «Обеспечение глобальной безопасности» — лишь шаг назад, сама возможность которого даже с чисто методологической точки зрения представляется сомнительной.

Отрицаемый всем развитием человечества последних лет саморазрушительный путь принудительной глобализации и насильственной демократизации не является только придуманной кем-то и когда-то «голой идеей». Человечество идет по этому пути не потому, что кто-то обманул и

обольстил его, но потому, что этот путь в наибольшей степени соответствует текущим потребностям и особенностям его наиболее влиятельных членов.

Поэтому системное обеспечение международной безопасности, как бы и когда бы оно ни началось, неизбежно перерастет в коренное изменение всего сложившегося мирового порядка. Россия должна, зорко наблюдая за глобальным развитием, уловить начало этого процесса и своевременно возглавить его, в максимально возможной степени приспособив новый мировой порядок к своим потребностям и получив в результате наибольшие дивиденды.

Крах «режима нераспространения»

В условиях фактической отмены США международного права именно наличие ядерного оружия, при всех сопутствующих рисках, является единственной прочной и формальной гарантией защиты страны от уничтожающего военного удара со стороны США и его союзников, а также надежным аргументом в международных переговорах. В результате распространение ядерного оружия приобретает неконтролируемый характер: вслед за Израилем, Пакистаном и Индией, а затем Северной Кореей его, вероятно, получит Иран — причем сразу в значительных масштабах.

Выходом является создание новой системы коллективной безопасности, предоставляющей государствам альтернативные, более традиционные, в основном дипломатические методы обеспечения своей безопасности и суверенитета. Оно потребует отказа США от политики одностороннего применения силы; вербальное убеждение США в непосильности для них этой политики — объективная миссия России (в невербальной форме это убеждение будут успешно осуществлять исламский мир и Китай).

Главной технологической задачей является посредничество между США и Ираном без взятия на себя каких-либо обязательств по отношению к любому из них для форми-

рования взаимного стремления к мирному сосуществованию. На первом этапе такое посредничество будет болезненно воспринято США, считающими предательство национальных интересов нормой российской внешней политики, однако они уже осознают проблему поддержания мировой стабильности и приближаются к пониманию невозможности индивидуального решения этой проблемы (в случае проигрыша промежуточных выборов в 2006 году республиканцы ради сохранения власти сосредоточатся на внутренней политике, отказавшись от глобальных целей).

Ключевой проблемой, на которую следует обращать внимание мирового сообщества и в первую очередь США и к которой следует привлекать их ресурсы (не жертвуя, однако, своими, ибо это не наша проблема), является сохранение у власти в Пакистане светского режима Мушаррафа.

После возврата основной части Афганистана под контроль талибов в условиях радикализации ислама падение режима Мушаррафа представляется вполне вероятным. Поскольку патриотизм националистически настроенных военных (и рост радикальных исламских настроений в военном руководстве Пакистана) делает вывоз ядерного оружия Пакистана маловероятным, падение режима Мушаррафа означает не только создание объединенного государства Талибан, но и получение им ядерного оружия.

В силу религиозного фундаментализма талибов это создаст угрозу применения ядерного оружия (в том числе и в междоусобной борьбе внутри самого объединенного государства или на его окраинах). Кроме того, талибы станут полноправным участником международной политики, придав исламскому фундаментализму государственную субъектность и за счет этого резко повысив его силы и эффективность.

В преддверии этого и с учетом угрозы российским интересам в Средней Азии, на Северном Кавказе и в Поволжье, которую несет радикальный ислам, России следует активизировать контакты с исламским миром, в том числе Та-

ливаном, однако главной задачей представляется мотивация Запада для сохранения (буквально «любой ценой») режима Мушаррафа со всеми его недостатками.

Стимулирование экономической экспансии

Российское государство обязано всемерно стимулировать внешнюю экспансию российского бизнеса не только как инструмент открытия перспектив и пробуждения инициативы в обществе, но и как инструмент его внутренней гармонизации. Ведь гармонизация интересов населения, стремящегося к справедливости (то есть к равномерному распределению ресурсов), и бизнеса, стремящегося к эффективности (то есть, наоборот, к неравномерному их распределению), достигается государством за счет территориального разделения приоритетов. Внутри общества государство должно поддерживать в первую очередь население, так как внутренне нестабильное, расколотое из-за слишком неравномерного распределения общество не может быть конкурентоспособным в средне- и особенно долгосрочном плане. За согласие с этим (например, в форме приятия антимонопольного регулирования) национальный бизнес получает безусловную поддержку государства во внешнем мире, в котором оно должно реализовывать интересы бизнеса как более активного и творческого элемента общества, всячески поддерживая и частично направляя его экспансию.

Национальный бизнес должен удерживаться государством в положении его старшего партнера в исключительно коммерческих вопросах и его младшего партнера — во всех остальных.

Существенной причиной стимулирования экспансии российского капитала является и узость российского внутреннего рынка, недостаточного даже для простого сохранения (не говоря уже о развитии) некоторых ключевых высокотехнологичных отраслей, необходимых для поддержания конкурентоспособности страны. Например, гражданское

авиастроение, даже с учетом увеличения российской потребности в самолетах в случае развития конкуренции и снижения цены билетов до уровня дискаунтерских, сможет существовать в России лишь при условии возврата себе существенной части внешних рынков.

Государство должно уделять особое внимание стимулированию экспансии именно высокотехнологичного бизнеса, так как рубль прибыли, заработанный высокотехнологичным производством, оказывает на общество значительно более позитивное воздействие, не только повышая его конкурентоспособность, но и окультуривая его, чем 10 рублей, заработанных технологически примитивным производством. **Качество человеческого облика, как и человека, определяется не столько величиной, сколько способом его заработка.**

Общее правило заключается в том, что **максимальный объем добавленной стоимости должен производиться в России и российским капиталом.** Если производство в России невыгодно с точки зрения кумулятивного эффекта, оказываемого на все общество (а не бухгалтерской прибыли отдельной фирмы), оно должно осуществляться за пределами России, но тоже российским капиталом.

В силу чудовищных уступок нашим стратегическим конкурентам, сделанных в последние полтора десятилетия, внешняя экспансия российского бизнеса должна быть направлена не только вовне, но и внутрь, на вытеснение иностранных конкурентов с российских рынков и возвращение этих рынков себе.

Разумный протекционизм, его защита и обоснование явятся одним из ключевых элементов российской внешней политики. В частности, надо отменить неоправданные уступки, сделанные в ходе переговоров о присоединении к ВТО (включая график повышения внутренних цен на газ и передачу российского рынка мяса птицы под управление американских экспортеров), восстановить необходимые меры и механизмы защиты внутреннего рынка, искоренить

коррупцию на таможне и поставить процесс присоединения к ВТО в зависимость от хода модернизации экономики и государства. Нужен запрет оплаты бюджетом неуникального импорта (это не противоречит правилам ВТО). Следует прекратить стимулирование непроизводительного (в отличие от экспансии) бегства капитала под видом либерализации валютного регулирования.

В то же время ограничение доступа иностранных конкурентов на внутренний рынок России должно осуществляться в основном неформализуемыми барьерами деловой и административной культуры, практики правоприменения и документооборота, чтобы не вызывать ответной реакции, а, напротив, сохранить возможность массового привлечения инвестиций и технологий (как в Китае, например). Конечно, это будет несправедливо в отношении иностранного бизнеса, но ограниченность ресурсов сама собой устанавливает и верхний предел максимально возможной справедливости.

ВТО - МОГИЛА ДЛЯ ИДИОТОВ

Пиар на костях — традиция реформаторов

Цель Всемирной торговой организации (ВТО), ради которой она, собственно говоря, и была создана, заключается в обеспечении максимально свободной конкуренции в международной торговле.

В условиях глобализации, и без того превращающей конкуренцию из средства стимулирования и оздоровления слабых в орудие их уничтожения, это стремление подрывает конкурентоспособность подавляющего большинства относительно слабых в экономическом отношении стран. Создание свободной конкуренции, то есть равных условий для наиболее и наименее развитых стран, объективно означает подавление последних в конкурентной борьбе. При этом в

современных условиях они лишаются не просто возможных доходов, но и самой возможности развития.

С экономической точки зрения присоединяться к ВТО имеет смысл для того, чтобы прорваться на внешние рынки высокотехнологичной продукции (ее рынки регулируются наиболее жестко) гражданского назначения (торговлю оружием ВТО принципиально не регулирует). Понятно, что к сегодняшней и даже завтрашней России это просто не имеет отношения, — наши высокотехнологичные производства в той степени, в которой они существовали вне ВПК, были почти полностью «зачищены» в ходе либеральных реформ и практически не развивались в «семилетку Путина».

Несмотря на это, уже в 2001 году скорейшее присоединение к ВТО внезапно стало подлинной идеей-фикс либеральных фундаменталистов. Непосредственная причина этого заключалась в громком провале рассчитанной на 10 лет стратегии Грефа. Благодаря ее разработке в конце 1999 и начале 2000 года он стал известным человеком и даже министром, однако в силу крайней либеральности и прямой неграмотности программы правительство так и не приняло ее официально, ограничившись протокольным одобрением, и то с большим опозданием — лишь в августе 2000 года. По фразе, приписываемой по поводу этой стратегии первому путинскому премьер-министру Касьянову, «гора родила мышь — хорошо, что не таракана».

Потребность быстро «предъявить результаты» после провала толкала либеральных фундаменталистов во главе с Грефом на лихорадочные поиски сфер, которые можно было бы в сжатые сроки «отреформировать» без мгновенных негативных социальных последствий (в то время правящей бюрократии еще приходилось учитывать мнение населения). Отсутствие у реформаторов представлений о потребностях и закономерностях развития России лишь усугубляло их безответственность и безграмотность.

Присоединение к ВТО казалось им в то время одной из самых привлекательных целей по следующим основным причинам:

• имея весьма отдаленное представление о сути ВТО, они недооценивали сложность задач по присоединению к ней, считая ее очередным «международным договором о благих намерениях», переговоры по которой можно быстро и триумфально завершить;

• либеральные фундаменталисты рассматривали присоединение к ВТО как удачную возможность улучшить свою личную и групповую репутацию на Западе;

• в краткосрочном плане присоединение России к ВТО действительно не вызвало бы, в отличие от остальных либеральных реформ, социально-политического напряжения, так как переговорный процесс и первое время после присоединения не ухудшали бы положения граждан, а их возможности разобраться в сути дела были заведомо недостаточными;

• проведение переговоров предусматривало длительное пребывание в одном из самых фешенебельных городов мира — Женеве (а также ряде других, не менее фешенебельных городов), а также общение с близкими по идеологии международными чиновниками и чиновниками иных государств.

Аргументы в пользу форсированного «броска в ВТО» и по сей день носят в основном идеологический характер из-за не только общего уровня компетентности либеральных фундаменталистов, но и их кадровой политики. Так, ключевой фигурой переговоров был и остается М.Медведков (сначала заместитель министра экономического развития и торговли, а затем руководитель одного из ключевых департаментов министерства), до своего назначения руководивший неправительственной организацией, занятой как раз лоббированием присоединения России к ВТО.

Таким образом, речь изначально не шла об интересах России как таковых; либеральные фундаменталисты с самого

начала воспринимали присоединение к ВТО как абсолютное, самоценное благо. Навязывая стране присоединение к ВТО в качестве категорического императива, они до сих пор ссылаются на все, что можно, вплоть до Политбюро ЦК КПСС, которое в 1979 году собралось вступать в предшественника ВТО — ГАТТ (о компетентности других решений Политбюро последних лет Брежнева — в частности, в том же 1979 году было принято решении о вступлении в Афганистан — реформаторы почему-то стыдливо умалчивают).

О восприятии реформаторами переговоров о присоединении России к ВТО в первую очередь с точки зрения саморекламы свидетельствует постоянное прямое указание на необходимые сроки этого присоединения: конец 2001 года, декабрь 2003, конец 2005, осень 2006 и, наконец, 2007 год. Это весьма существенно ограничивало свободу маневра наших переговорщиков и мешало им достигать приемлемых условий присоединения.

С точки зрения достижения прокламируемой цели присоединения к ВТО такая политика объективно вредна. Но при рассмотрении в качестве главной цели поддержания имиджа реформаторов она наиболее эффективна.

Подрыв экономики России

Экономические аргументы сторонников «прыжка в ВТО» в основном сводятся к тому, что он позволит России снизить потери экспортеров от антидемпинговых преследований, вписать ряд предприятий в мировые технологические цепочки и улучшить защиту интеллектуальной собственности.

Проще всего обстоят дела с защитой интеллектуальной собственности: пока российское патентное дело остается на пещерном уровне, действенная государственная защита российской интеллектуальной собственности за рубежом невозможна в принципе, и вступление в ВТО ничего не изменит.

Реально оно лишь усилит защиту иностранной интеллектуальной собственности в России, то есть повысит расходы на продукцию глобальных монополистов типа «Майкрософт», навязываемых по монопольно завышенным ценам. Кроме того, оно неминуемо будет способствовать развязыванию масштабных репрессий против бедных людей, не имеющих денег на приобретение лицензионного программного оборудования, или павших жертвой обмана недобросовестных продавцов (продавших им контрафактные программы под видом лицензионных). Чтобы присоединение к ВТО не нанесло России вред в этой сфере, сначала надо обуздать транснациональных монополистов, злоупотребляющих своим монопольным положением в глобальном масштабе и потому непосредственно виновных в появлении массовой «контрафактной» продукции.

О реальных новых возможностях встраивания российских предприятий в транснациональные технологические цепочки вообще не известно ничего конкретного. Не вдаваясь в дискуссии о том, выгодно ли это России (производства будут загружены, но в стране будет оставаться только зарплата и незначительная часть налогов, а прибыль будет уходить за границу), отметим: в данной сфере современные транснациональные корпорации вполне эффективно обеспечивают свои интересы и без ВТО.

Те сотни российских предприятий, технологический уровень и профиль которых соответствует их потребностям, так или иначе уже включены в их состав либо в их технологические цепочки. Присоединение России к ВТО не изменит ни потребности глобальных корпораций, ни число соответствующих их требованиям российских предприятий.

Таким образом, основным содержательным аргументом в пользу «прыжка в ВТО» являются антидемпинговые расследования, потери от которых оценивались либеральными фундаменталистами в 2000 году в 2,1 млрд. долл. — чуть более *2%* от экспорта.

В 2006 году, говоря в одной из солидных закрытых аудиторий о потерях от неприсоединения к ВТО, которые якобы

растут с каждым годом, Греф назвал 2,5 млрд. долл., практически ту же самую величину, — при том, что экспорт в 2005 году вырос почти в 2,5 раза.

Принципиально важно, что в случае присоединения России к ВТО вместо антидемпинговых расследований против нее будут применяться компенсационные меры, потери от которых будут примерно такими же. Так, знаменитое ограничение импорта стали в США ударило по 20 странам, из которых Россия была единственной страной — не членом ВТО.

Либеральные фундаменталисты подчеркивают, что вступление в ВТО позволит создать новый рычаг преобразования государства. При этом полностью игнорируется тот самоочевидный факт, что российское государство не только должно, но и может повышать свою эффективность без внешнего давления, которое может привести к последовательному проведению социально-экономической политики в интересах не России, но ее конкурентов (как это было, как минимум, в 1995-1998 годах).

С макроэкономической точки зрения присоединение России к ВТО — совершенно непростительная роскошь. В страну с относительно неблагоприятным (несмотря на улучшения последних лет, вызванные притоком нефтедолларов) инвестиционным климатом, инвестиции в массовом порядке приходят, только если в нее не могут прийти товары. Широко рекламируемые исключения вроде Болгарии, у которой с инвестиционным климатом и до присоединения к ВТО все было в целом в порядке (и инвестиции в которую пришли из-за ее присоединения не к ВТО, а к Евросоюзу), на деле лишь подтверждают правило.

Для стран, инвестиционный климат у которых, как у России, гарантированно хуже инвестиционного климата развитых стран, существует простая и жесткая дилемма «либо товары, либо инвестиции». Мы своими глазами на протяжении всей экономической реформы видим, что российский автомобильный рынок проще осваивать, инвестируя

в строительство заводов в Узбекистане, Чехии и Германии, рынок мобильной связи — в предприятия Эстонии, бытовой электроники — в предприятия Юго-Восточной Азии, рынки качественной сантехники и обуви — в предприятия Европы, текстиля — в предприятия Турции и Китая. Исключения локальны и, как и в случае с Болгарией, лишь подтверждают общее правило. Так, стимулирование Грефом и компанией «отверточной сборки» импортируемых автомобилей убивает российскую промышленность комплектующих.

В целом присоединение к ВТО распахивает внутренний рынок именно для товаров, закрывая его для инвестиций.

Сегодняшняя открытость российского рынка вызвана беспрецедентно благоприятной внешней конъюнктурой. Неизбежное (если не по внешним, то по внутренним причинам) ухудшение экономической конъюнктуры сделает привычную за последние годы открытость непосильной и потребует умеренных протекционистских мер. Это общий для всех непреложный экономический закон.

Всякое снятие ограничений для свободной конкуренции идет на пользу более сильному ее участнику и наносит удар по более слабым. Переживающая национальную катастрофу, по-прежнему деиндустриализирующаяся Россия с ее не столько вымирающим, сколько дебилизирующимся населением и неадекватным управлением является исключительно слабым участником международной конкуренции. Желание снять барьеры для нее, не проводя модернизацию, превращает нашу экономику в трехлетнего ребенка, вылезающего на ринг против Майка Тайсона. «Прыжок в ВТО» служит исключительно интересам наших стратегических конкурентов — транснациональных корпораций, стремящихся навсегда обеспечить себе свободный доступ на емкий внутренний рынок России.

Либеральные же фундаменталисты, как обычно, истово обслуживающие интересы наиболее сильного бизнеса — в данном случае транснациональных корпораций, «взломавших» рынки России и намеренных увековечить это поло-

жение, — проводят по вопросу присоединения к ВТО враждебную нашей экономике и разрушительную для нее политику.

Фиктивно-демонстративное государство

Существенно, что современное российское государство совершенно не приспособлено к достаточно жестким требованиям ВТО.

Захватившие экономическую власть либеральные фундаменталисты привычно рассматривают государство не как структурообразующий элемент рынка, но как его непримиримую противоположность. Поэтому они в принципе не видят и не хотят видеть ситуаций, когда единственным инструментом обеспечения экономической свободы является государственное регулирование.

В результате последнее действительно существует преимущественно как способ зарабатывания денег коррумпированным чиновничеством, а не как инструмент проведения нужной стране политики. Именно поэтому в России оно носит фиктивно-демонстративный характер: избыточно там, где без него можно обойтись (например, в сфере выдачи всевозможных разрешений), и недостаточно — там, где оно совершенно необходимо (например, процесс присоединения к ВТО стал замечательным поводом для уничтожения по требованию олигархов мешавшей им, при всей своей слабости, системы стандартизации, что разрушило основы технологической безопасности).

Россия почти не применяет таких почти повсеместно распространенных инструментов защиты рынка, как нетарифные ограничения торговли товарами. Экономические «гуру» либералов заявляют, что низкий курс рубля защищает рынок надежнее любых осознанно применяемых инструментов — хотя реальный курс рубля вернулся на преддефолтный уровень. В результате прирост потребления вновь, как перед дефолтом 1998 года, на 70-80% покрывается за

счет наращивания импорта. Из-за незащищенности национальных рынков даже рост внутреннего спроса, вызванный исключительно благоприятной внешней конъюнктурой, перестает стимулировать российских производителей и становится фактором прогресса и обогащения наших стратегических конкурентов.

В этих условиях вступление в ВТО не просто лишит Россию общепринятых и необходимых, цивилизованных инструментов защиты рынков. Наша страна окажется в положении, когда любое ухудшение конъюнктуры (причем не только по внешним, но и, возможно, по внутренним причинам) вынудит ее ради сохранения экономики идти на нецивилизованные меры и по сути дела на собственную варваризацию.

Выбор будет невелик: либо со скандалом выходить из ВТО, чтобы поддержать свою конкурентоспособность, либо идти на новую разрушительную девальвацию (или новое качественное усиление коррупции, которая также является барьером доступа на рынок).

Присоединение в ВТО объективно требует от страны наличия не только цивилизованного регулирования внешней торговли, но и значительной подготовительной работы, которая в последние семь лет постоянной крикливой реформаторской пропаганды и подавления оппонентов практически не велась.

Главной опасностью представляется чудовищный провал в сфере подготовки специалистов. Ведь соглашения ВТО представляют собой прежде всего изощренный, во многом казуистический свод правил по ведению международных торговых споров. Для защиты своих интересов ее членам нужны целые армии высококвалифицированных юристов и экспертов. Да и национальный бизнес должен быть организован строго определенным образом; так, к рассмотрению принимаются, как правило, обращения отраслевых ассоциаций, на долю которых приходится не менее 40% производства соответствующих товаров.

На государственном уровне ничего этого в России даже не начали готовить. Оголтелая рекламно-пропагандистская кампания, которую вели либеральные фундаменталисты, заняла все их силы и время; «пар ушел в свисток».

В ходе переговоров о присоединении к ВТО каждая страна согласует график приведения своего внешнеторгового режима в соответствие с жесткими правилами этой организации. Чтобы продлить этот переходный период и сделать процесс присоединения максимально комфортным, большинство стран перед его началом старается максимально ужесточать защиту рынков.

Россия же поступила строго наоборот: средневзвешенный импортный тариф как раз накануне начала «прыжка в ВТО» был снижен почти вдвое — с 16% в 1999 году до 10%. Если Россия присоединится к ВТО в сегодняшних условиях, она уже никогда не сможет повысить общий уровень импортных тарифов (повышая их на одну группу товаров, придется снижать на другую, оставляя без защиты новые сектора рынка), даже если ухудшение конъюнктуры создаст категорическую необходимость этого.

Преградой на пути в ВТО стало и полное отсутствие у Грефа и его компании представления об отраслевых приоритетах. Само понятие «промышленной политики» не используется в программных документах правительства, а длительное время и вовсе считалось ругательством.

Между тем отсутствие стратегических национальных приоритетов (не считая, конечно, все менее правдоподобных «нанотехнологий») делает осмысленные переговоры с членами ВТО попросту невозможными. Ведь, не имея четких приоритетов, никто не знает, какие отрасли будут развивать, а какие нет и, соответственно, какие отрасли нужны, и их надо защищать, а какими можно пожертвовать.

При этом многие слабые, но необходимые для развития общества отрасли не могут сами лоббировать свои интересы. Поэтому в отношении них не удастся реализовать регулирующие возможности тарифа даже в рамках правил

ВТО; унификация же таможенных ставок подрывает возможность государства развивать те или иные направления и тем самым проводить осмысленную политику.

Либеральные фундаменталисты, подталкиваемые не только международными лоббистами, но и российскими газовиками, купили согласие Евросоюза на присоединение России к ВТО ценой взятия обязательства повышать внутренние оптовые цены на газ опережающими и заведомо непосильными для российской экономики темпами.

При анализе разумности форсированного вступления в ВТО представители России должны исходить из тенденций развития не только нашей собственной страны, но и всего остального мира.

ВТО ориентирована на глобальную интеграцию, — а в мире все большее значение приобретает интеграция региональная. Два ее центра — НАФТА (североамериканская зона свободной торговли, объединившая США, Канаду и Мексику) и Евросоюз — в обозримом будущем могут быть дополнены Юго-Восточной Азией.

В этих условиях развитые страны все больше ориентируются на интересы региональной интеграции, зачастую скрыто или даже явно саботируя деятельность и решения ВТО. В целом же попытки дальнейшего снятия торговых барьеров упираются в нежелание развитых стран поступаться коммерческими интересами, с одной стороны, и угрозу разрушения экономик развивающихся стран — с другой.

Попытки качественного прорыва в виде взимания компенсации за экологический и социальный демпинг (то есть за недостаточные расходы на окружающую среду и социальные нужды, трактуемое некоторыми представителями развитых стран как скрытое субсидирование экспорта), предпринятые в 2003 году, означали лишение стран с низкой зарплатой и низкими затратами на экологию (то есть всех развивающихся стран) их едва ли не единственного конкурентного преимущества, позволяющего им выживать, и потому успеха не имеют.

В этих условиях США стремятся как можно быстрее затянуть Россию в ВТО в том числе и для того, чтобы не дать ей войти в экономическую «орбиту» их стратегических конкурентов — Евросоюза и Китая.

Россия может «вскочить в отцепленный вагон», «в последнее мгновение успеть на "Титаник"»: вступить в ВТО именно тогда, когда развитые страны (в первую очередь Евросоюз, в который направляется более 45% экспорта России и с рынками которого связаны основные надежды на вступление в ВТО) начнут откровенно, а не скрыто, как сейчас, пренебрегать ее правилами, усиливая региональный протекционизм. В итоге мы понесем убытки от открытия перед глобальной конкуренцией, но не приобретем никаких значимых выгод — нас все равно не пропустят на рынки развитых стран, ибо те начнут «играть уже в другую игру», и открытие российских рынков станет односторонним, а значит — вдвойне разрушительным. Как говорят китайцы, «политика открытых дверей означает, что дверь будет открыта в ту или другую сторону, но никогда в обе одновременно».

Помощь в развитии и гуманитарные проблемы

Россия должна прекратить расточительную практику бессмысленного спонсорства по отношению к странам «третьего мира» (только за последние 3 года Россия списала более 40 млрд. долл. долгов развивающихся стран, оказав им большую помощь, чем весь остальной мир; кроме того, наша страна уже списала или обязалась списать долги африканских стран в размере 11,3 млрд. долл.).

Всякая гуманитарная помощь, включая списание и реструктуризацию долгов, может осуществляться исключительно в обмен на конкретные коммерческие или политические уступки.

Это отнюдь не означает грабительской политики; так, при освоении ресурсов слаборазвитых стран Россия долж-

на, как раньше Советский Союз, а сейчас Китай, предлагать лучшие условия, чем западные корпорации, в первую очередь за счет развития инфраструктуры, здравоохранения и образования. Это означает лишь, что российские инвестиции за рубежом, в том числе осуществляемые в форме гуманитарной помощи, должны окупаться в коммерческом и политическом смыслах, а не представлять собой бессмысленное расточение скудных материальных ценностей.

Россия должна сознавать, что из-за ее относительной слабости доступная для нее гуманитарная помощь не в силах уменьшить масштабы страданий в мире; в то же время те же и даже меньшие ресурсы, направленные на развитие самой России под контролем российского государства, способны кардинально уменьшить масштабы страданий в самом российском обществе, перед которым российское государство, в отличие от слаборазвитых обществ — получателей гуманитарной помощи, несет прямую ответственность.

Защита прав граждан России и соотечественников

Следует со всей решительностью прекратить практику систематического унижения граждан России и иностранцев, стремящихся сотрудничать с Россией, российскими посольствами, консульствами и торгпредствами как отвращающими от нашей страны даже ее собственных граждан.

Российская дипломатия должна осознать себя не как инструмент насилия государства над гражданами России и желающими сотрудничать с Россией, но как законный и естественный инструмент реализации неотъемлемых прав указанных категорий людей (если, конечно, «сотрудничество с Россией» иностранцев не направлено объективно ей во вред).

Помимо выполнения российскими дипломатическими учреждениями за рубежом сегодняшних функций, они должны выполнять сервисные функции по отношению к граж-

данам России и иностранцам, стремящимся к добросовестному сотрудничеству с нею.

Любой гражданин России должен чувствовать там себя как дома и получать активную, инициативную поддержку.

Более того: поскольку мы стремимся к лидерству на постсоветском пространстве, таким же должно быть отношение и к гражданам постсоветских государств, по крайней мере, русской культуры: они должны поддерживаться российскими дипломатическими учреждениями как потенциальные граждане России.

Российские дипломатические учреждения должны быть мостом, соединяющим россиян с Родиной, инструментом поддержания и пропаганды российского образа жизни.

Защита граждан России и соотечественников на постсоветском пространстве, не должна носить лицемерно избирательного характера и должна касаться не только наиболее, но и наименее развитых стран. В то же время, разумеется, интенсивность этой защиты может меняться для достижения тех или иных конкретных целей (как меняется, например, интенсивность борьбы «международной общественности» с антисемитизмом, на проявления которого в Латвии и на Украине закрывают глаза).

Возврат российской собственности и культурных ценностей

Россия обладает колоссальной собственностью за рубежом, права на которую не актуализованы (часто с царских времен, иногда с советских) и нуждаются в установлении при помощи юридических процедур. Реализация прав собственности на колоссальные латентные активы России за рубежом даст нашей стране не просто материальные ценности, способные приносить значительный постоянный доход, но основу для инфраструктуры разнообразного влияния на значимые для России страны и общества, в первую очередь коммерческого и культурного.

Следует ясно заявить о наличии материальных претензий к странам, удерживающим у себя принадлежавшие государству ценности, вывезенные из России царской семьей, белогвардейцами, фашистами во время Великой Отечественной войны или не возвращенные России развитыми странами под предлогом установления в ней Советской власти.

Существенно, что без признания этих претензий и как минимум начала их удовлетворения никакие встречные претензии по поводу «возврата перемещенных культурных ценностей» российской стороной не должны даже рассматриваться.

Даже в случае юридической несостоятельности (которая отнюдь не самоочевидна) подобных претензий, их выдвижение и поддержание представляется действенным инструментом давления на развитые страны, который следует использовать в качестве «переговорной позиции для размена» при достижении компромисса по широкому кругу вопросов.

Из ловушки «прав человека» — к обеспечению прав личности

Права человека в их понимании, установленном еще Хельсинским совещанием в 1975 году, используются Западом как универсальный casus belli, оправдывающий любую агрессию, даже если она ведет к значительно более масштабному нарушению прав человека, чем те нарушения, которые первоначально были использованы как ее формальный повод.

Приняв эту порочную логику, Россия не только утратит независимость от Запада, превратившись в его эксплуатируемый придаток, но и сама поставит себя в положение «вечно виноватой», создав тем самым предпосылки для будущей агрессии против себя.

Для избежания этой ситуации следует осознать: термин «права человека» — результат механического (и, отчасти, осознанно деструктивного) экспорта западных стандар-

тов демократии на не подготовленную для них почву (в том числе отечественную).

Западное понимание «прав человека» и демократии исходит из безусловной способности большинства общества самостоятельно защищать свои права и потому молчаливо предполагает необходимость защиты исключительно прав меньшинства, ограничиваемых большинством. Когда интересы большинства в силу высокой развитости общества защищаются автоматически, это соответствует интересам общества в целом.

Но в России большинство общества в силу объективных причин не способно само защищать свои интересы. В этих условиях энергичная и эффективная защита прав меньшинств (да еще и, как правило, поддерживаемая извне) объективно превращается в отрицание прав большинства, — в, по сути дела, антиобщественную, антидемократическую, деструктивную деятельность (так как общество в целом — это в первую очередь его большинство, а не меньшинства).

Российское государство обязано защищать интересы в первую очередь именно большинства и потому должно открыто переформатировать задачу обеспечения разрушительных для него «прав человека» в задачу обеспечения жизненно необходимых для его развития неотъемлемых «прав личности» — на жизнь, жилье, образование, здравоохранение, труд, доступ к информации, участие в управлении, самовыражение и т.д..

Только в ходе решения этой задачи Россия из синонима авторитарной дикости и тупого насилия станет для мира символом, образцом и доступным примером современного глобального развития.

Только так мы сможем достичь цели нынешнего этапа своего развития — вернуть России утраченное глобальное лидерство (разумеется, вместе со всеми приносимыми им дивидендами).

ОБЪЕКТЫ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Государства: отделение суверенов от марионеток

Процессы утраты и делегирования суверенитетов существенно меняют реальную, а не формально-административную политическую карту мира. Слабые государства, как показывает пример Грузии, правительство и президент которой содержатся не грузинскими, но американскими налогоплательщиками, передают суверенитет более сильным, а относительно сильные государства, как показывает пример Евросоюза, — региональным наднациональным властям.

Строго говоря, в рамках Евросоюза реальный суверенитет сохраняет лишь Великобритания. С остальными, даже Германией, Францией и Италией, надо обращаться как с добровольными рабами безответственной и ограниченной брюссельской бюрократии, конструктивный диалог с которой в силу ее органических особенностей пока не возможен в принципе.

Глобальные корпорации

Глобальные корпорации оказывают огромное влияние не только на мировую экономику, но и на мировую политику. Отношения с ними не менее важны для государства, чем отношения с национальным бизнесом, и должны выстраиваться как в коллективном качестве (через участие высокопоставленных представителей государства во встречах представителей международного бизнеса с внятными ориентировками), так и в ходе индивидуальных переговоров и консультаций.

Необходим постоянный мониторинг интересов глобальных корпораций, так как в своих интересах они способны

оказывать серьезное давление на национальные государства как прямо, так и с привлечением усилий ряда развитых стран. При этом часто они выступают непосредственными операторами развитых стран (прежде всего США), прямо осуществляя их интересы в экономической сфере.

Россия должна поддерживать с глобальными корпорациями дружеские отношения, иметь хорошую репутацию, привлекать их для решения локальных (прежде всего технологических) проблем и ни при каких условиях не допускать их проникновения на «командные высоты» российской экономики. На практике это означает, что их надо выбросить из энергетического сектора, нанеся им значительный ущерб, и при этом сохранить с ними прекрасные отношения. Несмотря на внутреннюю противоречивость, эта задача решаема (особенно с учетом опыта глобальных корпораций, многие из которых имеют опыт вынужденного ухода из колоний; кроме того, они, как правило, уже с лихвой окупили свои незначительные вложения в Россию).

Глобальные управляющие сети

Глобальные управляющие сети не формализованы и не устойчивы; постоянное изменение их конфигурации дополняется изменением их относительной значимости.

Тем не менее именно эти перетекающие друг в друга клубки влияния являются сердцем глобальной политики. Именно в них зарождаются идеи, ценности и интересы, которые движут «массовую» политику.

Чтобы опережать события и участвовать в формировании глобальных сетей, а не плестись в их хвосте, становясь их заложником, чтобы участвовать в формировании глобальной «повестки дня» и «правил игры», а не быть их беспомощной жертвой, российское государство должно:

- иметь своих надежных представителей в этих сетях;
- оперативно отслеживать и анализировать их развитие;

• иметь возможность постоянно, а не эпизодически, и эффективно влиять на них;

• стараться формировать собственные сети, удерживая стратегический контроль за ними даже в ущерб их тактической эффективности.

Исламский мир: новый Коминтерн

Экспансия радикального ислама вызвана тем, что созданный Западом мировой порядок лишает две трети человечества возможности жить в соответствии со стандартами потребления, навязываемыми глобальной западной же рекламой и вынуждает массы людей искать справедливости вне существующих правил игры. Обещая доступное каждому достижение справедливости и воплощение морали, ислам выступает прямым наследником коммунизма.

Он может изжить одну из своих слабостей, обретя государственную субъектность в лице объединенного государства Талибан (или, для шиитской части исламского мира, в лице Ирана, особенно после обретения им прямого контроля над шиитской частью Ирака).

Однако его неискоренимая слабость заключается в том, что из-за отсутствия собственных технологий и финансовой системы его представители вынуждены держать критически значимую часть своих активов в юрисдикции своего стратегического конкурента — Запада. Это обусловливает его несамостоятельность и манипулируемость.

Соперничество между Западом и Китаем за использование исламской экспансии в качестве «ледокола» против своих стратегических конкурентов выиграет более однородный культурно и лучше управляемый Китай. Запад неминуемо перейдет к использованию ислама против различных своих элементов (США будут науськивать исламскую экспансию на Евросоюз, континентальная Европа— на Великобританию и т.д.).

Россия должна научиться манипулировать радикальным исламом, направляя его экспансию в выгодном ей направлении или, как минимум, отстраняя ее от себя.

Необходимо приобрести иммунитет против него (в тактическом плане — за счет искоренения коррупции и повышения уровня жизни), став для него отчасти «своей», объединив в своей будущей идеологии представителей различных религий, в том числе и мусульманской.

При этом формирование в России справедливого государства, ответственного перед своими гражданами и объединяющего их на наднациональной и надрелигиозной основе снизит привлекательность радикального ислама, так как покажет более универсальный и общедоступный путь к реализации естественных человеческих представлений о справедливости.

Глобальная преступность

Понятно, что всерьез говорить о наличии местной гражданской власти, например, в Косове не имеет смысла. Эти власти являются в подобных регионах и даже государствах простой декорацией, прикрывающей мультинациональные по сфере своей деятельности и, как правило, этнические по своей природе организованные преступные сообщества.

Как бы ни было неприятно, именно они являются реальными субъектами политики, и именно с ними в случае необходимости придется решать насущные проблемы (например, освобождение заложников, сокращение или изменение маршрутов наркотрафика, ограничение террористической активности и так далее).

Государство должно иметь интерфейс для взаимодействия с подобными структурами (в виде спецслужб и доверенных экспертов), анализа их деятельности и воздействия на них способами, доступными их восприятию (включая прямое уничтожение их чувствительных элементов).

Не следует забывать, что борьба с российской оргпреступностью и коррупцией не может вестись только в рамках России, она неминуемо будет глобальной и потребует в этом качестве сотрудничества не только с мировым правоохранительным сообществом, но и с зарубежными, в том числе транснациональными конкурентами «российской мафии».

Прочие сетевые структуры

Глобализация, упростив коммуникации, качественно повысила значимость сетевых структур, включая культурные и религиозные. По мере роста миграционных процессов особенно растет политическая роль диаспор, которые к тому же, как правило, нуждаются в политической поддержке и готовы принимать ее со стороны представителей третьих стран. Так как соответствующие сферы являются важной составляющей личности человека, соответствующие сетевые структуры исключительно важны для формирования общественного мнения и потому должны эффективно использоваться российским государством.

При этом оно, разумеется, должно и само создавать глобальные сетевые структуры, формально никак не связанные с ним, и использовать их для достижения своих внешнеполитических целей.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Китай: сдерживание партнера

Россия должна использовать колоссальные возможности Китая, придав его экспансии выгодные себе формы и направления и используя его в качестве противовеса Западу. Ради этого придется идти и на временные ухудшения отношений.

Строя замкнутую, максимально удовлетворяющую свои потребности экономику, Китай сужает глобальный рынок так же, как в 30-е годы XX века грозили сузить его Германия, Италия и Япония. Именно в этом сужении заключается главная угроза, создаваемая им развитым экономикам. Китай не понимает ее сути, как не понимал ее Гитлер (а Рузвельт понимал с предельной ясностью).

При этом Китай, живя за счет экспорта, зависит от подрываемого им Запада. Проявление этого — поддержка в 2006 году «на плаву» доллара. В результате, выигрывая конкуренцию у Запада, он тем самым наносит ущерб себе. Поэтому в стратегическом отношении он обречен на состояние равновесия с ними не может одержать победы, хотя и может приближаться к ней сколь угодно близко.

Рост населения ставит Китай на грань экологической катастрофы; обостряющаяся нехватка ресурсов будет подстегивать китайскую экспансию, даже если она останется стихийной. В частности, споры из-за воды, катастрофического загрязнения окружающей среды и браконьерства на российской территории будут нарастать.

России от Китая, как и от ислама, нужна прежде всего безопасность. Поэтому, всемерно развивая сотрудничество, мы должны надежно и наглядно гарантировать невозможность военного захвата никакой части наших территорий к востоку от Урала.

Необходимо надежно защитить себя от политических последствий китайской экспансии (включая разрушение этнополитического баланса и утрату контроля за территориями к востоку от Урала), используя ее для получения неисчерпаемого ресурса дисциплинированной и трудолюбивой рабочей силы. Для этого следует в том числе изучить и творчески использовать опыт Мохатхира, в течение 20 лет лишившего китайский капитал всякого политического влияния, но при этом сохранившего его позитивное (и преобладающее) участие в экономике Малайзии.

В то же время следует учитывать крайне низкую ассимилятивную способность китайцев. Это народ, возможность

перемалывания которого в русскую нацию крайне сомнительна; соответственно, пока не выработано рецепта такой интеграции, приток китайцев в Россию и особенно в ее восточные регионы должен ограничиваться.

В перспективе Китай представляет собой сужающийся рынок для оружия и технологий, расширяющийся — для сырья. Идя за китайским спросом, мы попадем в «сырьевую ловушку», переориентируясь с технологий на поставку преимущественно сырья. Необходимо, в том числе против воли китайской стороны, переходить на переработку все большей части экспортируемых материалов на своей территории, повышать дисциплину экспорта и выкорчевывать организованную преступность, в том числе этнически китайскую (иначе экспорт природных ресурсов в Китай будет оставаться криминальным и потому экономически бессмысленным для России). На определенных этапах это может вызывать напряжения в отношениях с Китаем, однако без этого Россия просто прекратит существование в современных границах в течение 10, максимум 15 лет.

Необходимо поддерживать подавляющее, не подлежащее сомнению преимущество над Китаем в ядерном, космическом, авиационном оружии, а также в системах ведения огня, размещенных в регионах, прилегающих к российско-китайской границе.

Россия должна сохранить доминирующее влияние в Средней Азии, остановить и повернуть вспять набирающий обороты ее переход под преобладающий контроль Китая (на что объективно нацелена Шанхайская организация сотрудничества). Соответственно, нельзя допустить полномасштабной реализации проекта трансъевразийской магистрали из Китая через Среднюю Азию в обход территории России.

Китай является для России важным примером эффективной государственной политики и создания высокотехнологичных производств «на пустом месте».

Так как китайский бизнес носит глобальный и сетевой характер, при сотрудничестве с Китаем надо учитывать ресурсы «Большого Китая», включающего, наряду с его континентальной частью, Тайвань, Сингапур, ряд стран Юго-Восточной Азии с доминирующей ролью китайского капитала в экономике, а также многочисленные китайские экономические анклавы по всему миру. В то же время многие вопросы с Китаем можно урегулировать за счет включения в число рассматриваемых проблем его интересов на территории третьих стран.

Принципиально важно ни при каких обстоятельств не упускать из виду специфики китайской цивилизации — наиболее древней из существующих, породившей добившуюся наиболее впечатляющих результатов систему управления, наиболее приспособленной к коллективной глобальной конкуренции.

Постсоветское пространство: изживание хаоса

Ни одно из постсоветских государств (единственным и. не бесспорным исключением является сама Россия) не продемонстрировало способности к самостоятельному развитию и даже существованию. Их деградация очевидна. За исключением Прибалтики, поддерживаемой и контролируемой Евросоюзом, постсоветское пространство генерирует хаос, захлестывающий Россию.

Россия вынуждена ликвидировать этот хаос, для чего необходимо обеспечить развитие постсоветского пространства, приносящее прибыль России и ее бизнесу (так как на простое кормление соответствующих стран не хватит никаких ресурсов; за это не смог взяться даже Запад).

Для обеспечения развития постсоветского пространства Россия должна контролировать его. Ключевой элемент совмещения контроля с развитием — переход в собственность российских государственных корпораций (правда, нужно еще восстановить контроль за ними самого российского го-

сударства) всей инфраструктуры и привлекательных активов постсоветского пространства в обмен на поставку энергоносителей по низким ценам, позволяющим развивать соответствующие производства.

Для реализации соответствующего «большого размена» (собственность и фактически суверенитет в обмен на энергию) необходимо создание мощных пророссийских лобби и оппозиционных политических структур с молодыми привлекательными лидерами во всех странах постсоветского пространства.

Стратегической целью является *воссоединение в рамках единого государства* России, Белоруссии и Казахстана, а затем и Украины (за исключением, возможно, Западной, но не Закарпатской) как стран, экономики которых образуют единый комплекс, не способный к нормальному функционированию в разделенном состоянии. Весьма существенным является и невозможность создания полноценной границы России с этими странами, в то время как внешние границы Белоруссии и Украины в основном унаследованы от СССР, а граница Казахстана с остальными государствами Средней Азии частью обустроена, частью носит естественный характер и потому поддается обустройству относительно легко.

Вкладом Казахстана явится во многом модернизированная элита, Украины — навыки стихийной демократии и самоуважение граждан, Белоруссии — некоррумпированные силовые структуры, России — средства и энергоносители.

Объединенное государство может расширяться за счет присоединения к нему других государств, если это экономически целесообразно, однако изложенная конфигурация является минимально целесообразной.

В стратегическом плане необходимо рассматривать не только русских, но и все население постсоветского пространства, обладающее русской или близкими к ней культурами, как разделенный народ (подобно разделенным немецкому и корейскому народам), объединение которого неизбежно и является стратегической целью российского государства.

Принципиальной задачей России является *сохранение* своего *доминирования в Средней Азии* и особенно в Казахстане. Систематическое вытеснение ее китайским влиянием, осуществляемое в том числе через Шанхайскую организацию сотрудничества, должно быть остановлено и повернуто вспять.

В частности, нельзя допустить реализации ни одного проекта строительства газопровода из Казахстана в обход территории России, так как такой газопровод вне зависимости от того, пойдет он на восток (в Китай) или на запад (по маршруту Баку — Тбилиси — Джейхан), неминуемо отсечет Россию от жизненно необходимого ей газа Туркмении и Узбекистана.

Более того: характер установившегося в Туркмении политического режима делает вполне возможной его демократизацию, в результате которой население Туркмении получит существенный рост доходов (за счет справедливого распределения выручки от экспорта газа), а Россия — уверенность в сохранении ориентации Туркмении именно на ее рынок.

Необходимо либо прекратить *функционирование Каспийского трубопроводного консорциума (КТК),* прямо нарушающего российское законодательство и создающего конкуренцию российской нефти, в том числе и в черноморских проливах, где она из-за политической позиции турецкого руководства становится недобросовестной, либо привести режим функционирования КТК в соответствие российскому законодательству.

Следует сделать все возможное для прекращения функционирования трубопроводов по маршруту Баку — Тбилиси — Джейхан как нарушающих стратегические интересы России.

Проблема *непризнанных государств* должна решаться с точки зрения интересов их населения. Попытки организации геноцида абхазов и осетин сделали невозможным пребывание Абхазии и Южной Осетии в составе Грузии. В то

же время основную часть населения этих республик составляют граждане России, которых она обязана защищать. Поэтому Абхазия и Южная Осетия должны быть признаны в качестве независимых государств, а по возможности — быть приняты в состав России (это поможет справиться и с соответствующими преступными группировками).

Приднестровье занимает особое место, так как фашистский режим молдавских национал-демократов утратил власть еще в 1995 году, и в настоящее время между Молдавией и Приднестровьем не существует межнационального конфликта. Проблема локализована исключительно в политической плоскости и потому поддается соответствующему решению. Однако интересы России и населения Приднестровья при определенном поведении Евросоюза могут требовать независимости последнего, и в этом случае все необходимые меры должны быть приняты.

При рассмотрении проблемы *Нагорного Карабаха* не стоит забывать, что корни напряженности между армянами и азербайджанцами (которые в начале XX века считались еще ветвью турецкого народа) уходит в геноцид армян, проведенный младотурками. Попытка решения проблемы Нагорного Карабаха в отрыве от проблемы признания геноцида малоперспективна, как и любая попытка исправить следствие, не трогая причину.

Поэтому Россия может предложить путь решения проблемы, основанный на признании Турцией ее первопричины — геноцида армян — с принесением государственных извинений и последующей выплатой существенных компенсаций. По мере осуществления этой выплаты армяне должны будут поэтапно освободить занятую в ходе карабахской войны территорию Азербайджана, сохранив за собой Нагорный Карабах и надежный транспортный коридор, соединяющий его с остальной Арменией.

Существенно, что Турция, признав геноцид, устранит таким образом одно из ключевых препятствий своего принятия в вожделенный для нее Евросоюз, причем сделает это

не под давлением, а в порядке оказания помощи родственному государству.

Обмен территорий на признание общеизвестного исторического факта колоссального морального значения, при всей своей сложности и неоднозначности, позволит всем участникам мирного процесса получить желаемое, сохранив достоинство и ощущение собственной правоты.

Важная проблема постсоветского пространства — экспансия татар в Крыму, которая через 10—15 лет может создать Украине (а с ней и объединенному государству, если его удастся создать) некоторый аналог российской Чечни.

Прибалтика, возглавляемая выходцами из США, должна продолжать жить на средства Евросоюза. Финансирование ее за счет российских денег (в том числе за счет транзита) должно быть сокращено до неизбежного минимума. Это положение должно сохраняться, пока руководство стран Прибалтики не захочет развивать сотрудничество с Россией.

Калининградская область должна перестать быть «черной дырой» в российской таможенной границе. Разумно превратить ее в финансовый оффшор для европейских (но не для российских) капиталов, выкачивающий «горячие деньги» Евросоюза после ликвидации банковской тайны в Швейцарии и Австрии.

Справочно

СРЕДНЯЯ АЗИЯ — БРОШЕННЫЙ КЛЮЧ К БУДУЩЕМУ РОССИИ

Уран и газ — будущая основа российской энергетики

«Сжигать нефть— все равно что топить ассигнациями». Удорожание нефти сделало эту максиму великого экономиста Менделеева руководством к действию. Но альтернативные источники энергии — от ветряков до растительного топлива — остаются коммерчески эффективными лишь в редких условиях:

в бразильской сельве, на голландском ветродуе и под солнцем пустынь. В остальном они дотируются государством, — например, через более низкие по сравнению с обычным топливом налоги.

Ключевое значение приобретают газ и атомная энергия. Продвигаемая лоббистами и безграмотными чинушами в очередную редакцию (от ее качества хочется писать на Интернет-сленге — «рЫдакцию», от слова «рыдать») Энергетической стратегии идея замещения газа углем — попытка воплощения в жизнь сатирического лозунга «Феодализм — светлое будущее человечества!»

Забудьте песни о водородной энергетике и торсионных полях: в ближайшем будущем энергию будут давать газ и уран. Мировое потребление газа, по оценкам, будет расти настолько быстрее нефти, что его цены смогут «отвязаться» от нефтяных.

С другой стороны, Китай приступил к беспрецедентной программе развертывания ядерной энергетики. О схожих намерениях заявило руководство Ирана, но ожидаемый удар США разрушит их.

Эта тенденция открывает новые перспективы перед Россией — родиной атомной энергетики и средоточием крупнейших в мире запасов газа, но тупость и корысть бюрократии может, как мы видели много раз, свести на нет самые благоприятные предпосылки.

Огромные запасы урана, произведенные чудовищной ценой, массовым героизмом советских людей, были по дешевке «загнаны» нашим стратегическим конкурентам — американцам. И сапожник остался без сапог: по оценкам, даже без намеченного роста масштабов потребления России хватит урана лишь на 5-6 лет. К тому времени нам надо будет либо взять под контроль месторождения урана Средней Азии (прежде всего Таджикистана и Киргизии), либо импортировать его, в том числе и по ценам, сводящим на нет ценовые преимущества атомной энергетики.

Не лучше ситуация и в газодобыче: «Газпром», похоже, превращен в кошелек одной из правящих группировок, — а ко-

шельком нельзя бурить. В итоге производство газа растет за счет независимых производителей, но их возможности ограничены.

Результат — политика жестокой экономии. В силу коммерческой мотивации нашего руководства эта экономия служит не развитию страны или росту ее влияния, но прибыли «Газпрома». В 2005-2006 годах потребление относительно дешевого газа сокращалось в СНГ, а сейчас пришло время России. К 2011 году намечено довести внутреннюю цену газа до сегодняшнего уровня наиболее развитых стран Евросоюза (за вычетом транспортных издержек).

Никого не волнует ни то, что как раз к 2011 году цены на энергоносители, включая газ, могут наконец снизиться (тогда российский газ будет стоить России дороже, чем Европе), ни то, что намеченный уровень внутренних цен на газ примерно вдвое выше уровня, определяемого на основе долгосрочных средних издержек «Газпрома» и считающегося даже международными экспертами разумным уровнем цен (этот уровень достигнут как раз в 2007 году). Даже представители глобальных энергетических корпораций вынуждены указывать, что намеченное на 2008-2010 годы удорожание газа будет уничтожать уже не только отсталые, но и эффективные по глобальным меркам производства!

Но голоса здравого смысла, раздающиеся даже и с Запада, по-прежнему недоступны для ослепленных ростом дивидендов и капитализации, не говоря уже о скрытых прибылях, государственных лоббистах «Газпрома».

Небрежение собственной газодобычей требует для поддержания экспорта и минимума национального потребления контроля за газом Туркмении и Узбекистана, без которого европейская часть России уже не может существовать.

Вскрытие «Хартленда»

Преступная политика «редукции» России до границ XVII, а то и XV веков, де-факто проводимая последние два десятилетия национального предательства даже под самыми патриотич-

ными лозунгами, лишил нашу Родину шанса на восстановление полномасштабного доступа к этим природным богатствам.

Стратегический отказ руководства Турции в середине 90-х от глобальной экспансии на постсоветском пространстве ради роста благосостояния дал России огромный шанс на восстановление влияния в Средней Азии. Увы! — он не был даже осознан, и «вакуум силы» начал заполняться нашими конкурентами.

Импульс этому дало свержение талибов в Афганистане. 11 сентября 2001 года Путин одним телефонным звонком, вовремя поддержав Буша, добился колоссального успеха: президент США узнал, что Россия на его стороне, когда еще не понимал, поддерживает ли его собственная страна.

К сожалению, вслед за телефонным звонком последовали дела — и вместо того, чтобы самим взять в аренду военные базы в Средней Азии, а потом передать их в контролируемую субаренду антиталибской коалиции, наши руководители разрешили прямую передачу военных баз в Средней Азии армиям стран НАТО.

С античных времен известно—вслед за военными идут бизнесмены. Запад повысил темпы освоения Средней Азии, и для его сдерживания была активирована Шанхайская организация сотрудничества—как способ выдавливания Запада китайцами.

В итоге места для российского влияния в жестком соперничестве Запада и Китая почти не осталось, и наше отставание нарастает. На лето еще только планируются переговоры президентов России и Казахстана о создании совместного предприятия по добыче казахстанского урана (не факт, что его не постигнет участь других интеграционных начинаний), — а китайцы уже ведут дорогу, соединяющую Северную Киргизию с Южной и месторождениями урана. На очереди освоение богатых, но труднодоступных таджикских месторождений.

Китаю не нужно, чтобы завтра кто-нибудь пытался взять его за горло ураном так же, как сейчас пытаются взять нефтью! — и он работает, пока российская бюрократия кичливо надувает щеки.

Ситуация с газом еще хуже.

Идет соперничество между тремя (!) проектами газопроводов в обход России, причем они могут быть реализованы одновременно.

Это газопроводы из Казахстана в Китай, из Казахстана по дну Каспийского моря с продолжением по маршруту «Баку-Тбилиси-Джейхан», а также «Набукко» — по тому же маршруту, но уже из Туркмении. Первый нужен Китаю, второй и третий — Западу, после «зимних войн» российской бюрократии с братскими Украиной и Белоруссией стремящегося к диверсификации источников энергоносителей.

Каждый из этих газопроводов отсекает от России газ Туркмении и Узбекистана. Чтобы сбросить нас в хаос энергетического кризиса, не нужно новаций Чубайса, — достаточно любого из них.

И потому Россия должна объяснить, со всем уважением, что именно поэтому ни одного из них не будет.

Придется помочь Западу осознать, что газопровод в Китай неприемлем для него, и мириться с возможно стимулируемой им хаотизацией Ферганской долины — с размещением баз исламистских боевиков, нацеленных на этот газопровод, на юге Казахстана. Да, это повысит давление радикального ислама и на саму Россию; придется развивать Северный Кавказ и оздоровлять силовые структуры, — а что поделаешь?

И тому же Западу придется объяснять, что любой газопровод по дну Каспийского моря будет уничтожен — иранской ли авиацией, марсианским ли десантом, китайскими ли боевыми пловцами — лросто потому, что, пока есть Россия, этого газопровода не будет.

Или, если уж быть болезненно точным, наоборот.

При этом проблемы России в Средней Азии не ограничиваются энергетикой. Так, неспособность российской бюрократии наладить нормальный транзит контейнеров по Транссибу может уже в ближайшие годы превратить Среднюю Азию в глобальный маршрут трансъевразийской железнодорожной магистрали в обход России.

Вывод прост: самоизоляционизм для России — такое же плохое лекарство от неурядиц, что и самокастрация для мужчины.

Если мы хотим жить, мы должны возвращаться — возвращать свое утраченное влияние и, соответственно, упущенные прибыли.

Выбор для России: союз наций или арктическая периферия

Вернуться в Среднюю Азию непросто.

Простой пример — Туркмения. Похоже, покойный Ниязов по-реформаторски эффективно (чтобы не говорить плохо о покойном) продал весь газ на несколько лет вперед не только «Газпрому», но и Китаю, не говоря уже о европейцах.

Кроме шуток — нам бы в «Газпром» такого красавца.

И сейчас Туркмения ведет большой торг: кому же из покупателей достанутся ее недра.

Бог знает, что предлагают ее новому руководству китайцы. Наверное, модернизацию инфраструктуры, образования и здравоохранения, — как в Африке, благодаря чему Ангола в 2006 году опередила Саудовскую Аравию как поставщик нефти в Китай, а западный бизнес начал криком кричать о «зачистках», устроенных ему китайцами на его же «задних дворах».

А вот что предлагают Туркмении американцы и европейцы, примерно понятно — ведь английский язык понятнее китайского, а западные демократии транспарентнее восточных.

Понятно, что в ближайшие два года американцы и их союзники сбегут из Афганистана, оставив его талибам. Известное дело: воевать они умеют; когда Афганистан, Черногория и Израиль войдут в состав России (а Чечня интегрируется в нее), призыв в армию можно будет отменять. И Запад уже наверняка обещает туркменскому руководству военные базы, которые защитят страну от талибов. Покойный Ниязов задабривал их, лечил и привечал, но оружие неплохо дополняет самую крепкую дружбу.

Второе, что наверняка обещают Туркмении наши конкуренты, — это прогресс по кувейтскому варианту: «Дайте нам контроль за вашим газом, и вам никогда ни о чем не нужно будет заботиться». Модернизация газовой промышленности, колоссальные прибыли (в том числе личные), бурное развитие инфраструктуры, рост уровня жизни народа и всеобщее процветание — и все это в обмен на одну закорючку на документе!

Что же должна предложить Туркмении Россия?

Ответ незатейлив: то же, что предлагают конкуренты, — и намного больше.

Девушек, прижизненную канонизацию, поместье на «голубой миле» Монако — что угодно.

Все, что сработает, — потому что речь идет о сохранении России.

С агрессивно-обиженной политикой в стиле Русской православной церкви, представляющей собой смесь лозунгов «нам все должны» и «мы лучше всех и потому нас никто не любит», ставшей таким же фирменным знаком российской дипломатии, как отказ от своих союзников, и пресловутое ситуативное реагирование, Россия не сможет предложить Средней Азии ничего. Полоумный и патологически склонный к предательству Плюшкин — негожий жених.

Ситуация усугубляется тем, что Туркмения стала еще одним этапом на общем пути смены постсоветских элит. Люди советского происхождения, связанные с Россией партийно-хозяйственным прошлым, обучением, личными контактами, воспоминаниями, простой сентиментальностью уступают место людям, сформировавшимся уже в собственных национальных государствах, для которых Россия — уже не «старшая сестра», пусть даже и ненавидимая, а просто один из многих факторов влияния. Это случилось в Туркмении; завтра, это случится в Киргизии, Узбекистане и Казахстане.

Российское руководство не видит, что наша страна, ранее находившаяся в эмоциональном фокусе национальных элит, начинает восприниматься рационально и равнодушно. Это не исключает при необходимости показательных истерик в наш адрес, но резко сокращает возможности нашего влияния.

Тем не менее Россия не вправе проиграть «тихую битву» за Туркмению и Среднюю Азию в целом: поражение в ней означает утрату жизненно необходимых для нас энергоносителей и уже не политический, а полноценный энергетический кризис.

В этой борьбе, как и в глобальной конкуренции в целом, нет правил, — а побеждает тот, кто чувствует большую ответственность перед своей страной и умеет претворить ее в конкретные действия.

Россия должна вернуться в Среднюю Азию как субъект политики и вернуть ее себе как ресурс развития, ибо единственная альтернатива — превращение России в никому не нужную приполярную полосу вечной мерзлоты, занятую обслуживанием нескольких изношенных экспортных трубопроводов.

Вашингтон, 28 марта 2007 года

США: защита от агонии сверхдержавы

Положение США в мире драматически меняется.

Превращение Китая в главную «мировую фабрику» предопределено дешевизной, дисциплинированностью и обучаемостью его рабочей силы и необратимо в ближайшие 20 лет.

Несмотря на зависимость Китая от рынков США и Евросоюза (вынуждающего его, в частности, поддерживать покупательную способность доллара — практически в одиночку против всего остального мира), он поневоле бросает вызов доминированию США точно так же, как Германия 1910 года поневоле бросала вызов «старым» колониальным державам.

США не могут противодействовать китайскому вызову в рамках созданного ими мирового порядка и потому обречены на его «взрывание изнутри». Это объективно обусловлено: «неоконсерваторы» начали этот процесс, но после

ухода их из политики через 2-4 года его неминуемо, хотя и по-своему, продолжат их нынешние оппоненты.

В этих условиях Россия должна требовать от США транспарентности и обоснования (хотя бы исключительно для себя) их действий по взрывному изменению мирового порядка, угрожая, в случае недостаточного учета ее интересов, отказаться от естественного вектора своего исторического развития и из русла развития западной цивилизации перейти в русло развития цивилизации Китая. (Речь идет не о прямом контроле и подчинении, но о заимствовании для последующей переработки цивилизационных образцов: ценностей, методов и целей).

При всей противоестественности для России такого пути надо сознавать, что реализация этой угрозы, если предупреждение о ней не будет воспринято американской элитой, останется единственно возможной стратегией для России.

Контуры «взрывного переструктурирования» мирового порядка американцами в своих целях уже видны. Демократизация исламских стран, на которую последовательно и осознанно делает ставку руководство США, обеспечивает в них хаос, но не прогресс. Вероятно, хаотизацией исламского мира США намерены сбросить с себя глобальную ответственность и, одновременно, подорвать стабильность своих европейских (а если получится, хотя эти надежды и тщетны, то и китайских) конкурентов. Помимо этого, хаотизация мира снизит роль права и обязательств вообще, повысив роль грубой силы, что выгодно для США, по-прежнему обладающих как наибольшей силой (как военной, так и конкурентной, и технологической, и пропагандистской), так и наибольшей решимостью ее применения. Кроме того, создание внутренних трудностей для Евросоюза усилит его политическую и интеллектуальную зависимость от США.

При сотрудничестве с США принципиально важно учитывать качественно новый фактор: «отвязывание» созданных американским руководством глобальных управляющих сетей

от американского же государства. В результате их ответственность перед США почти исчезает (некоторые их действия показывают, что они ценят США и жизни американцев ненамного больше Югославии и жизней сербов), а качество стратегического планирования драматически снижается (так как связанные с государством аналитические структуры становятся для них менее доступными), что обуславливает большую разрушительность их действий. Это становится еще одним фактором перехода от стратегии «экспорта управляемых кризисов» к стратегии экспорта кризисов, уже не управляемых, то есть к хаотизации мира.

Программой-минимум России в отношениях с США должно в силу изложенного стать недопущение хаотизации России в рамках американской стратегии хаотизации мира.

Поражение республиканцев на довыборах 2006 года по меньшей мере на 6 лет (2 года до выборов 2008 года, в течение которых Буш будет оставаться «хромой уткой», и следующий срок демократической администрации, напоминающей худшее издание Картера) устранит США с роли главного и наиболее активного игрока на глобальной политической арене. Соответственно, роль, возможности и влияние России возрастут, однако в настоящее время российское государство просто в силу своей установившейся природы не имеет ресурсов, в первую очередь интеллектуальных и организационных, чтобы в полной мере воспользоваться открывающимися возможностями.

Пока Россия слаба, мы должны, сдерживая США в реализации их конкретных корыстных интересов (в частности, нельзя допустить вывода их вооружений на качественно новый уровень, позволяющий вести разрушительную для врага войну без риска потерь), поддерживать их в главном, в реализации их глобальной миссии — в поддержании общемирового порядка, пусть даже и несправедливого.

США должны поддерживать созданный ими мировой порядок (в частности, не уходить из Ирака), пока не рухнут под его тяжестью.

Когда же Россия окрепнет, ее задача изменится на противоположную — скорейший слом отжившего миропорядка и его переделка в соответствии с собственными нуждами. В этот момент отношение к США должно также измениться на противоположное, ибо они будут ключевым элементом этого подлежащего слому порядка. Все их слабые элементы, в том числе внутренние (в первую очередь растущая этноконфессиональная дифференциация общества и износ общественной инфраструктуры) должны быть беспощадно атакованы, желательно чужими руками, никак не связанными с Россией.

При этом недопустимо возникновение угрозы глобальной катастрофы (в первую очередь ядерной). Строго говоря, мы должны поступить с ними ровно так же, как они поступили с нами в конце 80-х — начале 90-х годов XX века, и, не допустив их сентиментальных ошибок, гарантировать себя от их возрождения.

Справочно

ПЕРЕД НОВОЙ «ХОЛОДНОЙ ВОЙНОЙ»: КАК ОСТАНОВИТЬ ЕЕ, ЕСЛИ МЫ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ХОТИМ СДЕЛАТЬ ЭТО?

Материалы для конференции Хадсоновского института (США), 28 марта 2007 года

1. Основная проблема— смена стратегий

Прежде всего надо определить причины роста напряженности между Россией и США или, точнее, Россией и Западом.

Обычно говорят о субъективных факторах: дурных манерах российских авторитарных руководителей, международных скандалах (от убийств Политковской и Литвиненко до «зимних войн» с Украиной и Белоруссией), о политике друзей Путина перед выборами-2008 и специфической американской внутри-

политической повестке дня (демократы и республиканцы будут соревноваться в том числе и в критике России).

Но есть как минимум один объективный фактор новой «холодной войны»: и Россия, и США кардинальным образом и при этом, что неприятно, во многом стихийно меняют стратегии своего развития.

С одной стороны, Россия получила действительно большие деньги («нефтедоллары») и хочет использовать их для достижения успеха и расширения своего влияния. Да, «суверенная демократия» — это клановая демократия, служащая интересам «силовых олигархов» и коррумпированных чиновников, но эти новые хозяева России имеют свои собственные интересы и свою собственную политику. Это политика бизнес-экспансии и индивидуальной интеграции в западные общества, часто без принятия западной культуры и законов. Их интересы в целом противоречат интересам российского государства и российского народа, но нельзя забывать, что в частностях они в целом ряде случаев совпадают.

Так или иначе, Россия осознает и преследует свои интересы впервые за последние 20 лет. Это хорошая новость для россиян, которые пока не понимают разницы между своими интересами и интересами силовых олигархов и коррумпированных чиновников. Однако это подлинный культурный шок для Запада, привыкшего к полному отсутствию у России своих собственных интересов.

С другой стороны, меняется и стратегия США. Причины этого изменения — не только перенапряжение из-за преимущественного использования грубой, прежде всего военной силы при пренебрежении «мягкой силой» убеждения, и не только будущий «афгано-иракский синдром». Проблема США глубже и имеет три основных измерения: кризис современной демократии, кризис современного управления и нарушение баланса в глобальной экономике (подробней см. в разделе «Кризис формальной демократии»).

Какой путь в данных условиях могут выбрать США? Какими будет американский ответ на данные системные вызовы?

2. Американский выбор во многом определит и российское будущее

Современная Россия не может быть ключевым вопросом мировой политики для США. Их «российская политика» будет определяться общей американской стратегией. В настоящее время представляются возможными три основных варианта такой стратегии:

1. Контроль за ключевыми ресурсами глобального развития (сейчас это нефть, деньги, интеллект). Прямой контроль, как мы видим в Ираке, невозможен — силы Запада недостаточны для этого — но «мягкий контроль» может работать так же, как и все последние годы. Для России данная стратегия означает прежде всего концепцию «интернационализации» природных ресурсов Сибири и Дальнего Востока или, говоря прямо, изъятие у России этих ресурсов в пользу западных глобальных корпораций.

2. "Традиционная геополитика": поддержание глобального баланса сил (то есть доминирования США) путем прежде всего сдерживания Китая (в том числе при помощи поддержания цен на энергоносители на относительно высоком уровне). Дорогая нефть — безусловное благо для России, однако сохранение глобального баланса сил блокирует экспансию российского бизнеса в то самое время, когда российская бюрократия окончательно лишила Россию всякого внешнеполитического влияния.

3. Управление при помощи кризисов, включая «транзитные войны» для подрыва конкурирующих коммуникаций, в первую очередь газовых и нефтяных. С точки зрения сдерживания Китая это среди прочего включает в себя такие мероприятия, как:

- дестабилизацию Ферганской долины и создание баз исламских боевиков в Южном Казахстане, с которых они смогут совершать диверсии на трубопроводах маршрута «Казахстан — Китай»;
- масштабные пиратские нападения против танкеров с нефтью для Китая (данный сценарий не случайно подробно рассматривался в Давосе);

• остановка или, по крайней мере, существенное торможение и ограничение энергетического и военного сотрудничества России с Китаем.

Эта стратегия может быть дополнена снижением мировых цен на нефть при следующем, вероятно, демократическом президенте США: в этом случае дешевая нефть просто будет доставаться не всем, а лишь стратегическим союзникам Запада.

Для России это означает проблемы с радикальным исламом и Китаем и, вероятно, экономическую дестабилизацию как результат сокращения нефтяных доходов в условиях тотальной государственной коррупции.

3. США могут уничтожить, но не могут изменить Россию

Сегодняшняя Россия не только с точки зрения наших стратегических конкурентов на Западе, но и на самом деле представляет собой далекое от совершенства общество, и ее лидеры выглядят как типичные «плохие парни». Наша страна все еще очень слаба, и ее интересы, по крайней мере, в некоторых сферах, противоречат американским.

США могут рассматривать Россию с двух точек зрения и, соответственно, выбрать два пути взаимодействия с ней: как с объектом реализации своих текущих интересов или как с инструментом поддержания глобального баланса.

Это совершенно разные цели, к которым ведут совершенно разные пути.

Первый путь объективно ведет к уничтожению России и изменению глобального баланса в пользу противников США — глобального ислама и, особенно, Китая. Последний имеет все возможности для того, чтобы взять под контроль Сибирь и Дальний Восток России после ее ослабления в результате конфедерализации и утраты национального контроля за месторождениями сырья в интересах глобального западного бизнеса.

Если США попытаются форсированно экспортировать в Россию западные стандарты демократии и навязывать ей свои собственные идеалы, они могут просто отдать Сибирь и Даль-

ний Восток Китаю — точно так же, как они уже, по сути дела, отдали Ирану юг Ирака, населенный шиитами.

После российского дефолта 1998 года США в весьма непростых условиях, но все же решительно выбрали второй путь — путь поддержания глобального баланса. К сожалению, он оказался слишком сложным. Я боюсь, что сегодня США смотрят только на российскую бюрократию и не видят России как элемента глобального равновесия и глобальной конкуренции. Если вы видите только современных российских лидеров — да, конечно, тогда вы не можете найти ответа на вопрос «с какой стати мы должны терпеть все это безобразие?», потому что при такой узкой точке зрения на него нет ответа, — и решительно выбираете первый путь, путь 90-х годов.

Сегодня он предусматривает:

- поддержку в российской внутренней политике западно-ориентированных либералов и Медведева как преемника Путина;
- концепцию «интернационализации» природных богатств Сибири и дальнего Востока, разрушения «Газпрома», свободное международное использование российских трубопроводов;
- возврат к «внешнему управлению» Россией, характерному для времен Ельцина.

Это путь не разногласий и дискуссий — это путь открытых конфликтов, потому что он означает убийство России, и население России ощущает это очень хорошо.

Путин не согласен с этим сценарием, так как он противоречит его личным интересам (и личным интересам его друзей). Однако в данном конкретном случае их личные интересы, продиктованные сколь угодно дурными предпосылками, целиком и полностью совпадают с объективными общественными интересами России. И этот сценарий — это не способ мягкого размывания «путинизма», но, напротив, путь его консервации. Это путь сохранения Путина на «третий срок», и каждая международная проблема, будь то с Западом или с Югом, сегодня объективно помогает идее «третьего срока».

Многие враги Путина будут, несмотря на свои чувства и даже текущие интересы, самоотверженно помогать ему в кон-

фронтации с угрозой возврата американского «внешнего управления», — точно так же, как их деды, не испытывая никаких колебаний, сражались за часто ненавистного им Сталина против Гитлера. Пытаясь, даже неосознанно, уничтожить Россию путем насильственной либерализации по своим собственным рецептам, США обеспечат полную консолидацию российского общества вокруг Путина.

Лучший способ поведения США, как для них самих, так и для России (но не для российской бюрократии), — это выжидание без активного вмешательства и поддержание глобального баланса сил. Новые «хозяева России» должны завести страну в системный кризис сами, своими собственными руками, не имея возможности сослаться в свое оправдание на «диверсии» США и других «врагов». В этом случае российский народ сможет сам решить свои проблемы и начать самостоятельно строить демократию в ходе преодоления системного кризиса.

Активная американская политика в России переключит российский протест с развращенной коррумпированной бюрократии на традиционного и комфортного для этой бюрократии противника— на США. Это вряд ли нужно им, и это очень плохо для России.

4. Президентские «выборы» в 2008 году — угроза кризиса, но не возможность демократии

Российская политика сводится к единственному вопросу: уйдет ли Путин или же останется на «третий срок».

Сейчас российская политическая жизнь— поле борьбы двух основных групп бюрократии: либеральных коррупционеров и силовых олигархов. Только Путин имеет способности для управления государством и поддержания баланса между этими группами. Только Путин может обеспечить безопасность для членов обеих групп новых хозяев России.

Либеральные коррупционеры знают: если Путин выберет преемником представителя силовых олигархов, они потеряют власть, деньги и, возможно, свободу. В свою очередь, силовые олигархи понимают: если Путин выберет представителя либе-

ральных коррупционеров, им предстоит чарующий выбор между Гаагским трибуналом и Басманным судом.

Кандидат либеральных коррупционеров — Медведев. Он лучший менеджер из всех потенциально представимых кандидатов (кроме Собянина и Нарышкина, но они не обладают достаточным политическим весом, а второго готовят, по-видимому, лишь в премьеры), но, к сожалению, все равно не может управлять ничем. Остальные кандидаты еще хуже.

Силовые олигархи после отставки Устинова с поста Генпрокурора не имеют общего кандидата в преемники и потому нуждаются в сохранении Путина на третий срок. С моей точки зрения, прекрасным кандидатом в «президенты на минутку» был бы для них Фрадков, однако пока они, насколько я понимаю, не видят этой возможности и ориентируются на сохранение действующего президента у власти после 2008 года. Соответственно, они создают локальные и глобальные кризисы внутри и вне России — в первую очередь в отношениях с Западом, — чтобы удержать Путина в Кремле.

Отношения с Западом уже сейчас представляются настолько плохими, что западный протест против «третьего срока» Путина не имеет никакого значения.

Чтобы максимально длительное время сохранять свою власть, а значит, и личную безопасность, президент Путин, с моей точки зрения, будет принимать решение в прямом смысле слова в последний момент, в лучшем случае в декабре 2007 года. В качестве президента Путин лучше Медведева и других потенциальных преемников, потому что, хотя он может работать лишь мало и плохо, он все равно может делать хоть что-то — и для поддержания глобального баланса тоже.

Про- и антизападные настроения российского общества не имеют реального политического значения, так как общественное мнение оказывает в сегодняшней России лишь небольшое влияние на принятие решений. Бюрократия использует общественные настроения для достижения своих локальных целей, но по серьезным поводам она управляет этими настроениями.

Таким образом, Россия выбирает в настоящее время и будет выбирать в 2008 году не между Западом и Востоком, демократией и авторитаризмом, конкуренцией или дирижизмом в экономике, но между хаосом и порядком. После либеральной социально-экономической политики и «внешнего управления» Запада 90-х годов россияне понимают, что даже плохой коррумпированный порядок лучше «хорошего» с точки зрения Запада демократического хаоса.

5. Что важно для нормальных отношений?

Запад нуждается в стабильной России для сохранения глобального баланса против Китая. Дезинтеграция России отдаст основную часть ее ресурсов Китаю, но не Западу.

Запад не может остановить скольжение России к системному кризису и может помочь лишь выходить из него уже после его начала. Это задача будущего.

Сейчас Запад нуждается в «холодной войне» только с новыми хозяевами России, но не с народом России. Россияне глухо раздражены политикой российской бюрократии, а то и прямо протестуют против нее. Запад не должен помогать российской правящей бюрократии перенаправлять это раздражение и этот протест против себя, то есть против стратегических партнеров этой бюрократии на Западе.

Если Запад поймет и примет это, он должен научиться признавать права россиян на патриотизм, на нормальный уровень потребления и на свободу — не как религиозный символ, но как единственный путь к процветанию и справедливости.

Российские «демократы» и «либералы» забыли эти требования и эти права, и поэтому слова «демократ» и «либерал» прокляты Россией. Официальная пропаганда достаточно эффективно использует это для переключения российских граждан с отстаивания своих интересов и прав на борьбу против Запада.

Запад должен объяснить российскому обществу, что эти права разрушены не конкуренцией со стороны Запада, но исключительно алчностью новых хозяев России. Да, в будущем

проблема глобальной конкуренции возникнет, но сейчас есть только одна ключевая проблема — коррупция (включая, конечно, коррупцию в интересах Запада) и беспринципность бюрократии.

В ближайшие пять лет Запад должен вести себя так, чтобы после системного кризиса в России иметь возможность честно и не кривя душой сказать россиянам: «Вы видите? Мы за демократию, но не за «демократов», мы за закон, но не за юристов, мы за процветание, но не за процветающих воров» — все те слова, которые он не мог сказать после 90-х.

Если Запад может быть с Россией против Китая и глобального ислама во внешней политике и с российским народом против российской бюрократии в политике внутренней, Россия будет полезна Западу.

Если Запад будет пытаться преобразовать Россию по своим представлениям о правильном устройстве общества или просто попытается забрать российские сырье, интеллект и деньги, он разрушит Россию и заплатит за относительно маленькую прибыль большими системными проблемами на глобальном уровне.

ВЫСКАЗЫВАНИЯ В ХОДЕ ДИСКУССИЙ НА КОНФЕРЕНЦИИ

Почему наши отношения плохи?

Позвольте мне говорить о причинах плохих отношений со стороны США, так как уважаемые слушатели могут содействовать исправлению только их и обсуждение проблем и недостатков нынешней российской бюрократии просто не найдет адресата.

Представляется исключительно важным, что США выполняют в глобальном масштабе несовместимые функции, пытаясь одновременно быть и основным регулятором глобальных рынков (и мирового порядка в целом), и основным

их участником. Это не только их проблема, так как создает у остальных участников рынка впечатление «играющего судьи», порождает обвинения в несправедливости и двойных стандартах, которые невозможно опровергнуть.

Далее; США искренне считают свои ценности единственно истинными. Это нормально для религиозного подхода, но не для научного, — и просто забавно видеть почтенных людей западной культуры, по нетерпимости к иным ценностям не отличающихся принципиально от самых радикальных исламистов. Естественно, такой радикализм способствует плодотворному и искреннему сотрудничеству с ними так же мало, как и в случае исламистов.

Существенно, что, говоря о демократии, США имеют в виду не содержательную демократию (положение, при котором государство в наибольшей степени учитывает интересы и мнения общества), но демократию формальную — набор инструментов (разделение властей, независимый суд, свобода слова и печати, парламент, выборы и т.д.), который обеспечивает эту содержательную демократию для строго определенного типа культуры и при определенном — и очень высоком — уровне развития общества.

Принципиально важно, что этот набор инструментов отнюдь не универсален и меняется во времени. При разном уровне развития общества содержательная демократия достигается разными инструментами — США столкнулись с этим, обнаружив, что экспорт демократии в исламские страны приводит к власти либо фундаменталистов, либо светских диктаторов, но в силу религиозного отношения к демократическому инструментарию так и не смогли сделать из этого никаких выводов.

Между тем, если в 1990 году советское общество, возможно, было достаточно развитым для обеспечения содержательной демократии при помощи традиционного демократического инструментария (хотя это и спорно), то либеральные реформы в любом случае привели к его чудовищной деградации, и теперь насаждение у нас стандартных демократических инструментов приведет к почти таким же фа-

тальным последствиям, что и в исламских обществах. Отрицание этого самоочевидного факта делает США неадекватными в глазах российского общества.

На практике заявление о единственности ценностей Запада (в том числе демократии) оборачивается требованием безоговорочного подчинения. Логическая цепочка проста: «раз наши ценности (т.е. ценности Запада) являются единственными, вы (т.е. Россия) должны их разделять. Раз это наши ценности — мы лучше всех знаем, что соответствует им, а что нет, и мы лучше всего можем трактовать их. Поэтому наша трактовка наших ценностей является окончательной. Поэтому, когда мы трактуем наши ценности тем или иным образом, вы должны безоговорочно принимать наши трактовки (даже если мы потом сами признаем их ошибочность) и подчиняться практическим выводам из этих трактовок. То есть вы должны подчиняться нам».

Понятно, что такое требование не может не вызвать отторжения само по себе. Однако принципиально важно, что это требование еще и носит корыстный интерес, обеспечивая интересы западного бизнеса, в том числе против его российских конкурентов, и в целом коммерческие интересы Запада, в том числе в ситуациях, когда они прямо противоречат интересам России.

Как и в 90-е годы, Запад (и в первую очередь США как ключевая часть Запада) навязывает России свои принципы, не изучая Россию и не интересуясь последствиями навязывания этих принципов для самой России. Как было сказано в 1999 году про МВФ, «это доктор, который выписывает рецепт, не интересуясь диагнозом». Такой подход объективно разрушителен и способствует антиамериканизму.

Что можно сделать

Принципиально важно, что США должны преследовать в отношении российского общества не свои собственные, а именно общие ценности. Только в этом случае они высту-

пят на стороне российского общества и смогут заслужить его поддержку.

Если же США будут реализовывать свои собственные ценности, не совпадающие с ценностями российского общества, они объективно будет выступать против России, делая колоссальный подарок российской коррумпированной бюрократии (она сможет вновь обвинить США в агрессии против России и сплотить вокруг себя российский народ, как Сталин сплотил его против Гитлера).

Общей ценностью, как мы видели выше, является отнюдь не демократия в ее западном понимании. Однако общей ценностью, безусловно, является отрицание коррупции. Не вызывает сомнения, что США тщательно отслеживают обороты оффшорных компаний и знают, какие российские чиновники являются их выгодополучателями. Вероятно, сейчас это знание используется в коммерческих целях и для оказания политического давления по конкретным вопросам. США произведут крайне благоприятное впечатление на российское общество, если в рамках борьбы с коррупцией и отмыванием денег гласно и публично обеспечат «замораживание» соответствующих активов российских чиновников до выяснения их происхождения.

Далее. Большинство преступлений воспринимаются российским и американским обществами примерно одинаково. Если в России есть преданные гласности и не опровергнутые убедительно материалы, относительно доказательно обвиняющие тех или иных чиновников в таких одинаково воспринимаемых двумя обществами преступлений, США могут официально запретить этим людям въезд на свою территорию в любом качестве и предложить сделать то же самое другим развитым странам — особенно тем, в которых у этих людей есть активы и имущество.

Примером таких общих преступлений может служить Беслан (доказательный доклад Ю.Савельева раскрывает по меньшей мере преступную халатность руководителей силовых структур России), меры по фальсификации выборов (например, предельно откровенное снятие «Яблока» с вы-

боров в ЗакС Санкт-Петербурга), нарушающий российское законодательство запрет митингов и приказ о применении силы (запрет марша гомосексуалистов в силу различия культур не считается российским обществом необоснованным, а вот запрет политических демонстраций или необоснованное применение силы против них напрашиваются на соответствующую реакцию). Наконец, действия пресловутого Зурабова, жена которого, по слухам, владеет страховой компанией МАКС (это легко подтвердить или опровергнуть) и как минимум некомпетентность которого стала причиной множества смертей людей, лишенных жизненно необходимых лекарств в ходе кризиса дополнительного лекарственного обеспечения, также заслуживает применения санкций — хотя бы «до выяснения ситуации».

Если российским чиновникам для получения визы в США и особенно в Шенгенскую зону надо будет оправдываться в отношении тех или иных своих действий, — это будет могучим средством обуздывания дикости российской бюрократии.

Наконец, безусловной общей ценностью наших обществ является уважение к людям и понимание того, что они должны жить достойно. Как заявил когда-то ваш президент Гувер, «в каждой кастрюле должен быть кусок курицы». Для США эта задача в целом решена, но для России — нет. Соответственно, из всех прав человека США должны выдвигать на первый план в отношении России не наиболее актуальные для США, но наиболее актуальные для самой России, — право на жизнь, на жилье, на образование, на здравоохранение и т.д.. Деградация российского общества такова, что в отношении него актуальны призывы не столько Рейгана, сколько Рузвельта. Нельзя в полной мере осознать привлекательность свободы, не наевшись досыта. Забвение этого делает США неадекватными, — и я действительно не понимаю, почему данная идея, самоочевидная для России, была признана американскими участниками настолько неполиткорректной, что они в знак утешения заявили о готовности изъять ее из стенограммы.

Для репутаций США в России представляется исключительно важной убедительная демонстрация того, что принципы Запада действительно являются принципами, что США не торгуют ими и не пренебрегают ими, когда они заняты более важными вещами. Это относится к целому ряду разнообразных вопросов.

Ответ тем, кто считает, что у России не получится ничего и никогда, что она безнадежна

Мы не знаем будущего — в том числе и потому, что творим его сами. Нельзя давать никаких гарантий — и не только позитивных, но и негативных тоже.

Однако США должны сами понять, что им надо от России, какое место занимает она в их глобальной стратегии — так, как это описано в предоставленных материалах.

Как минимум, Россия нужна Западу в краткосрочном плане для сдерживания глобальной экспансии ислама и в долгосрочной — для сдерживания глобальной экспансии Китая. Не надо питать иллюзий — Россия никогда не будет всецело на стороне Запада. Но даже половинчатость, нерешительность и непоследовательность ее политики все равно будет сдерживать, хотя и не так эффективно, как хотелось бы Западу, враждебные ему экспансии.

А раз так — Россия нужна Западу, и Запад должен поддерживать ее как своего непоследовательного, колеблющегося и непонятного, но все же в конечном счете союзника.

Саудовская Аравия и Иран: скользкие ключи к исламу

Саудовская Аравия является лидером суннитского мира, Иран — шиитского. Религиозное соперничество между ними усугубляется тем, что первая тесно и неформально связана

с США, а второй является его злейшим (после свержения Хусейна) врагом.

Влияние на них, использующее противоречия между ними, позволит оказывать влияние на весь исламский мир.

Основными задачами внешней политики России по отношению к ним являются:

• поддержание максимально высоких цен на нефть в течение максимально возможного времени (в идеале еще и без своего непосредственного участия, чтобы не вызывать лишнего давления Запада);

• отвращение экспансии радикального ислама от России (а в идеале — направление ее на выгодные России цели);

• сдерживание экспансии Запада;

• прорыв российских производителей на рынки высокотехнологичных услуг (вроде опреснения воды или геологоразведки) богатых и не развитых исламских стран.

Европа: принципы корыстной глухоты

Евросоюз демонстрирует классический пример кризиса управляемости, вызванного вышедшим из-под контроля расширением, превосходящим возможности управляющей системы (в том числе и из-за чрезмерного для нее разнообразия управляемых объектов).

Некомпетентность руководства возведена в принцип ради удовлетворения самолюбий местечковых политиков, что в сочетании с органической неспособностью брюссельской бюрократии не то что к равноправному сотрудничеству, но даже к диалогу породило термин «Объединенные европейские эмираты».

Рост внутренних противоречий привел к тому, что никем формально не объявлявшийся, но повсеместно подразумеваемый **проект создания Евросоюза как великой политической державы провалился.** Попытки руководства Гер-

мании выйти из стратегического тупика путем углубления сотрудничества с США (создания зоны свободной торговли ЕС и США — ТАФТА) обречены на неудачу по стратегическим же причинам. Такое объединение противоречит всей логике регионализации, снижающей остроту конкуренции в условиях глобализации до уровня, позволяющего выживать ее относительно слабым участникам, и усилит конкуренцию до неприемлемого для европейцев уровня.

При этом новые члены Евросоюза отдаются на растерзание бизнесу более развитых старых членов, который скупает экономики «на корню» и закрывает недостаточно конкурентоспособные производства. Результат — колоссальная безработица, как в Польше (снизившаяся в результате эмиграции официально с 21 до 17%, неофициально с 27 до 22%), или перенапряжение государственных финансов, как в Венгрии.

Политическая конкуренция ведется не за правую или левую политику, но исключительно за право осуществлять заведомо невыгодную для этих стран политику Евросоюза. Результат — рост антиевропейских настроений и национализма, наглядно видный не только в Польше и Венгрии, но и в Болгарии, где националистическая партия заняла уверенное второе место (важная задача России — не допустить антироссийской переориентации национализма).

Между новыми и старыми членами Евросоюза постепенно растет напряжение, эффективно используемое США. Ключевую роль в этом играет Польша — «одновременно 25-й член ЕС и 51-й штат США», которая становится подлинным ключом к Евросоюзу и должна использоваться Россией в этом качестве.

Недопустимо пренебрегать ей или использовать ее как объект для эмоциональных срывов, будь то внутрироссийские или российско-германские. Польша — кадык Евросоюза, за который его необходимо держать.

Задача российской внешней политики заключается в том, чтобы перестать страдать от этих и многих других не-

достатков Европейского Союза и начать использовать их в своих целях.

Цель — наращивание экономических связей с развитыми странами Евросоюза, в первую очередь прорывом на его внутренний рынок продукции с высокой добавленной стоимостью и заимствованием технологий, в первую очередь управления (в основном у Великобритании). Необходимо добиваться «размягчения» Евросоюза по отношению к российскому проникновению, обеспечивая максимально широкое заимствование его деловой и обыденной культуры.

В то же время Евросоюз следует отучать от многолетней привычки к менторству, использованию давления на Россию по гуманитарным вопросам для достижения коммерческих целей, хамскому навязыванию ей своих интересов в качестве истины в конечной инстанции (например, Договора к Энергетической хартии) и рассматриванию внутреннего рынка России как своего естественного и неотъемлемого достояния.

России следует добиваться максимального перенесения центра тяжести отношений Россия-ЕС на механизмы Россия — государства-члены ЕС и Россия — Совет ЕС, всячески ограничивая взаимодействие с Комиссией ЕС. Переговоры с ней должны вестись лишь по тем вопросам, по которым она обладает исключительными полномочиями. Преимущественный диалог с государствами-членами и межгосударственными институтами ЕС придаст дополнительный импульс выгодной РФ децентрализации Евросоюза, ограничения полномочий Еврокомиссии и ее превращении в своего рода «секретариат» Евросоюза. Это же будет содействовать эволюции Евросоюза к нормальной конфигурации, при которой основными правами обладают крупные экономически развитые «старые» члены Евросоюза, а влияние незначительных по своим масштабам и экономическому потенциалу и новых членов Евросоюза (последние настроены наиболее антироссийски и имеют минимальный опыт ответственности) будет ограничено до уровня, соответствующего их способности и компетентности.

Следует отказаться от ряда обязательств, принятых Россией на переговорах с Евросоюзом о присоединении России к ВТО (по росту внутренних цен на газ, сельскому хозяйству, фитосанитарному контролю и т.д.) под политическим давлением ради завершения этих переговоров «в срок». Следует жестко пресекать попытки ЕС использовать присоединение России в ВТО для вымогательства уступок по иным аспектам отношений (энергетика, транссибирские перелеты, Договор к Энергетической хартии и т.д.), в том числе уже после заключения соглашения о присоединении. России надо воспользоваться заявлением Евросоюза о намерении отозвать свое согласие на присоединение России к ВТО и отложить переговоры о присоединении до активизации модернизации российской экономики, отложив на это же время выполнение российских обязательств.

Необходимо разрушить сложившийся в Лахти единый антироссийский фронт европейских энергоимпортеров и научиться использовать либерализацию европейских рынков энергоносителей для повышения цен на них.

Сознавая неизбежность краха Евросоюза в сегодняшнем виде, необходимо всемерно наращивать связи с новыми его членами для использования их в качестве каналов для политического и экономического проникновения в наиболее развитые его страны и закрепления в них.

В отношении Восточной Европы следует взять курс на интенсификацию экономического сотрудничества в обмен на уступку российскому бизнесу, а по возможности, и государству значимых активов. Поддерживая националистические силы, следует отрывать Восточную Европу от Евросоюза, убеждать ее, что рынок для ее продукции есть только в России, и тем самым привязывать к себе на выгодной для России основе.

Идеальные предпосылки для утверждения этой политики дают переговоры о новом Соглашении о партнерстве и сотрудничестве (СПС). При их ведении надо всемерно разъяснять представителям Запада, что именно нежела-

ние Евросоюза заключать СПС в разумные сроки (то есть до выборов нового президента России) является основным формальным обоснованием позиции сторонников сохранения Путина на третий срок и тем самым подрывает демократию в России.

Справочно

ЕВРОСОЮЗ НЕВМЕНЯЕМ: РОССИИ НАДО ПОДОЖДАТЬ

Из выступлений на российско-германской конференции в рамках Санкт-Петербургского диалога в Гамбурге (Германия), 29—30 мая 2007 года

Текст второго основного выступления (по проблемам Евросоюза)

Хотя во внешней политике Россия исповедует вполне европейские ценности, между ней и Евросоюзом есть по крайней мере одна принципиальная, ценностная разница.

Россия — и российское общество, и даже российское руководство, при всех его недостатках, — во внешней политике признаёт существование других точек зрения и не считает, что все в мире должны реализовывать исключительно ее интересы.

Россия признает существование инакомыслия во внешней политике, а вот цивилизованный Евросоюз категорически не допускает его, воспринимает инакомыслие исключительно болезненно — практически как угрозу — и стремится подавить и уничтожить его. Конечно, это не касается сильных стран — таких, как Китай; однако тех, кого Евросоюз считает слабыми, как Россию, это касается в полной мере. Любая точка зрения на международные отношения, отличная от европейской, объявляется в лучшем случае «мифом», а как правило — «пережитком советского империализма».

Что далеко ходить — возьмите меня: в России я являюсь довольно последовательным оппозиционером, а СМИ некото-

рых членов Евросоюза просто потому, что я пытаюсь сформулировать российские национальные интересы, объявляют меня буквально «идеологом Кремля»!

В настоящее время Евросоюз исповедует американский подход: считая себя носителем единственных и истинных ценностей, он полагает это достаточным основанием для того, чтобы требовать от всех других нерассуждающего и полного подчинения.

Позвольте прояснить несколько базовых, фундаментальных вопросов.

Прежде всего отношения Евросоюза и Запада в целом с Россией омрачаются естественным культурным шоком, который испытывает Запад. Почти 20 лет Россия не имела никаких своих интересов — и к этому все привыкли. На Западе — не только в Европе, но и в США — выросло целое поколение политиков, считающих, что между Евросоюзом и Китаем лежит в политическом плане пустое место, дающее энергоносители, трудолюбивых квалифицированных эмигрантов и считающее своим предназначением исполнять любые прихоти представителей Запада и, в частности, Евросоюза.

Столкновение с реальностью — с наличием у России собственных, пусть дурно реализуемых, слабо обосновываемых и плохо осознаваемых интересов — вызывает у Запада подлинный культурный шок и новую волну страха перед нашей страной, граничащего с паранойей и русофобией.

Да, на поверхность общественной психики этот страх выплеснулся в результате «газовой войны» России с поддерживаемым и науськиваемым Евросоюзом «оранжевым» руководством Украины. Но вызрел и проявлялся в меньших масштабах по менее значимым поводам он значительно раньше, и причина его — сам факт восстановления России, а отнюдь не недостатки этого процесса.

Этот страх порождает стремление взять Россию под контроль, и в первую очередь — взять под контроль наиболее важный для Запада аспект России: поставки энергоносителей. Разговоры о нашей надежности и гарантированности поставок не

имеют отношения к делу и потому не воспринимаются: Западу не нужна надежность наших энергопоставок, ему нужен прямой и непосредственный контроль за этими энергопоставками. Отсюда требование отдать наши трубопроводы, известное под псевдонимом «Договор к энергетической хартии», отсюда проекты газопроводов из Средней Азии в обход России, отсюда вновь всплывшие требования повысить внутренние цены на газ до уровня экспортных, — ведь тогда Россия не сможет потреблять этот газ, и он пойдет на Запад весь, поневоле, — отсюда и многие другие требования.

Ситуация усугубляется падением уровня образования, по сути дела разрушением системы образования, причем далеко не только в России, в результате чего многие уважаемые люди не просто не знают реальности, но и не хотят ее знать и искренне не понимают, зачем им знать эту реальность.

Нам с этим культурным шоком ничего не сделать, придется быть психотерапевтами и психиатрами. Придется бесконечно долго и терпеливо объяснять реальную ситуацию, повторяя азбучные истины по миллиону раз и миллион же раз давая по рукам — до тех пор, пока Запад не вернется наконец от своих розовых, почти наркотических грез горбачевщины и козыревщины к осознанию реальности.

Вторая объективная проблема наших отношений — это кризис управляемости Евросоюза.

Я совершенно не пытаюсь выгородить современную российскую бюрократию: она действительно ужасна. Но неужели вы думаете, что она является по отношению к Евросоюзу, где она хранит свои деньги и куда намерена уехать на пенсию, менее европейской, чем бюрократия Советского Союза?

Я действительно не понимаю, почему сотрудничество с «Газпромом» воспринимается сегодня в Европе как угроза, хотя в годы «холодной войны» оно воспринималось как большая удача и выгода.

Не понимаю, почему Евросоюз, выступая против ксенофобии у других, пестует и лелеет свою собственную ксенофобию в коммерческой сфере и разжигает подлинную истерику по по-

воду крошечного, совершенно незначительного проникновения российского бизнеса на европейские рынки.

Мне приходилось слышать от европейских экспертов фразу «"Газпром" хуже КГБ». Господа, вы накликать не боитесь? Вы хотите, чтобы вам в доступной даже вам форме напомнили, что такое КГБ?

(В зал) Нет, не надо передергивать, я никому не говорил «допрыгаетесь» — я просто обращаю ваше внимание на недопустимость подмены понятий и ревизии истории.

Причина кризиса Евросоюза проста. После своего последнего расширения он объединяет настолько разнородные страны, что выработка компромисса между ними по любому значимому вопросу требует исключительных усилий. При этом страны делают друг другу уступки в разных сферах: например, при столкновении интересов трех стран во внешней политике одна страна может сделать уступку в области транспорта, а другая — в области сельского хозяйства. Поэтому однажды достигнутый членами Евросоюза компромисс потом очень сложно, почти невозможно изменить.

С другой стороны, не вызывает сомнений, что этот компромисс неминуемо, по чисто технологическим причинам вырабатывается без какого бы то ни было учета интересов третьих стран. В этом нет ничего плохого — со своими бы разобраться! — однако в ситуации расхождений интересов Евросоюза и третьих стран европейский компромисс неизбежно достигается за их счет.

В результате мы на всех переговорах сталкиваемся с позицией Евросоюза, которая не учитывает наших интересов и не поддается никакой корректировке. Европейцы говорят нам, что мы должны исповедовать европейские ценности — толерантность, терпимость, умение учитывать интересы всех— и потому должны подчиняться им! Диалог с евробюрократией — это диалог со стенкой, с магнитофонной записью, с чиновниками, в головы которых строго по Салтыкову-Щедрину встроены органчики.

Евросоюз проповедует очень привлекательные ценности, но сам в своей деятельности четко и последовательно отрицает их. Скажите, я правильно понимаю, — мы для того расстались с КГБ, отдали Восточную Европу и почти половину своей собственной страны, чтобы теперь терпеть вот это?

Здесь были сказаны прекрасные слова, что «холодная война» велась между идеологиями, и ее проиграл коммунизм, а Россия не проиграла. Но если так, скажите мне — что случилось потом, после поражения коммунизма? Почему сегодня новый Версальский мир направлен против России? Почему самоутверждение новой Европы столь последовательно и целенаправленно идет за счет России? Почему Евросоюз столь энергично переписывает историю против России? Почему европейцы четко и последовательно относятся к России, как к объекту эксплуатации, у которого нет никаких прав. Никаких вообще.

Нам говорят уважаемые европейские люди — я позволю себе цитировать дословно: «Мы надеемся, что Россия поддержит нас в Афганистане», — а с какого, собственно говоря, перепугу? Скажите пожалуйста, а где, когда, в чем, при каких обстоятельствах вам приходилось слышать, что Евросоюз собирается поддерживать Россию по вопросам, важным для нее, а не для самого Евросоюза? Ручаюсь, вам такого слышать не приходилось, потому что так просто не бывает. Мы и не думаем об этом, ибо знаем, что такое невозможно. Евросоюз требует от России поддержки, но только односторонней.

Самое устойчивое словосочетание не только у европейских политиков, но и у обычных европейцев — «Россия должна». Россия должна, должна, должна кругом, у России есть только обязанности и одно-единственное право — право выслушивать бесконечные, назойливые и часто откровенно бессмысленные нотации. Все говорят о «сближении», и это сближение может идти только за счет России.

Здесь прозвучало множество выступлений, смысл которых без каких-либо искажений можно передать примерно такими словами: «Ну почему вы, глупые русские, не хотите про-

давать свои нефть и газ дешевле? Почему вы не понимаете, что наступательные вооружения на западной границе НАТО направлены против Северной Кореи? Почему вы не хотите ущемлять свой бизнес в пользу европейского? Почему вы не хотите просто отдавать нам свои деньги? Ведь это было бы так хорошо для всех!»

Хватит!

Предупреждаю: скоро эта ваша неадекватность коснется и вашего бизнеса. У нас есть такой министр, лучший друг немецкой корру... извините, коммерции,— Греф— он работает с 2000 года. Поскольку ни один министр не вечен, его заменят. И тогда вопль о «плохой России» поднимет и довольный сейчас немецкий бизнес. Потому, что в те двери, которые он сегодня открывает ногой, после отставки Грефа ему, вероятно, придется входить на общих основаниях. И это вызовет бурю негодования.

Думаю, мне удалось найти корень трудностей в отношениях между Россией и Евросоюзом.

Это очень простая фраза, с которой здесь полтора дня начинается почти любое выступление европейских участников: «Россия должна».

Так вот, коллеги: Россия никому и ничего не должна.

И, пока Евросоюз это не осознает, России надо отстраниться от него, потому что он неадекватен, и наши отношения будут переживать кризис в лучшем случае недоразумения. Как здесь говорилось, России нужны европейские партнеры. Партнеры! — а не диктаторы, — этого добра у нас и так навалом.

Конечно, Евросоюзу надо помогать осознать факт существования России, и мы должны не переживать по поводу его корыстной неадекватности, но всячески помогать ему и воспитывать его.

Но для нас не будет трагедии, если Евросоюз не поймет это вообще или осознает позже других наших партнеров — например, Китая. Это просто на некоторое время изменит вектор наших стратегических интересов.

И последнее. Здесь один очень уважаемый человек сказал сегодня, что для современных европейцев нет разницы между Сталиным и Гитлером.

Что ж — европейцы имеют право так думать.

Европейцы на все имеют право.

Но, если это действительно так, то до тех пор, пока Россия будет существовать, у нас не будет ничего общего с вашим Западом и вашей Европой, кроме голой коммерции, — которая, как мы хорошо знаем и помним, не спасает и не защищает никого, никогда и ни от чего. *(Бурные аплодисменты аудитории, причем как российской, так и немецкой ее части.)*

Евросоюз может помочь России, но не хочет

Вопрос. А что, разве Россия в чем-то нуждается в помощи Евросоюза?

Ответ. Знаете, никогда об этом не думал, потому что, как уже говорил, позиция Евросоюза в принципе не допускает такой постановки вопроса. (Смех в зале). Но навскидку могу назвать в области стратегии, например, отношения с Китаем. Нам важно поддерживать с ним равновесие, а без поддержки Евросоюза и Запада в целом это невозможно. Без вас мы неминуемо будем вовлечены в сферу китайского влияния.

С тактической точки зрения Евросоюз мог бы помочь нам против того, что он называет международным терроризмом. Я не говорю о прошлом — о войне в Чечне, когда нам даже Саудовская Аравия предлагала очень серьезную помощь, а Евросоюз просто давил и гнобил — я говорю о настоящем, когда антироссийская пропаганда, в том числе поощряющая терроризм, ведется против России с территории Евросоюза при поддержке евробюрократии. А когда ее удается схватить за руку, как было с пресловутым сайтом «Кавказ-центр» или провокационными митингами в поддержку террористов типа Масхадова, начинаются разговоры о свободе самовыражения и несовершенстве европейских законов.

Русские дискриминируются не только почти во всем СНГ, но и в ряде стран Евросоюза

Вопрос. А что, русское население дискриминируется где-либо за границей?

Ответ. Не вызывает ни малейших сомнений, что в первую очередь это вина именно российской бюрократии, которая от случая к случаю использует «соотечественников», но и не думает по-настоящему защищать их.

Русское населения жестоко дискриминируется в Средней Азии и, менее жестко, в Закавказье. Я не предъявляю здесь претензий Евросоюзу, ибо защита прав человека в этом регионе объективно противоречит его коммерческим интересам. В частности, после того, как он счел события в Андижане злостным нарушением прав человека, он ввел против Узбекистана санкции, но они не действуют в энергетике, потому что у Узбекистана есть газ.

Как можно требовать от Евросоюза защиты прав человека в Туркмении, когда в Туркмении есть газ? В Азербайджане, когда там есть нефть? В Таджикистане и Киргизии, когда там есть уран? В Казахстане, когда там есть и газ, и нефть, и уран? В Грузии, по которой идет трубопровод «Баку-Джейхан»?

На Украине, кстати, ликвидируются русские школы, но эта страна слишком важна для российской и европейской бюрократий, чтобы кто-то пошевелил хотя бы пальцем.

Но русское население дискриминируется и в Евросоюзе. Классический пример— Эстония. Коллеги, мои европейские знакомые исследовали адаптацию в вузах эстонских и неэстонских студентов, — и оказалось, что такого явления, как неэстонские, то есть русские студенты, в Эстонии нет в принципе!

В Евросоюзе нет взяток? Чушь собачья! В Эстонии молодые русские доведены до состояния, когда вынуждены давать взятки для попадания в ПТУ! — потому что их число искусственно ограничено, в них конкурс, как московские вузы, а никаких других шансов выбиться в люди им не оставлено.

Русские загнаны в гетто, в резервацию с безработицей до 50%, но в европейской статистике вы этого не увидите, потому что эстонцы учитывают в статистике безработицу только среди граждан.

И не надо рассказывать про ленивых пьяниц, которые не хотят учить языки! Известен случай, когда профессиональный переводчик с русского на эстонский и обратно, филолог не смог получить гражданство, потому что его владение языком, которым он 30 лет зарабатывает на жизнь, не было признано! Если латвийская система направлена на ассимиляцию русских, то эстонская — на их подавление.

А Евросоюз говорит: мы делаем только то, что можем, — то есть ничего.

«Польша — это европейская Палестина»

Вопрос. Конфликт Польши с Германией имеет давние исторические корни. Может быть, когда председательство Германии в Евросоюзе закончится, и ее сменит Португалия, Польша перестанет быть основным раздражителем в отношениях России и Евросоюза, и все как-то нормализуется?

Ответ. Поймите, поляки совсем не злы. Это милые, добрые и приятные люди (смех в зале). Не надо смеяться. И Польша — это не враг России и не враг Германии.

Это такая европейская Палестина.

Интеграция в Евросоюз Восточной Европы прошла для нее совсем не гладко, — возможно, потому, что о ее интересах в процессе этой интеграции Евросоюз как-то не думал, — и Польша выиграла от этого не много. После того, как миллионы поляков бежали из счастливой страны, избавленной вместе с коммунизмом и от перспектив развития, безработица среди оставшихся превышает 17%.

В этой ситуации польское руководство, как палестинское, понимает, что большой и постоянный скандал представляет для него единственную реальную возможность получать влияние для себя и деньги для страны.

Если Польша не будет скандалить, не будет выставлять себя обиженной всеми и по любому поводу, не будет предъявлять претензии, пусть даже и вполне идиотские, — ее просто не будет на карте мира. В рамках модели, созданной Евросоюзом, это единственно доступная ей форма существования, поддерживающая ее самоуважение на минимальном, уровне, и возмущаться ее поведением в этих условиях нелепо.

Да и поздно: мы видим, что по пути, проложенному Польшей, уже идут некоторые страны Прибалтики. Но это уже не наша проблема. Это, уважаемые европейцы, ваша проблема.

Кроме того, хотя Польша является гарантом дружбы и добрососедских отношений между Россией и Германией, так как любой конфликт между представителями двух стран просто закрывается одним ее упоминанием, после чего наступает время подлинной солидарности и единства душ, — не. будем забывать, что в истории с буйволятиной неизвестного происхождения, скромно именуемой европейцами «польским мясом», права все-таки Польша, а отнюдь не Евросоюз.

После обоснованного введения Россией санкций вопрос должен был рассматриваться Еврокомиссией, так как и внешняя торговля, и сельское хозяйство находятся в ее исключительной компетенции. Но Еврокомиссия просто послала Польшу, как у нас говорят, «в пешее путешествие сексуальной направленности», грубо поправ европейское же законодательство, — и это продолжалось долгие месяцы. И даже когда поляки честно предупредили, что заблокируют переговоры по Соглашению о партнерстве и сотрудничестве, от них просто отмахнулись, как от назойливой мухи!

Так что польское вето — это результат действий Еврокомиссии. Но сегодня евробюрократы говорят нам: пожалуйста, решите проблему Польши, разберитесь с ней сами.

Знаете, сейчас не 1772, не 1793, не 1795 и даже не 1830 год, и Россия не будет «разбираться» с Польшей, даже если вся остальная Европа будет нас умолять. Еще раз, уважаемые коллеги: это ваша проблема, и вы свободны выбирать методы, которыми будете обеспечивать качество и происхождение мяса,

ввозимого в Россию из Польши. Можете, если хотите, обратиться в НАТО, можете — в Ватикан. Но требовать от России, чтобы она травила свое население черт-те чем просто потому, что европейской бюрократии лень обеспечить выполнение Польшей европейских же решений о санитарном контроле, — это пример того самого европейского разума, который трудно отличить от безумия.

«В Самаре приостановилась эскалация напряженности»

Вопрос. Каковы итоги самарского саммита России и Евросоюза?

Ответ. В отличие от многих здесь, считаю его успешным.

Что, кто-то перед его началом недооценивал глубину проблем и расхождений? Что, кроме штатных «соловьев Старой площади» и профессиональных дилетантов, кто-то допускал малейшую возможность достижения хоть каких-то серьезных соглашений?

Кто-то думал, что Путин с Меркель подпишут Соглашение о стратегическом партнерстве, когда оба молиться должны на поляков, которые своей буйволятиной неизвестного происхождения прикрыли пропасть, разделяющую вполне противоположные позиции России и Евросоюза?

Не смешите. Стороны приехали в Самару, не имея общих позиций. Стороны приехали в Самару после беспрецедентного по длительности и интенсивности шантажа России со стороны евробюрократии, — который впервые за все время отношений России с Западом оказался полностью неудачным.

Россия и Евросоюз имели все возможности для того, чтобы крупно и публично переругаться. Вся инерция предшествовавших событий вела к переходу конфликта в открытую стадию.

И эта стадия не наступила. Сложившаяся тенденция эскалации напряженности была сломана.

Стороны терпеть друг друга не могли, друг друга не понимали и, возможно, не хотели понимать, имели диаметрально противоположные интересы — и тем не менее вместе отползли от грани открытого конфликта.

Коллеги, именно это называется «разрядка». Это то самое, что было при Брежневе. Если удастся продолжить воздержание от эскалации напряженности на саммите «большой восьмерки», то о «холодной войне» и вправду можно будет забыть. «Холодная осень» или «холодное лето» — но не «война».

Саммит в Самаре обнажил прямой и циничный смысл термина «взаимовыгодное сотрудничество». Оно взаимовыгодное до такой степени, что эта взаимная выгода останавливает и переламывает все остальные интересы, обиды и негодования. Самара — это победа, победа здравого смысла над нашими бюрократиями: и российской, и европейской.

Кроме того, Меркель публично вступилась за «несогласных» — и их первый раз не били публично и сравнительно мало били непублично. Да, их жестко преследовали по всей стране, но Меркель резко ограничила масштабы репрессий и сдержала тем самым раскручивание пружины политического террора в России. Да, она сделала это не ради прав граждан России, а для оказания давления на Путина, чтобы он вернулся к политике Горбачева и Козырева, проводившейся им до недавнего времени.

Но Путин-то не уступит! И, значит, Евросоюз будет ограничивать политический террор, развязываемый в России правящей бюрократией из-за пугающей неопределенности с будущим власти. А это значит, что благодаря Евросоюзу многие люди в России сохранят здоровье, а многие — и жизнь.

(Из зала: И свободу!) Свободу? Не преувеличивайте ваших административных возможностей.

Существенно и то, что происходит параллельно в Самаре. Латвия подписала договор о границе и ратифицирует его. Я только что был на Балтийском форуме, на котором латвийский министр впервые в истории выступал на русском языке — нарушив, между прочим, законы своей страны.

Да, это произошло из-за глубоких изменений во внутренней политике Латвии, и я рад за латвийцев; думаю, нам тоже был бы полезен президент, привыкший лечить людей, а не вербовать их. Да, нормализация отношений по границе началась

аж в ноябре прошлого года. Но многие изменения происходят именно сейчас, и Латвия показывает на своем примере, что Евросоюз хорошо понимает язык силы.

Нормальный, человеческий разговор евробюрократы не понимают, а вот разговор с позиции силы не сразу, но придает им адекватности. И Латвия показывает нам магистральный путь отношения с Евросоюзом: возможно, с ним действительно надо говорить не на языке дружбы и добрососедства, который приятен нам, но непонятен нашим партнерам, а на языке грубой и наглой силы. Это неприятно и стыдно, этим языком не хочется пачкать рот, — но что поделать, если другой язык евробюрократам пока не доступен? Возможно, через несколько лет ситуация изменится.

Главной темой саммита в Самаре, похоже, была ВТО

Вопрос. А что за шантаж перед Самарой вы упомянули?

Ответ[1] Евросоюз изощренно шантажирует Россию недопуском в ВТО. На двусторонних переговорах Евросоюз одобрил присоединение России к ВТО еще в 2004 году (за что Россия заплатила, в частности, ростом внутренних цен на газ). Сейчас идут многосторонние переговоры, на которых должны обсуждаться исключительно системные вопросы, то есть «правила игры». Однако Евросоюз вопреки лравилам ВТО вернулся к тематике двусторонних переговоров и предъявил нам целый букет требований, не относящихся к системным вопросам. Среди них отвергнутое в ходе двусторонних переговоров повышение внутренних цен на энергоносители до экспортного уровня и не поднимавшуюся тогда в привязке к ВТО и не имеющую отношения к нему отмену платы за пролет над Сибирью (цена вопроса — 300 млн. долл. в год), требование ратифицировать Договор к

---

[1] Ответы на данный и следующий вопросы основаны на материалах, любезно предоставленных директором научных программ Совета по внешней и оборонной политике Д.Сусловым. Разумеется, ответственность за конкретные формулировки и возможные искажения несет исключительно М.Делягин.

Энергетической хартии, вопросы фитосанитарного контроля, железнодорожного транспорта, зоны свободной торговли и пр.

Перед саммитом в Самаре Евросоюз в ультимативном тоне требовал от России принятия всех этих требований, угрожая срывом саммита. Когда Россия не поддалась на шантаж, эти требования были предъявлены на саммите с угрозой заблокировать присоединение России к ВТО.

При этом Европейский Совет с конца прошлого года выпустил целый ряд внутренних разъяснений, по которому согласие России на любое из требований Евросоюза, предъявленных на саммите в увязке с ее допуском в ВТО, должно трактоваться как нарушение Россией двустороннего соглашения мая 2004 года о присоединении России к ВТО. С формальной точки зрения это действительно так, хотя в этом случае данные договора будут нарушены Россией в пользу Евросоюза, то есть нарушение будет заключаться не в отказе от своих обязательств, а во взятии на себя дополнительных.

Однако Евросоюз предполагает все равно рассматривать это как нарушение двустороннего соглашения 2004 года, которое позволяет ему денонсировать это соглашение и, соответственно, взять назад свое обещание по допуску России в ВТО. После этого переговоры вернутся на двусторонний уровень, и Россия не сможет получить заново согласия Евросоюза, не выполнив уже всех его требований, которые придут в голову его членам (в том числе и новых).

Эта комбинация подготовлена евробюрократами из-за уязвимости (а точнее, необоснованности) их нынешней позиции. Желая получить дополнительные преимущества и реализовать интересы новых членов Евросоюза, они предъявляют ненадлежащие требования, пытаясь запихнуть в повестку дня многосторонних переговоров требования, подлежащие рассмотрению только на двусторонних переговорах и в этом качестве давно уже обсужденные. Россия имеет возможность не рассматривать эти требования вообще и с юридической точки зрения будет права; попытка не пустить ее в ВТО за отказ нарушать правила ВТО может вызвать скандал.

Если же она пойдет на одну-единственную уступку, она позволит выставить нарушительницей уже себя, что приведет к возврату переговоров на прошлую ступень, пройденную 3 года назад.

Неадекватность евробюрократи и глубочайшее презрение ее к европейскому же праву наглядно видны на примере ситуации с пресловутым Договором к Энергетической хартии. Еврокомиссия исступленно требует от России ратификации этого договора, хотя не имеет на это права, так как вопросы энергетики каждый член Евросоюза решает самостоятельно, и под общеевропейскую юрисдикцию эти вопросы, в отличие, например, от внешней торговли и сельского хозяйства, просто не подпадают.

Недаром даже Греф, рвущийся в ВТО, после саммита в Самаре заявил, что Россия не будет обсуждать с Евросоюзом новое Соглашение, пока не станет полноправным членом ВТО. Учитывая объективные трудности и жесткость позиции США, это значит, что Россия не хочет возобновлять эти переговоры и намерена явочным порядком «продавить» свою структуру юридического оформления отношений с Евросоюзом, основанную на краткой декларации, и широкого круга обязывающих, но не обуславливающих друг друга секторальных соглашений (Евросоюз настаивает на едином всеобъемлющем документе, подписание которого позволяет требовать от России уступок в отдельных секторах, шантажируя ее ухудшением условий сотрудничества в других секторах).

«Зона свободной торговли — еще один еврообман»

Вопрос. А зона свободной торговли с Евросоюзом чем вам не угодила?

Ответ. Европейское право весьма изощренно. Подписывая с Евросоюзом договор о свободной торговле на правах слабого, вы немедленно сталкиваетесь с европейскими законами, позволяющими ему закрывать свой рынок от вас, несмотря на это соглашение. Таким образом, он неминуемо имеет односто-

ронний характер: вы открываете свои рынки, а Евросоюз сохраняет право закрывать свои. Именно это евробюрократия пытается навязать России в настоящее время.

«Мы или разговариваем друг с другом или информируем друг друга»

В. А чем Вам не нравится размещение ПРО в Польше и Чехии? Или российское руководство не проинформировали об этом своевременно?

О. Думаю, российское руководство имеет каналы, по которым может узнавать об этом своевременно вне зависимости от того, проинформируют его об этом или забудут.

Но здесь нелеп сам подход. Что значит — нас «проинформировали»? Что из этого должно следовать? Гитлер нас тоже в свое время «проинформировал», но это не значило, что наши интересы не были ущемлены им 22 июня!

Или мы сотрудничаем — и тогда важные вопросы как минимум обсуждаются, — или мы «информируем» друг друга. Нас «информируют» о ПРО, мы «информируем» о ДОВСЕ, и нечего обижаться!

Справочно

ПОТРЕБЛЯЙТЕ ЕВРОПУ ПРАВИЛЬНО

«Закат Европы»?

Почти все время после Петра Европа была для образованной части российского общества не просто наиболее развитым соседом, но «законодательницей мод», образцом для подражания в самых различных сферах жизни, источником вдохновения, символом подлинной цивилизации и, наконец, живым воплощением цели, к которой надо идти самим и вести за собой страну.

Апогеем обожествления Европы стали годы агонии Советского Союза, когда она (в противовес чрезмерно прагматичным

США) представлялась восторженно рывшей себе могилу революционной инженерно-технической интеллигенции идеалом человеческого общежития, непостижимо гармоничным сочетанием гуманизма и эффективности, неиссякаемым и живительным источником универсальных «общечеловеческих» ценностей (не говоря уже о разнообразных грантах).

С того времени сияющий образ Европы драматически потускнел — и дело не только в мучительном возвращении нашей страны к более реалистичному взгляду на мир, но и в длительном пути, пройденном Старым Светом.

В отношениях ставшего символом и квинтэссенцией Европы Евросоюза с Россией мы все яснее видим последовательный отказ от тех самых «европейских» принципов, которые делают его привлекательным не только с культурной, но и с политической точки зрения.

Прежде всего режет глаз (а иногда и кошелек) замена диалога агрессивным (хотя и корректным по сути) монологом и полное игнорирование интересов России (наглядно проявившееся еще при пустых разговорах о «проблеме Калининграда») на фоне велеречивых рассуждений о взаимопонимании и взаимовыгодном сотрудничестве. Наклеивание ярлыков как доминирующий способ дискуссии и раздражающий догматизм дополняются постоянным требованием самых разнообразных уступок, которые даже не обосновываются.

Бюрократическое выхолащивание сотрудничества ярко проявилось в печально известных «четырех общеевропейских пространствах», зияющая пустота которых лишь усугублена столь же бессодержательными «дорожными картами».

Навязывание своего законодательства и якобы «общепринятых» правил, направленное на достижение коммерческой выгоды, сопровождается последовательным корыстным применением «двойных стандартов». Классическим примером стала истерия вокруг якобы значительного антисемитизма в России при игнорировании (а следовательно, поощрении) реального антисемитизма в некоторых странах Прибалтики и регионах Украины, власти которых осознанно и вполне безнаказанно возводят в ранг героев непосредственных палачей Холокоста.

Однако неприятие самой идеи о равноправном сотрудничестве с Россией (разумеется, на деле — на словах все цивилизованно) является лишь проявлением общей деградации европейских управляющих систем.

Вместе с Советским Союзом канули в Лету и великие политики Европы. Нынешние не хотят брать на себя даже проблемы новых членов Евросоюза, в том числе и обусловленные разрушительным эгоизмом его «старых» членов — примером является равнодушие к 18%-й безработице в Польше. Более того!— 12%-я безработица в Германии, свидетельствующая о глубоком неблагополучии общества, тоже не вызывает никаких видимых тревог.

Поражает сочетание ханжества, поощрения аморальности и наглядной беспомощности в социальных и этнических конфликтах с откровенным хамством, да еще и покрываемым государством, столь явно проявившимся в истории с публикациями карикатур на пророка Мухаммеда (которые являются злостным хулиганством, оскорбляющим чувства верующих, — правда, и не более того).

Отстаивание свободы индивида даже тогда, когда она становится разрушительной для общества и начинает уничтожать свободу большого числа других индивидов, каждый из которых вполне равноправен первому, производит просто пугающее впечатление.

Известную фразу о том, что «в России нет носителей более тоталитарного сознания, чем российские либералы», можно отнести и к европейским либералам.

В связи с этим все чаще на ум приходят такие разные труды, как «Закат Европы» Шпенглера и «Трест "Долой Европу"» блистательного молодого Оренбурга.

И, соответственно, все чаще возникает вопрос: зачем России такая Европа?

Чтобы ответить на него, надо понять, насколько глубоки, долгосрочны и разрушительны проблемы Европы, порождающие описанные недостатки.

Культурная разнородность

Ключевая проблема Европы — внутренняя неоднородность, высокая не только экономическая, но и культурная дифференциация, ведущая к сосуществованию далеко не всегда полностью совместимых друг с другом моделей не только государственного, но и коммерческого управления.

Различие, например, французского и немецкого национальных характеров предопределяет различную реакцию их представителей на единые общеевропейские меры регулирования, что ограничивает эффективность последних, а при недостаточном учете культурной дифференциации — и вовсе делает их контрпродуктивными.

Естественная реакция на это надгосударственного управления — усиление регламентации, порой выходящее за рамки здравого смысла. В свое время специальной директивой Европейской Комиссии определялся даже диаметр помидоров (и это не было инструментом конкуренции, как памятное определение диаметра дырочек в сыре, установленное швейцарскими властями для защиты от американских сыров!)

Следствие чрезмерного и далеко не всегда разумного регулирования, хорошо понятное жителям бывшего Советского Союза, — игнорирование директив; так, Люксембург выполнял лишь каждую третью из них.

Недееспособность бюрократии

Развитие Европы по-прежнему направляется в основном национальными бюрократиями (европейская склонна выступать прежде всего в роли координатора), но в их среде, особенно в небольших странах и новых членах Евросоюза, отказывающихся от самостоятельности по мере интеграции, стремительно развиваются инфантилизм, безответственность, стремление перекладывать принципиальные решения (или по крайней мере ответственность за них) на Брюссель.

В результате принимать такие решения иногда оказывается просто некому, и развитие Европы направляется не содер-

жательными интересами, а безнадежно устаревшими идеологическими принципами «времен Очакова и покоренья Крыма», как в свое время развитие СССР.

Выдающееся достижение Европы, действительно обогатившее копилку мирового опыта — умение уживаться с проблемами — во многом подменено умением закрывать на них глаза.

А ведь ключевым фактором конкурентоспособности в современном мире является именно эффективность управления, в первую очередь государственного. Европейские же системы управления не только по своей эффективности, гибкости и способности к самосовершенствованию значительно уступают американской.

Помимо активной и широкомасштабной социальной и региональной помощи, в чрезмерных объемах тормозящей развитие, европейские* ученые и бюрократы получают зарплату в первую очередь за то, что они существуют, в то время как в США — в первую очередь за то, что они делают.

Результат — не только управленческое, но и технологическое отставание: несмотря на значительное финансирование науки, ключ к стратегической конкурентоспособности — широкомасштабная разработка новых технологических принципов — остается практически недоступной Европе.

Если американская бюрократия преимущественно ориентирована на поиск и достижение цели развития управляемой системы, а европейская — на поддержание status quo. В результате соответствующего «силового поля», создаваемого управляющей системой, США ориентированы на прогресс и завоевание новых благ, а Европа — на стабильность и сохранение уже имеющихся.

Совершенно очевидно, насколько по-разному эти устремления влияют на национальную конкурентоспособность.

Однако наиболее концентрированно меньшая конкурентоспособность Европы по сравнению с США выражается даже не в слабости управляющих систем, но в слабости интеллекта и духа, выражающаяся в интеллектуально-идеологической и политической зависимости европейцев от своих главных стратеги-

ческих конкурентов: Европа действует в «поле смыслов» и системе координат, формируемых США, и при конкурентных столкновениях с ними либо вовсе не сознает свои интересы, либо не имеет сил отстоять их. Между тем, если сознание элиты формируется стратегическими конкурентами, оно теряет адекватность и начинает преследовать интересы последних.

Моральное разложение

Фундаментальная слабость и неустойчивость европейской цивилизации прослеживаются и в растущей аморальности ее элиты, транслирующейся и на все население.

Евросоюз истово аплодировал торговле людьми (тайной выдаче Милошевича правительством Сербии в обмен на обещания финансовой помощи в размере 300 млн.долл., из которых реально было заплачено около 30 млн.) и беззаконию и предательству, без тени иронии считая его мужеством, заслуживающим восторга и подражания. Если бы Павлик Морозов или генерал Власов служили в НАТО, они стали бы такими же героями Европы, как и сербское правительство Джинджича. А ведь тот, кто поощряет предательство и выращивает предателей, сам неминуемо становится жертвой собственных воспитанников.

Характерно, что массовые политические репрессии против оппозиции, проведенные в Сербии после убийства Джинджича и сопровождавшиеся грубым нарушением прав человека, вызвали в «демократической» Европе полное понимание. Точно так же выборы в Афганистане и Ираке признаны вполне демократическими (в отличие от выборов, например, в Белоруссии, проводившихся, при всем их несовершенстве, все же не в условиях иностранной оккупации страны или партизанской войны).

Потрясает и такой признак морального разложения Европы, как открытое переписывание истории для насаждения представлений о том, что Россия и Советский Союз играли в европейской истории исключительно негативную роль. Представления россиян о том, что это их деды освободили Европу от фашизма, трактуются как «архаическое преувеличение, вызван-

ное гипертрофированными национальными амбициями, реваншизмом и имперскими пережитками в сознании». Германия же, которой «лучший немец» Горбачев внезапно для нее самой подарил единство, объединилась, оказывается, без всякой помощи Советского Союза.

Евросоюз по сути поощряет превращение ненависти к России в основной критерий демократии в некоторых своих новых членах. Понятно, что путинская бюрократия — не подарок, но, проводя антироссийскую, в том числе и пропагандистскую, политику, Евросоюз тем самым обеляет ее и оправдывает ее существование в глазах самих россиян.

Какая Европа нам нужна

Никакие «общечеловеческие» иллюзии в отношении Европы больше не имеют права на существование.

Как ни жаль, современный символ гуманистической цивилизации — Европа не обладает творческим духом по отношению к глобальным процессам, страдает провинционализмом и догматизмом, а также опасной склонностью к стимулированию предательства. Это не даст ей, при всем ее культурном багаже и богатстве, не только вести глобальную экспансию, но и стать самостоятельным субъектом мирового развития.

Это не более чем пассивный и клонящийся к упадку, хотя и все еще очень обеспеченный регион.

Для России это емкий рынок, полезный культурный феномен, набор частично пригодных для заимствования форм и принципов и, одновременно, — зловещее предупреждение о недопустимости слепого копирования даже лучших из них.

Европа — не более чем предмет и инструмент потребления. Да, самого разнообразного, включая эмоциональное и интеллектуальное. И, конечно, ее разложение отнюдь не повод для озлобления и какого бы то ни было ограничения этого потребления.

В конце концов, «если вам не нравятся кошки — значит, вы просто не умеете их готовить».

Просто не нужно ждать, что они решат за вас ваши проблемы и откроют перед вами дверь в лучший мир.

Блага, которые действительно способна предоставить нынешняя Европа, связаны с обеспечением индивидуального комфорта в самом широком смысле этого слова — от материального потребления и приобщения к безусловным культурным ценностям до бизнеса, личной безопасности и доступа к качественному (а главное, признаваемому самой Европой) образованию.

Этим и надо пользоваться.

А вот поиск союзников и учителей, коллективных и личных норм поведения, смыслов, ценностей, принципов или, упаси боже, мировоззрения, целостной жизненной философии — это не к Европе, как бы ни старались ее многочисленные поклонники и пропагандисты.

Готовьте Европу правильно.

Справочно

А ФРАНЦИЯ РЕШИЛА РАБОТАТЬ

Прошедшие во Франции президентские выборы носили принципиальный характер и были восприняты французами как событие, действительно определяющее все будущее их Родины. Только так можно объяснить фантастически высокую по любым меркам, а не только по меркам фешенебельных и расслабленных западных обществ, явку избирателей — почти 84%!

И вспыхнувшие после сообщения о победе Саркози массовые беспорядки, и незначительный разрыв между победителем и побежденной (53% против 47%), определившийся лишь после теледебатов, показывают: французское общество действительно разделено по отношению к ключевым вопросам своего развития, и разделение это весьма глубоко и серьезно.

Главная проблема Франции — доведение до абсурда концепции «государства всеобщего благоденствия», превратившегося едва ли не в «государство всеобщего иждивенчества».

Сознаю: это действительно кощунственно звучит в современной России. Но во Франции государственная политика впала в другую, не менее маразматическую и изуверскую, крайность.

Колоссальная социальная помощь практически лишила людей, особенно носителей иных культур с более низким, чем французы, уровнем потребностей, стимулов к труду. Если в США в первый год после приезда в страну без работы сидит лишь 7-8% иммигрантов, то во Франции — 55%. На социальную помощь разных видов идет около 60% всех расходов государства, среднее пособие по безработице практически равно минимальной зарплате (на которую, в отличие от российской, можно существовать — и, более того, можно жить), а выплачивается в среднем в течение почти 2 лет! Минимальная же зарплата выросла за десятилетие на две трети со вполне достойного уровня. А два года назад правительство начало выплачивать специальную премию в тысячу евро тем, кто найдет работу в первый год после увольнения, — но на эту приманку «клюнули» относительно немногие.

Понятно, что такие масштабы социальной помощи требуют и высоких налогов, и, что представляется исключительно важным, высокого уровня огосударствления экономической и в целом общественной жизни. При и без того высокой склонности французского общества и государства к бюрократизации это создает его развитию дополнительные проблемы, сковывает, а то и прямо подавляет инициативу, затрудняет создание новых рабочих мест и, соответственно, их поиск тем, кто действительно хочет работать.

А тем временем пенсионная система и система социальной защиты разваливаются под собственной тяжестью.

Чтобы понять причину поражения Сеголен Руаяль, достаточно рассмотреть, что она предложила для решения этих проблем, ощущаемых большинством французов.

Ответ ужасающий: ничего.

Она лросто закрыла глаза на эти проблемы, сделала вид, что их нет, и продолжила раздачу обещаний и наращивание

обязательств государства — ту самую политику, кризис которой если не сознает, то болезненно ощущает все французское общество.

При этом ее ключевые обещания были откровенно нереальны: доведение пособия по безработице в первый год после увольнения до 90% прежнего заработками зачем тогда вообще искать работу?) и повышение минимальной зарплаты еще на 20%.

Французы искали выход из кризиса, а Руаяль предложила им его усугубить.

Ответ Саркози крайне неприятен для французского общества. Он стандартен и не оригинален: «посчитали — прослезились», теперь будем снижать государственные расходы (а значит, и налоги, — но это приветствует только бизнес) и сокращать социальную помощь — резать «священную корову» «общества всеобщего иждивенчества».

Но французское общество, сознавая свои проблемы, не видит другого выхода, — и воспринимает указание на него как неприятную, но честность.

Популярность Саркози создало подавление массовых беспорядков в арабских пригородах. Как министр внутренних дел, он был заклеймен левыми интеллектуальными вырожденцами Европы за «жестокость». Из России, где ОМОН регулярно и с наслаждением устраивает подлинное сафари на людей в центрах крупнейших городов, эта «жестокость» смотрится особенно пикантно.

Однако если мы не будем поддаваться досужим рассуждениям «о бедных арабских мальчиках», которых «заела среда» и которые начали поэтому устраивать погромы, крушить магазины и жечь автомобили, а посмотрим на ситуацию глазами француза, — картина станет вполне внятной.

В силу ошибок прошлого Франция посадила себе на шею огромное количество иждивенцев, которые не хотят быть французами по культуре, не могут, а часто и не хотят работать, но хотят, чтобы французы их кормили. При этом они требуют все большего и устраивают беспорядки.

Саркози первым в политкорректном западном мире посмел осудить их с морально-этической точки зрения. Пресечение же беспорядков было не только мягким, но и исключительно умелым — в охваченных ими кварталах просто закрывали школы, органы социальной поддержки и прочие блага цивилизации вплоть до банкоматов. «Хотите быть дикарями — живите как дикари». И арабские родители понимали, что их дети вырастут недоучками, лишенными даже ограниченных возможностей, а чтобы снять в банкомате наличные, они должны были идти на соседнюю улицу, что им, разбалованным цивилизацией, было непривычно и обременительно. И беспорядки угасли, как пламя, лишенное кислорода.

Наши ракетно-квасные патриоты пеняют Саркози на жесткий атлантизм, на союз с США. Да, это отказ от идеалов де Голля, — но четкое следование потребностям момента. При всех своих недостатках, США сегодня — это символ государства эффективности в противовес государству иждивенчества, которое должен демонтировать Саркози. С другой стороны, США — противник глобального ислама, пусть подлый и недобросовестный, но враг той самой иждивенческой арабской улицы, которую вынужден усмирять Саркози.

Поэтому США — объективный союзник Саркози во внутренней политике. А во внешней он уже умудрился не раз показать им, что намерен реализовывать интересы Франции, а не США.

Избрание Саркози — хороший признак.

Оно означает, что французское общество оказалось здоровым, что «молчаливое большинство» Франции хочет работать — и, значит, Франция будет работать.

Действуя в согласии с ней, Саркози может стать хотя и не новым де Голлем, — Францию вряд ли будут ждать испытания, порождающие таких лидеров, — но уж во всяком случае новым Миттераном.

Иметь с ним дело будет, как со всяким достойным и чуждым политиком, тяжело, но приятно.

Япония: возвращение самурайского духа

После того, как напуганная Китаем и стремящаяся к возрождению «национального духа» Япония расширит «силы самообороны» до полноценной армии (в полной мере оснащенной наступательными вооружениями) и изменит Конституцию, можно предполагать ее вступление в НАТО.

Японию бессмысленно пытаться задобрить — не стоит забывать, что в 60-80-е годы актуальность проблемы «северных территорий» поддерживалась именно для того, чтобы иметь предлог не развивать сотрудничество с Советским Союзом. И совсем не случайно, как выяснилось при последней попытке отдать острова, северная граница «северных территорий» принципиально не определена. Поэтому надежды на крупномасштабное экономическое сотрудничество с Японией, несмотря на весь его потенциал, несбыточны, так как противоречат менталитету японской элиты.

Реально осуществление отдельных крупных межгосударственных проектов, связанных с глобальными интересами (так, Тихоокеанский нефтепровод не вызвал никакого интереса у японского бизнеса, но японское государство поддержало его, так как он соответствует курсу США на недопущение эксклюзивного доступа Китая к нефти Сибири).

Задача России заключается в решении проблемы браконьерства (которая является в основном внутренней российской проблемой, несмотря на его поощрение японскими властями) и смягчении остроты проблемы Южных Курил (при этом придется преодолевать вероятное недовольство японцев необходимыми специальными мерами по их развитию). Инструментом давления на Японию должна стать угроза ограничения японского экспорта в Россию (в первую очередь автомобилей) в пользу производителей аналогичных товаров из других стран (в том числе Китая) и развития собственно российского производства.

Российская внешняя политика должна добиться того, чтобы активизация Японии, в том числе милитаристская, «увязла» в ее страхе перед Китаем и стала дополнительным фактором, удерживающим его от броска на российский Дальний Восток.

Особые территории дальнего зарубежья

В силу специфики бегства людей и капитала из России в дальнем зарубежье сложилось несколько зон с высокой долей людей, тесно связанных с Россией, и их высоким влиянием на хозяйственную и политическую жизнь.

Это прежде всего Кипр (вряд ли можно считать случайностью, что Россия едва ли не единственный раз использовала свое право вето в Совбезе ООН именно при обсуждении вопроса о воссоединении Северного и Южного Кипра), Израиль (в котором «русская партия» стала существенным политическим фактором) и Черногория, экономика которой практически контролируется российскими капиталами. В меньшей степени это же относится к курортным регионам Испании.

Заметным влиянием обладает российская диаспора в Лондоне, а также в Берлине и Европе в целом (где может возникнуть даже Русская европейская партия).

При всей неоднородности этих диаспор их представители крайне настороженно относятся к российскому государству, но испытывают огромную симпатию к России, а частично вообще считают ее своей Родиной, что создает колоссальные возможности для использования их для активной дипломатии, в том числе через сетевые структуры, формально не связанные с государством. Если же последнее не на словах, а на деле начнет постоянно демонстрировать свою добросовестность и стремление помогать соотечественникам, последние начнут, в свою очередь, поддерживать его и в его открытых начинаниях.

Цель внешней политики России в указанных государствах заключается в обеспечении максимально дружественной их позиции при решении как международных, так и коммерческих вопросов.

Существенная проблема — возможность воздействия стратегических конкурентов России на иностранные активы российской элиты с целью превращения ее в коллективного «агента влияния».

Стратегическим ответом на это может быть лишь замена элиты на новую, критически значимая часть (то есть та часть,

пожертвовать которой в обычных условиях невозможно) как материальных, так и нематериальных (например, репутационных) активов которой находилась бы в сфере контроля российского общества, а не его конкурентов.

Пока эта задача не решена, необходимо четко зафиксировать отношение к иностранным активам российских граждан за рубежом, установив, что незначительные активы или активы, являющиеся результатом экспансии российского капитала, защищаются российским государством как свои собственные.

При конфликтах российского государства с соотечественниками (например, при подозрениях в существенной неуплате налогов) следует обращаться за помощью к государствам их пребывания лишь в последнюю очередь, когда все остальные возможности решить проблему «между своими» будут исчерпаны.

Остальной мир: точечные возможности

Представляется разумным установить, что остальной мир должен рассматриваться Россией в качестве зоны тщательного мониторинга, поиска и реализации отдельных возможностей, как политических, так и коммерческих, однако в целом не представляет системного интереса.

Ограниченное исключение — Индия как внезападный противовес одновременно и китайской, и исламской экспансиям, а также потенциальный торговый партнер (хотя относительно высокое качество индийского менеджмента и технологического развития передовой части экономики ограничивает возможности сотрудничества с сегодняшней Россией).

Важными темами являются также постоянный кризис отношений Израиля с палестинцами (руководство которых в полной мере осознает, что в случае установления мира оно лишится и денег, и влияния) и медленный, хотя и неостановимый процесс воссоединения Кореи (в результате чего возникнет еще одна ядерная и при этом экономически мощная держава; хозяйственный и политический рывок Кореи должен при этом использоваться для сдерживания Китая). Россия должна участвовать

в урегулировании этих процессов, стремясь получить максимальную выгоду, однако ее возможности и, следовательно, потенциальные дивиденды объективно ограничены.

ОЦЕНКИ СРОКОВ И ЭТАПОВ ВОССТАНОВЛЕНИЯ ВЛИЯНИЯ РОССИИ

Внешняя политика России является не только инструментом, но и производной от ее внутренней политики. Сочетание разумности и активности внешней политики может быть достигнуто лишь при условии хотя бы начала оздоровления и модернизации российского государства, прививания ему ответственности перед собственным обществом.

В силу неопределенности времени начала этого процесса можно говорить не о конкретных годах реализации тех или иных этапов, а о времени, которые они могут потребовать.

Действия по всем направлениям могут быть начаты даже при нынешней системе управления внешней политикой и вестись одновременно.

Необходимая предпосылка возвращения России в глобальную политику — эффективная система управления внешней политикой — может быть создана, с учетом формирования кадрового костяка, за год.

Первый этап — превращение в активную и осознанно доминирующую силу на пространстве СНГ — может быть при напряжении всех сил выполнен в течение года. Ключевой проблемой является рост влияния Китая в Средней Азии, однако пока он еще не приобрел масштабов, способных заблокировать возвращение России.

Второй этап — превращение в политический, а не только экономический «центр притяжения», сопоставимый с глобальными «центрами силы», для стран Прибалтики, Восточной Европы, уже вошедших в Евросоюз или находящихся в процессе присоединения к нему, Монголии и значимых

для нас стран Латинской Америки, Африки и Юго-Восточной Азии. Этот этап может занять от 2 до 3 лет (чем лучше будет экономическая ситуация в традиционных «центрах притяжения» этих стран, например, в Европе, тем более длительным и сложным будет этот процесс).

Третий этап — формирование динамического равновесия с глобальными «центрами силы», в роли которых, вероятно, будут выступать США и Китай, на основе не регионального, а глобального влияния России, осуществляемого многообразными путями, в том числе через международный бизнес и разнообразные сетевые структуры. Решение этой задачи потребует, насколько можно предположить в настоящее время, от 7 до 10 лет.

Справочно

МОДЕРНИЗАЦИЯ РОССИИ СОЗДАСТ СИСТЕМНЫЕ ПРОБЛЕМЫ В ОТНОШЕНИЯХ С ЗАПАДОМ

Выступление на конференции Института Карнеги «Нужен ли Запад России», Москва, 30 мая 2006 года

Запад для России и по сей день остается для нас символом ценностей, к которым стремится Россия. Но, так как мы идеалистическая цивилизация, наша планка высока — и Запад часто просто не выдерживает искренности наших требований и силы нашего стремления к совершенству.

Конечно, я говорю не о наших руководителях— мы знаем их уровень и не питаем в их отношении никаких иллюзий, — но об общем разочаровании в Западе. Если еще недавно мы вслед за Бродским удивлялись, что по-английски можно сказать глупость, то сейчас россияне все чаще удивляются, что по-английски ее можно не сказать — по крайней мере, по вопросам, связанным с Россией. Возможно, уважаемые господа послы говорили здесь по-русски и по этой причине тоже.

Системных проблем у Запада две, и они тесно связаны.

Прежде всего, наша страна уступила Западу глобальное лидерство, усомнившись в своей правоте, — я подчеркиваю это: не из-за своей слабости, а из-за сомнения в своей правоте, что в принципе недоступно для прагматичного западного понимания, но вполне естественно для нашего, — и предоставила ему в монопольное использование функции глобального полицейского и глобального регулятора рынков, которые раньше исполнялись нами совместно, хотя и в борьбе.

Но глобальный полицейский не может быть одновременно и коммерсантом, а регулятор рынка неэффективен, если он является ключевым участником этого рынка!

Когда права человека превращаются в простой инструмент обеспечения коммерческих интересов, это дискредитирует не только коммерческие интересы, но и само понятие прав человека.

Отсюда вторая проблема: под сурдинку разговоров о демократии и глобализации сложился мировой порядок, в котором две трети человечества лишены возможности развития.

Глобальная реклама насаждает западные стандарты потребления в мире, все большая часть которого лишается глобальными монополиями, ведущими эту рекламу, возможности достижения этих стандартов.

Это создает колоссальную и растущую напряженность. Это главное противоречие современного мира: оно определяет все его развитие, в том числе во многом — и отношения России и Запада, включая чисто экономические отношения.

Эти проблемы существуют со стороны Запада, но и себя грех забывать.

Главное содержание 15 лет российских реформ — неуклонное и последовательное освобождение правящей бюрократии от всякой ответственности перед кем бы то ни было и от всякого контроля, в том числе и со стороны российского общества.

Полное освобождение российской бюрократии, полная ее эмансипация от российского общества достигнута.

Результат этой бюрократической революции — формирование качественно новой системы, в которой коммерческие оли-

гархи, то есть бизнесмены, добывавшие деньги при помощи грабежа государства, заменены олигархами силовыми. Они находятся в значительной степени внутри государства, контролируют многие его структуры и добывают деньги за счет грабежа при помощи этих государственных структур общества, в том числе и бизнеса. Распространенное мнение, что главным регулятором российской экономики является Генпрокуратура, представляется не очень сильным преувеличением.

Вообще говоря, укрепление рубля недопустимо потому, что оно подрывает единственные либеральные ценности, доступные путинской бюрократии, — покупательные способности доллара и евро.

Конечно, экономическое сотрудничество с Западом будет развиваться, но есть три системные сложности, которые мы, я надеюсь, будем успешно решать. Боюсь, правда, что решать их мы будем в ходе изменения всего мирового порядка из-за ослабления глобального монополизма, вызванного сменой господствующего технологического базиса, — а такие изменения редко бывают прогнозируемыми и часто — весьма болезненными.

Первая проблема заключается в том, что российский частный бизнес помещен в настоящее время между молотом и наковальней. С одной стороны, идет огосударствление, причем не только в явной и открытой, но и в скрытой, неофициальной, теневой форме.

С другой стороны, идет экспансия международного бизнеса, в первую очередь западного. Причина — не столько относительное благополучие России, сколько то, что административное давление на западный бизнес на порядок слабее, чем на российский.

И одна и та же компания, один и тот же завод может быть убыточной в собственности российского предпринимателя и баснословно прибыльной в собственности западного предпринимателя — просто потому, что западные правительства защищают своих бизнесменов, и им приходится платить на порядок меньше взяток, чем российским бизнесменам.

Экспансия иностранного бизнеса не безобидна. Великая Октябрьская социалистическая революция случилась, напомню,

в том числе и потому, что 70% ключевых отраслей промышленности принадлежало иностранным инвесторам, — и, когда грянул гром, они, вместо того, чтобы лечь с пулеметом перед заводоуправлением, преспокойно списали потери на убытки и уехали заниматься бизнесом в более фешенебельные места.

Вторая проблема отношений России с Западом заключается в концепции так называемого «конструктивного изоляционизма», по-видимому, возобладавшего в нашем руководстве. Ее можно кратко определить примерно так: «Мы будем делать, что хотим, а вы это будете терпеть».

Эта концепция не только чрезмерно усугубляет культурные барьеры и вызывает взаимные подозрения, разочарования и обвинения. Есть опасения, что она чревата третьей приватизацией или, если угодно, третьим переделом собственности, в ходе которого российская правящая бюрократия будет захватывать собственность и, самое главное, недра России не прямо, а выступая в виде западных компаний, используя репутацию Запада и международное право для прикрытия захвата собственности. При этом значительную часть контроля за российскими ресурсами придется отдавать Западу в качестве «платы за прикрытие» и вообще согласия на эту операцию.

Хочу предостеречь: в случае прямого владения Запад не удержит российские ресурсы просто потому, что, лишенная прибылей от их использования, Россия не сможет существовать. Она не может долго жить в полупридушенном состоянии и либо разрушится — и тогда эти ресурсы будут отобраны другими участниками глобальной конкуренции, в частности, Китаем, — либо начнет восстанавливаться и тогда вернет себе эти ресурсы сама. И будет очень горько, если при этом придется вырывать их из рук наших цивилизованных западных партнеров, поневоле обижая их.

Третья проблема отношений России и Запада заключается в том, что модернизация России требует ее выхода на высокотехнологичный уровень. А повышение степени обработки экспортной продукции «при прочих равных условиях» отнимает эту добавленную стоимость у ее современных производителей, то есть в первую очередь у Запада.

Выход России на высокотехнологичные деньги лишит Запад колоссальных денег, и вопрос о том, будет ли компенсироваться этот ущерб, — а я верю, что он так или иначе, в какой-то степени и через какое-то время будет компенсирован, и западная цивилизация, воспрявшая на костях моей страны, полностью не погибнет — остается открытым. А модернизация России все плотнее встает в повестку дня.

Политическая и экономическая система, создаваемая в нашей стране, при всей своей грубости и несовершенстве является вполне адекватным инструментом авторитарной модернизации, — а другой в России, при ее сегодняшнем и завтрашнем состоянии, не может и быть.

Конечно, сегодня этот инструмент используется в ненадлежащих целях — для обогащения и административного удовлетворения отдельных создающих его деятелей, и в целом это напоминает попытку вывинчивания шурупа при помощи, например, молотка.

Но я верю в демократию, то есть в практическое воплощение интересов и воли народов, и, соответственно, верю в то, что создаваемый сегодня инструмент авторитарной модернизации России уже через несколько лет начнет эффективно использоваться по прямому назначению.

И пути решения проблем, порождаемых нашим возрождением в отношениях с Западом, надо начинать искать уже сейчас, так как опоздание может привести к негативным последствиям как для нас, так и, в первую очередь, для наших уважаемых партнеров.

Приложение 1

ЧТО ДОЛЖЕН БЫЛ СКАЗАТЬ РОССИИ ЕЕ ПРЕЗИДЕНТ

на Интернет-конференции летом 2006 года

Пробуждение Ктулху: России не о чем говорить с Путиным

Одна из тайн российского государства — подробная структура вопросов, которые задают граждане его руководителю в своих письмах и при подготовке якобы доступных для всех телемостов.

Причина проста: эти вопросы, раскрывая то, что действительно волнует активную и лояльную к президенту часть российского общества (ибо нелояльные, как правило, вопросов не задают), лучше любого социологического исследования дают картину состояния общества и наиболее болезненных для него проблем.

В этом отношении «Яндекс» — возможно, сам того не ведая, — совершил подвиг демократии, позволив гражданам России не просто задавать Путину вопросы и голосовать за них, но и видеть результат.

Да, конечно, вопросы про демократию, Беслан и ряд других болезненных для президента и значимых для Интернет-аудитории тем не проходили модерацию или же мистическим образом не попадали в число популярных (нечего кривиться: «Яндекс» ходит под той же силовой олигархией, что и все мы, и ему тоже хочется жить — причем жить, по возможности, хорошо).

Но за исключением отдельных наиболее «политически чувствительных» тем картинка получилась убедительной.

Наиболее образованной и активной, «продвинутой» части россиян оказалось не о чем спрашивать человека, принимающего все решения в стране и определяющего их жизнь.

Ибо наиболее популярные вопросы об отношении к «медведу», поцелую мальчика Никиты в живот, использовании боевых роботов, пробуждении Ктулху и поиску места, где можно купить разного рода компьютерные приспособления, — это демонстративные вопросы ни о чем.

Люди хотят общаться со своим президентом, но им не о чем у него спрашивать.

И не потому что, как начнет сейчас разъяснять официальная пропаганда, Интернет-пользователи десоциализиро¬ваны, безответственны и склонны к флеш-мобам.

Да, конечно, они специфичны.

Стеб и розыгрыши распространены в Интернете шире, чем в реальной жизни.

Но, когда начинается серьезный разговор, стеб заканчивается.

Люди в России — и даже в Интернете —истосковались по честному серьезному разговору, по возможности просто обменяться мнениями и проверить умозаключения.

Россияне, и даже пользователи Интернета, не идиоты и не безответственные хулиганы.

И им есть о чем спросить своего президента.

Причины, по которым серьезные вопросы оказываются в разы, а то и на порядок менее популярны, чем стеб — не в безответственности россиян, а в том, что они знают, что услышат от президента. Я пишу этот материал за несколько часов до его Интернет-конференции. Будут элегантные остроты, ругань и угрозы в адрес чиновников-коррупционеров, выверенные жесты в адрес Запада и обещания.

Россияне слышат их седьмой год и, по-видимому, знают им цену. Президент ответит красиво, но ничего не изменит.

Возможно, он даже решит проблемы нескольких счастливцев, отобранных его администрацией, но на жизнь остальных это не повлияет.

Президент знает все — по крайней мере, все, что считает нужным знать. И если он не предпринимает никаких значимых усилий для решения той или иной проблемы (особенно той, о решении которой он много и с удовольствием говорит), то не потому, что не знает о ней, а потому, что не считает нужным уделять ей внимание.

В этой ситуации подвигнуть россиян на содержательный разговор со своим президентом может лишь крайняя степень — или отчаяния и нужды, или наивности.

Более шести лет Путин и возглавляемая им бюрократия наглядно и убедительно демонстрируют полное равнодушие к судьбе вверенных им россиян.

И поэтому России не о чем говорить с Путиным: единственно адекватные формы коммуникации — отмененное голосование «против всех» и интернетовское «ПРЕВЕД, КРОСАВЧЕГ!»

Руководитель Института проблем глобализации Михаил Делягин отвечает на оставшиеся без внятного ответа (или вообще без ответа) вопросы президенту России.

Все вопросы президенту России, набравшие при голосовании в Интернете более 5 тыс. голосов, на которые Путин не ответил:

1. ПРЕВЕД! Как вы относитесь к МЕДВЕДУ?

Кросавчег, 19 лет, Москва, 04.07.2006 — 28 424 голоса

Бесконечное повторение превращает в пошлость самую хорошую и свежую шутку. Культ навязчив и неприятен всегда — не только в политике, но и в обычной жизни. Мне «МЕДВЕД» надоел — думаю, большинству пользователей Интернета тоже, но его все-таки жалко. Думаю, со временем он войдет в учебники истории, рассказывающие о нашем времени, и даже в раздел «культура».

А вот язык «падонкафф» туда не войдет, потому что русский язык — одно из наших главных богатств, и его сознательное уродование вместо развития — признак не чувства юмора, а определенной ограниченности.

2. Собирается ли Российская Федерация использовать для обороны своих рубежей огромных боевых человекоподобных роботов?

Владимир, Москва, 02.07.2006 — 26602 голоса

Что, насмотрелись на «политических андроидов» и затосковали по человекоподобию, да еще и приносящему пользу? Да, мы допустили ошибки и перегибы... от растерянности, от неумения, но допустили — приходит время исправлять, но исправлять с умом, обязательно советуясь с обществом.

А это требует времени. Так что подождите немного — думаю, до выборов: будут вам люди в политике, и политика будет приносить вам пользу.

Что же касается популярных компьютерных игр, то наши технологии пока развиваются в несколько ином направлении, и конструкторы создают более эффективные системы вооружений, чем человекоподобные роботы, часть которых поступит в войска уже в ближайшие 2-3 года.

Мы прекращаем позорную практику, по которой российский ВПК не живет, а прозябает за счет экспорта, а иностранные государства получают на порядок более современную технику, чем российская армия. Понятно, что масштабное перевооружение будет дополнено, с одной стороны, недопущением монополизма, чтобы наши уважаемые оборонщики не вздували цены, а с другой — изменением структуры армии и методов ее действия. Уставы и боевые наставления будут переписаны не только с учетом боевого опыта последних лет, но и прогнозируемого характера вооруженных конфликтов.

Мы, россияне, — самые мирные люди в мире, потому что лучше всех помним, да и по недавнему опыту знаем,

что такое война, какой это ужас. Но, к сожалению, существует только один способ гарантированно не допустить войны — это быть к ней готовым.

3. Как вы относитесь к пробуждению Ктулху?

Виктор, 29 лет, Москва, 30.06.2006 — 16 682 голоса

Мне ближе российский аналог— спящий пес П...здец, придуманный Пелевиным. В мистику я не верю и потому в ней не разбираюсь, но пробуждения всей этой публики, что бы конкретное под этим пробуждением ни подразумевалось, не будет ни в какой форме. Не допустим: вы за меня голосовали и платите государству налоги в том числе и для этого.

4. Когда закончится дискриминация русских?!

Владимир, 47 лет, 30.06.2006 — 15 490 голосов

Когда мы перестанем ее терпеть. Согласитесь, что крайне сложно помогать тому, кто сам себе помогать не хочет или не может. Более того: слишком терпеливых людей, не кричащих о своих проблемах, государству труднее заметить... И иногда их не замечают, даже когда они умирают.

Мы положим этому конец.

Говорить, что мы покончим с дискриминацией русских с завтрашнего дня, я не буду — это тяжелая задача, связанная в том числе с изменением мироощущения и самосознания целого народа, и какого! Но государственную политику мы в корне изменим с утра завтрашнего дня.

Встряхнем тех бюрократов, кто не боролся с дискриминацией от лени, разъясним суть дела тем, кто считает, что всякое большинство автоматически защищает себя просто потому, что оно большинство, накажем расистов — явных и скрытых. А то, действительно, само слово «русский» превратили чуть ли не в стыдное, чуть не в синоним слова «фашист»!

Никакая дискриминация по национальному признаку не может и не будет иметь места в России. Русофобия — такое

же преступление, как и антисемитизм. Это две стороны одной медали, и место им на свалке истории.

В России никогда больше не будет своего Косово, мы всегда сумеем поддерживать прочный межнациональный мир, если понадобится — железной рукой.

Кто надеется на иное, может обижаться только на себя.

5. А вы бы смогли прожить в однокомнатной квартире с 2-х летним ребенком, мужем/женой, и пожилой бабушкой со страшным диагнозом? Как дальше строить семью? В планах был второй ребенок, а теперь из-за таких условий развод... Когда МОЛОДАЯ СЕМЬЯ действительно сможет «осилить» СВОЮ квартиру, не думая о том, чем завтра кормить ребенка. Скажите, когда настанет этот день???

Олеся, 23 года, 30.06.2006 — 13 174 голоса

Вряд ли смог бы. По крайней мере, президентом в этой ситуации не смог бы стать точно.

Поверьте, я сочувствую вам и вашим близким от всего сердца. Ваши проблемы — разумеется, не личные, а те, которые можно решить — мы решим, мои слова — это поручение, в течение трех дней к вам обратятся и все, что надо, оформят.

Но понятно, что в вашем положении в сегодняшней России миллионы.

Мы будем снижать стоимость жилья за счет борьбы со злоупотреблением строителями своим монопольным положением, с одной стороны, и коррупцией городских властей — с другой. А то мелких жуликов у нас сидит много, а крупных — ни одного; это несправедливо. Наша задача — за 3 года снизить цену новостроек в крупных городах до 400, в средних — до 350, в малых — до 300 долл. за квадратный метр общей площади или ниже. Это касается и Москвы, и Санкт-Петербурга.

Чтобы максимально расширить предложение жилья, будем развивать ипотеку. Давать государственные гарантии,

при необходимости — дотировать из бюджета, чтобы проценты по жилищным кредитам не были кабальными.

Этого достаточно для развитых стран Запада, но не для сегодняшней России. Потому что у нас, несмотря на все нефтедоллары, 16 процентам населения не хватает денег на еду, а 88 процентам — на покупку простой бытовой техники.

Это национальный позор, это результат безумия бюрократии, за которое мне стыдно и которое мы исправим, но, пока это так, доступное жилье для 88% населения страны — это жилье бесплатное или почти бесплатное, предоставляемое по социальному найму.

И главными направлениями нашей жилищной политики отныне станет борьба с бедностью и строительство социального жилья. Второй ребенок гарантирует отдельную квартиру по минимальным нормам жилплощади, третий — большую, удобную квартиру.

Мы придем к этому положению в течение 3 лет.

И я приношу извинения, потому что это, в общем, не мое дело, но, может быть, Олеся, вам с вашим мужем еще стоит подумать? А мы со своей стороны свою работу выполним.

6. Будет ли легализована в России марихуана?

Лимонадный Джо, 30.06.2006 — 10 546 голосов

Ни-ког-да.

И клубы самоубийц тоже, и по той же самой причине.

Вы знаете, вероятно, что на сленге наркомафии марихуана называется «первой ступенью» — у тех, кто «подсел» на нее и привык к ней, качественно выше, чем у остальных людей, вероятность перейти к тяжелым наркотикам, от которых уже почти нет возврата.

Да и сама по себе она пагубно влияет на человеческое здоровье, в том числе психическое. Я знаю это в том числе и по своим знакомым, и по знакомым моей семьи.

И за время своего президентства я сделаю все, чтобы общество навсегда — не на год, не на четыре, а навсегда —

запомнило, что марихуана и прочие «легкие» наркотики — такой же смертельный враг человека, как и героин.

7. Может ли президент даже за два срока со своей ОФИЦИАЛЬНОЙ зарплаты скопить на хорошую квартиру? только ответьте честно, пожалуйста! Что вы о ценах на жилье в Москве думаете вообще?

Иван, 25 лет, 30.06.2006 — 8183 голоса

На хорошую квартиру в Москве с зарплаты скопить не могу, и почти никто не может. Цены в Москве — продукт спекуляций, коррупции и результат того, что заработанные на нефти и газе деньги из-за незащищенности собственности больше некуда вкладывать — ни гражданам, ни корпорациям.

Как будем решать проблему, уже сказал.

И, кстати, меня избирали не лжецом, а президентом, и поэтому, когда я говорю, я говорю честно.

8. Считаете ли вы что необходимо призывать в армию молодых людей у которых жены беременны и отцов детей в возрасте до 3 лет? И считаете ли вы что 4 тысячи рублей компенсации являются эквивалентонои заменой мужа и отца в такое сложное для женщины и ребенка время? И как это согласуется с вашей демографической стратегией?

Алена, 27 лет, Москва, 01.07.2006 — 7875 голосов

Б… буду, мы это исправим в течение двух месяцев. И ранее призванных вернем. Нельзя бросать женщину, когда ребенку меньше трех лет, особенно если это первый ребенок — по своей жене помню.

Пособие же на детей будет повышено. Оно и так повышается, но остается недопустимо низким. А надо, чтобы оно позволяло бедным, у которых нет нормального источника дохода, воспитывать ребенка не озлобленной шпаной, а полноценным гармоничным членом общества. Каждый новый ребенок должен быть пропуском в лучшую жизнь, и мы это обеспечим. Деньги на это есть — не хватало желания, потому что не все в государстве хотят слушать свою страну.

И я благодарен всем, задавшим вопросы, потому что вы о многом напомнили и мне, и многим другим.

9. Когда московскому «Спартаку» построят свой стадион?

Александр, 22 года, Москва, 03.07.2006 — 6668 голосов

Когда последняя бабушка перестанет просить милостыню, потому что у нее будет достаточная пенсия, последний бездомный ребенок получит крышу над головой, а последняя молодая семья получит, тем или иным способом, нормальную отдельную квартиру Строительство стадиона «Спартак» начнется на следующий день после этого.

Но вообще-то «Спартак», помимо того что является национальным достоянием, — частный клуб, и думаю, что его владельцы, если захотят, смогут решить эту проблему своими силами и значительно быстрее.

10. Многих беспокоят такие проблемы, как буквальный расцвет фашизма и православная агрессия по отношению к сексуальным меньшинствам, а так же прямое нарушение их прав и свобод (например, права на брак, свободы собраний), гарантированных Конституцией РФ и Международной Декларацией прав человека. Дело осложняется фактическим бездействием государственной власти. Прокомментируйте, пожалуйста, эту ситуацию. Спасибо.

Александр, 26 лет, 30.06.2006 — 6550 голосов

Многих беспокоят — а вас? Почему не говорите о себе? Откуда в 26 лет при анонимном вопросе такая обтекаемость?

Расцвета фашизма в России нет, и вообще фашизма как заметного явления у нас не существует. Кампанию по его пропаганде под видом борьбы с ней мы свернем, виновных в ней накажем, отдельные — именно отдельные — имеющиеся группировки искореним, они все известны.

Проблема межнациональной розни вызвана отсутствием политики внутрироссийской интеграции, в том числе

интеграции многообразных иммигрантов в единую русскую культуру. Есть в мире опыт неудачный — той же Франции, есть опыт удачный — той же Швеции, мы будем использовать удачный опыт.

Человек, приезжающий к нам, должен жить по нашим законам, а не по своим. Не может — научим, не хочет — заставим, будет сопротивляться — выгоним, но таких, думаю, будет очень мало. Наш образ жизни справедлив, наши традиции очень терпимы, и для честных людей, искренне желающих принять нашу культуру и работать вместе с нами ради процветания нашей Родины и собственного благополучия — не отказываясь, разумеется, от своей культуры, — двери в Россию всегда будут широко и гостеприимно открыты.

Есть проблема, которую долго не хотели решать — этническая преступность. Дело в том, что отличия в культуре проявляются во всех сфера жизни, в том числе и в преступной деятельности. И бороться с оргпреступностью, игнорируя культурную специфику, нельзя. Результат непонимания этого — фактическая безнаказанность многих оргпреступных сообществ, растущий гнев населения, рост межнациональной напряженности.

В США в ФБР есть отделы по различным этническим мафиям, и это не противоречит демократическим принципам, потому что демократия, если ее понимать правильно, вообще не противоречит здравому смыслу. И мы должны учитывать мировой опыт и творчески применять его в своей стране.

Перечислять через «и» фашизм с любой религией, в том числе и православием, я бы не стал. Это не только оскорбительно, но и неверно: фашизм не имеет права на существование, а религии, если не переходят в фанатизм или не начинают навязывать себя обществу и государству, — исключительно полезная вещь, укрепляющая мораль и трудовую мотивацию.

Тем более православие.

К нетрадиционной сексуальной ориентации я лично отношусь как к большому несчастью соответствующих людей. Американские психологи говорят: «Веселого гея (а «гей» в дословном переводе с английского как раз и значит «веселый») можно увидеть только в гробу». Как бы эти ребята и девчата ни бодрились, как бы ни ершились, очень многие обыденные человеческие радости для них объективно недоступны.

Я понимаю тех, у кого они вызывают омерзение, но по-человечески вызывать они должны жалость.

Их надо уважать, тем более их нельзя дискриминировать, но допускать пропаганду их образа жизни совершенно недопустимо — просто потому, что это пропаганда несчастья. И если государство позволит к определенной доле людей, у которых это несчастье врожденное, добавить других людей, у которых это будет уже приобретенным в результате разрешенной государством пропаганды, то такое государство тем самым совершит преступление против своих граждан. Поэтому пропаганда нетрадиционной сексуальной ориентации недопустима, даже если остальные граждане терпимо относятся к ней.

Ситуация же, когда эта пропаганда вызывает широкий протест, еще более однозначна. Государство должно защищать права меньшинств, но в первую очередь оно обязано служить большинству. И если большинство не хочет гей-парада, его не должно быть. С другой стороны, гей-клубы там, где они не вызывают массового протеста местных жителей, должны быть и должны охраняться, а любые нападения на них должны пресекаться так же, как и нападения на любые другие легальные заведения.

Если «свобода моего кулака заканчивается у вашего носа», как правильно говорят либералы, то свобода вашего образа жизни заканчивается там, где она начинает разрушать мой образ жизни.

Это нужно помнить не только большинству, но и меньшинствам.

11. Большая часть населения Крыма — русские по духу люди. В сложившихся условиях мы вынуждены получать украинские паспорта и смотреть телевидение на украинском языке, дети учат историю переписанную под Бандеру. Многие уезжают в Россию где живут на правах неграждан. При этом украинская оккупация крымской земли не имеет под собой законных оснований. Мы — часть русской земли и хотим воссоединения, нам не дают провести референдум. Каковы в этом отношении действия России.

Игорь, 25 лет, 30.06.2006 — 6507 голосов

Распад Советского Союза превратил нас в разделенный народ. Это касается не только русских, но и украинцев, казахов, белорусов и многих других. И мы должны сознавать себя разделенным народом, стремящимся к воссоединению. Это задача не сегодняшнего дня, истерики только навредят делу, но мы должны сознавать эту дорогу и твердо идти по ней, вдохновляемые примером немцев, которые уже воссоединились, и корейцев, которые воссоединятся в обозримом будущем.

Россия не может существовать без Украины — за исключением, разумеется, некоторых ее западных областей, и ей крайне тяжело жить без Белоруссии. В Средней Азии граница России с Казахстаном в принципе не может быть защищена и обустроена, в отличие от во многом объективной границы Казахстана с остальными государствами Средней Азии.

Но это — дальняя перспектива.

В близкой перспективе будущее Крыма зависит от украинских властей. Если они прекратят насильственную дерусификацию, остановят войну против русской культуры и русских школ, найдут пути урегулирования проблем с крымскими татарами, думаю, у вас не будет причин возмущаться ими, а российское государство должно будет приложить все силы для поддержания политики Украины.

Если же «оранжевая» политика переживет «оранжевую» коалицию, мы будем вынуждены изменить свое отношение

к Украине и начать борьбу по защите прав человека на Украине, взяв в качестве примера лучшие американские образцы.

Но я хочу подчеркнуть, что мы всецело уважаем суверенитет Украины, и наши действия будут определяться исключительно политикой самого украинского государства.

12. Не считаете ли вы, что лечить детей до 18 лет государство обязано бесплатно. Не жестоко родителям потерять ребенка не имея денег на его лечение, почему приходиться собирать всем миром на лечение тяжелых заболеваний(онкология, сердечно-сосудистые заболевания и т.д.) у детей. Почему государство не хочет лечить своих маленьких граждан.Кто придумал такие цены на операции, соизмеряйте тогда цены на лечение с нашими зарплатами

Ольга, 50 лет, Москва, 30.06.2006 — 6448 голосов

Если у родителей нет денег для лечения ребенка, оплачивать это лечение должно государство. Даже если это вызовет инфляцию: инфляция не та вещь, за которую можно платить человеческими жизнями и здоровьем.

Государственная политика в этой сфере будет изменена в корне, а виновные в том, что творится у нас сейчас, понесут заслуженное наказание.

Кроме того, государство обеспечит контроль качества медицинских услуг и искоренит произвол, позволяющий небольшой недобросовестной части медицинского сообщества, буквально нескольким паршивым овцам, завышать цены.

Это же будет сделано в сфере образования, потому что здравоохранение и образование — это не сферы обычных услуг, но сферы, где создается главная производительная сила всякого общества — человеческий капитал.

13. Нельзя ли сделать Интернет-сервис — где можно будет подать жалобу на ЛЮБОГО чиновника (от инспектора ГАИ до губернатора и от работника паспортного стола до вас;)), указав его координаты. По этой жалобе (или при на-

коплении 5-10 жалоб на этого чиновника) соответствующие службы обязаны будут проводить проверки, и вывешивать результаты на соответствующей странице (к примеру, у каждого чиновника будет своя страница, на которой будут указаны жалобы и результаты проверок).

Павел Канахистов, 20 лет, Ярославль, 04.07.2006 — 6350 голосов

Здесь есть технические сложности: возможность пропагандистских кампаний. Даже в сегодняшнем Интернет-опросе популярность некоторых вопросов — результат таких кампаний. Но это техническая проблема, которая легко решается. Мы никогда не выплеснем ребенка вместе с грязной водой.

То, что вы предлагаете, называется «электронным правительством», и мы его сделаем. Первая попытка провалилась из-за саботажа чиновников, но мы используем опыт бизнеса — и не только иностранного, но уже и российского.

Перевод принятия решений на электронную основу позволяет кардинально ускорить принятие решений и сделать их более прозрачными, что облегчает контроль и позволяет почти полностью уничтожить коррупцию.

Многим это не нравится, но их бюрократическое сопротивление будет сломлено: российский аппарат госуправления станет самым быстрым и гибким, самым эффективным в мире!

Время полной реализации этой программы, с учетом всех проблем, — 4 года.

14. Почему в России, студент, который получает красный диплом, должен уходить в армию, терять драгоценное время? С тем учетом, что за срок его службы могут произойти такие изменения в технологиях, что его знания устареют, и он не будет нужен как специалист в своей области?

Witch, 30.06.2006 — 5824 голоса

Наша армия будет профессиональной. Будете проходить сборы в течение двух месяцев для действий в чрез-

вычайных условиях или, не дай бог, большой войны, потом вас будут периодически переучивать, но обязательный призыв будет отменен.

Не завтра, потому что реформирование армии не должно поколебать нашей обороноспособности. Но через 4 года призыва не будет. Постараемся справиться раньше, но через 4 года я вам это гарантирую.

15. В каком возрасте вы начали встречаться с девочками и когда у вас был первый секс?

Настя, 17 лет, 30.06.2006 — 5640 голосов

Первый раз встретился с девочками, наверное, в роддоме — там все дети лежат на одном столе, и девочки, и мальчики, а первый секс был, когда я был немного старше Вас — и думаю, что это правильно.

Но вообще-то задавать столь личные вопросы незнакомым людям, даже публичным, не очень вежливо.

16. Почему вы не даете гражданам России ездить на нормальных автомобилях? Существуют огромные пошлины, которые могут быть в несколько раз больше стоимости автомобиля. Для чего? Если для поддержки нашего автопрома, так пусть и чиновники пересядут на отечественные. И сколько можно его поддерживать? Народ кормит только чиновников и олигархов платя высокие пошлины за нормальные автомобили. ДАЙТЕ РОССИЯНАМ ВОЗМОЖНОСТЬ ВЫБОРА АВТОТРАСПОРТНОГО СРЕДСТВА. ОТМЕНИТЕ ПОШЛИНЫ!!!

Константин, 30 лет, Москва, 30.06.2006 — 5544 голоса

Константин, а вы в какой Москве живете? Вы вообще по улицам ходите? Не видите, что по ним почти сплошь иномарки ездят?

Если пошлины, как вы пишете, в несколько раз больше стоимости автомобиля, то, извините, это не автомобиль, а металлолом, опасный и для тех, кто на нем ездит, и для всех окружающих, и эксплуатация такого автомобиля должна быть запрещена в принципе.

Так что ваш пафос, извините, я отношу к защите не народа в целом, а отдельных групп влияния, которые, конечно, имеют право и на существование, и на выражение своего мнения, но не на выступления от имени всего населения России. А когда они все же делают это, то выглядят, как и все горлопаны, немного смешно.

Если мы откроем свободный ввоз в Россию иномарок, мы убьем российское производство — вместе со всеми, кто на нем занят. Вы готовы взять на себя ответственность, даже ради своего удобства, за нищету и возможную смерть почти 2 миллионов человек и членов их семей?

Я — нет, я отвечаю не только за вас, но и за эти миллионы тоже, не только за ваш комфорт, но и за их жизнь.

Даже сборка иномарок в России наносит вред, так как лишает работы занятых в промышленности комплектующих материалов. А выплачиваемых сборочными производствами налогов недостаточно для создания новых рабочих мест, так как прибыль концентрируется у иностранных инвесторов — за границей.

Вывод прост и используется всем миром — защитить национальный рынок и развивать собственное производство. Просто защищать национальный рынок не имеет смысла — там все сгниет, и наш замечательный автопром тому еще пока полуживая иллюстрация. Надо развивать, модернизировать автомобильную промышленность.

Это сложнее, но иного пути нет. Сначала придется закупать готовые заводы и ставить их у себя, чтобы прибыль оставалась в стране, а затем будем постепенно развивать их. У нас даже свои представительские машины есть — в Санкт-Петербурге, например, собирают потрясающий лимузин «Русский вервольф». Название, конечно, чудовищное — а машина хороша. Так что мы можем все, просто надо сначала захотеть, а потом постараться.

Есть единственный вопрос, в котором ваш, Константин, пафос абсолютно верен — это безопасность российских автомобилей. Многие модели — просто «машины-убийцы».

Их производство будет законодательно запрещено, а заводам-производителям придется, пусть и с некоторой помощью государства, перейти на новые модели. Недопустима эксплуатация машин с уровнем пассивной безопасности по краш-тестам «1». С «Окой», у которой он вообще был «0», уже разобрались — скоро у России будет новая, безопасная микролитражка.

А кто из чиновников будет тормозить эти процессы, в том числе избавление от «машин-убийц» — тут вы опять правы — сам же на них и пересядет.

Альтернативные ответы на вопросы, на которые президент ответил в ходе Интернет-конференции:

17. Вопрос от Джузеппе из Южной Кореи касается Северной Кореи и ракетных испытаний: насколько опасна эта ситуация и что намерены делать в России?

Когда Россия использует свой дипломатический вес, чтобы приструнить Северную Корею и что заставит вас согласиться на санкции?

Мы не можем допустить, чтобы рядом с нашими границами запускали ракеты, которые теряют управление и детят неизвестно куда, и будем предпринимать соответствующие меры, в том числе дипломатические.

Напомню, что Северная Корея вернулась к своей атомной программе, когда ей в одностороннем тюрядке прекратили оказывать международную помощь, нарушив обязательства мирового сообщества. Если мировое сообщество будет вести себя так, что ему можно будет доверять, никаких санкций не потребуется.

Россия и ее стратегические союзники плотно сотрудничают с руководством Северной Кореи, и я убежден, что мы не допустим никаких серьезных эксцессов.

18. «Почему силы ПВО не применили никаких действий для того, чтобы отвести угрозу жизни двух миллионов жителей Приморья?»

Анастасия, 30 лет, г. Большой Камень

Потому что в реальности этой угрозы не было. Мы внимательно следим за всем, что делают наши соседи, и не только соседи, но реагируем только тогда, когда это действительно необходимо.

19. Сможет ли Россия перехватить ракету из Северной Кореи, если понадобится?

И не только из Северной Кореи, но и из всех других стран, из которых в принципе может прилететь ракета. Более того, эти страны хорошо знают причины, по которым им лучше не допускать таких ситуаций.

20. Наркотики погубили мою семью. Предлагаю ввести уголовное наказание за употребление наркотиков, наркоманов изолировать, а распространителей — убивать.

Наркомания — болезнь, поэтому наркоманов надо лечить. За распространение тяжелых наркотиков в крупных масштабах действительно надо ввести смертную казнь, как и за всякое сознательное массовое убийство.

Рентабельность наркоторговли такова, что других, не окончательных аргументов ее участники просто не воспримут.

21. Почему бы в нашей стране по примеру Голландии не легализовать легкие наркотики, такие, как марихуана? Не будет ли это способом снизить преступность и уменьшить употребление водки, а также суррогатов, которые вреднее?

Опыт Голландии хорошо изучен. Именно он доказал, что легкие наркотики — не альтернатива, а всего лишь прелюдия к тяжелым. Поэтому легализация легких наркотиков не снижает, а стимулирует преступность.

Что касается алкоголизма, то он лечится все же легче наркомании и имеет менее тяжкие социальные последствия.

Бороться с водкой распространением марихуаны — то же, что заливать пожар керосином.

Ведь и наркомания, и алкоголизм имеют социальные причины: они вызваны утратой смысла жизни. Эта экзистенциальная проблема в России вызвана глубоким пренебрежением, даже презрением государства к народу.

Оздоровляя государство, возвращая его на службу обществу, мы тем самым содействуем возвращению людям смысла жизни и искореняем важнейшую причину и наркомании, и алкоголизма.

Эти два явления будут лежать в одной могиле.

22. Если Иран не согласится на международное предложение, как это повлияет на позицию России? Вы готовы поддержать применение санкций?

Вы так надеетесь, что Иран пойдет на компромисс. Но можно ждать и ждать. И, в конце концов, все-таки не должен ли ООН занять жесткие позиции, то есть применить санкции?

Санкции помогают редко, а на ракетно-бомбовый удар по Ирану я согласия не дам. Его нужно уговаривать, с ним надо торговаться, его надо убеждать. Попытки запугивания, политика создания все новых угроз только усилят стимулы военной программы.

На худой конец, я не вижу, чем иранская атомная бомба принципиально хуже пакистанской или израильской. Но совсем недавно от создания атомной бомбы удалось отговорить — именно терпеливо отговорить — Бразилию и ЮАР, и этот опыт должен быть нашей путеводной звездой.

23. Многие сетуют на то, что «восьмерка»... превратилась в дискуссионный клуб. Госпожа Иванова, 22 года, из Астрахани, спрашивает: «Зачем вообще России быть членом такого клуба? Чего вы лично ждете от саммита в Санкт-Петербурге?» А Денис, 22 года, из Шатуры, интересуется повесткой дня саммита: «...объясните, почему именно темы

энергетики, образования и здравоохранения станут основными?»

«Восьмерка» по определению является дискуссионным клубом, в этом ее смысл и предназначение. Будучи членом «восьмерки», Россия может влиять на настроения и поведение глав наиболее влиятельных государств Запада. Это не всегда приятно, но это великолепная возможность, за которую надо сказать спасибо президенту Ельцину которую нельзя упускать.

Темы энергетики, образования и здравоохранения являются наиболее актуальными для всех членов «восьмерки». У каждого есть «свои», другие темы, но они менее интересны для его партнеров. Кроме того, по названным направлениям можно достичь определенных прорывов, выйти на новые взаимовыгодные договоренности.

24. Правильно ли я вас понял, что когда вы говорите о необходимости по основным вопросам повестки дня вырабатывать общие подходы членов «Группы восьми», то вы надеетесь, чтобы это рождало в дальнейшем и общую ответственность за эти вопросы.

Конечно. Участник выработки коллективных рекомендаций несет ответственность за последствия их реализации, даже и другими участниками обсуждения. Именно в этом смысл коллективной политической работы.

25. После вашей первой встречи с президентом Бушем господин Буш сказал, что смотрит в самую глубину вашей души. А видите ли вы его душу? Если да, то что вы там видите?

Президент Буш — патриот Америки и делает для нее все, что может. Он верен своей стране и ее ценностям, и эта верность — главное, что я вижу в его душе.

26. Будете ли вы использовать свой политический вес, чтобы создать баланс американскому влиянию в мире?

Чтобы создать баланс любому одностороннему доминированию, которое мешает развиваться России и человечеству в целом. Я допускаю, что уже весьма скоро это может быть доминирование не США, а иной страны.

Однако создавать кому-либо баланс — не значит с ним ссориться, это принципиально важно.

27. Вопрос: смогли бы вы лично прожить на 2,5 тыс. рублей в месяц?

Выжить — смог бы, прожить — нет. Но 13% населения не имеют и такого дохода. Сначала мы обеспечим прожиточный минимум всем гражданам России — на это нам понадобится, с учетом мер по развертыванию системы социальной помощи и изменения методик финансовой поддержки регионов, до полутора лет, хотя я надеюсь уложиться в год.

После этого мы будем постепенно повышать прожиточный минимум до социально приемлемого уровня.

28. Суточная стоимость продпайка служебной собаки — 57 рублей, суточная стоимость продпайка заключенного — более 50 рублей, суточная стоимость продпайка офицера Министерства обороны — 20 рублей.

Продпаек офицера стоит больше, наверное, вы имеете в виду стоимость пайка военного пенсионера. Этот паек не имеет содержательного смысла — это просто надбавка к пенсии. Повышая пенсии, мы повышаем пенсии и военным и доведем их до приемлемого уровня.

А стоимость пайка заключенного надо повышать: людей надо наказывать лишением свободы, но не голодом.

29. Когда же в России примут закон об отмене воинской обязанности? Об этом много девушек спрашивают, которые тоже хотят служить, но добровольно.

Девушки и так сейчас служат только добровольно, им никто не мешает. А про сроки отмены призыва я уже сказал.

30. Почему долг Родине нельзя отдать в рублевом эквиваленте? Почему бы не откупаться от армии, только деньги отдавать в казну, а не в карман военкома?

Евгений, 24 года, Кемерово.

Потому что не все продается и покупается.

Долг Родине в рублях не выражается и в рублях не выплачивается: это моральный долг.

Граждане — и богатые, и бедные — равны перед своей страной. Возможность откупаться превратит бедных в людей второго сорта, а богатых — в коррупционеров, даже если эта коррупция будет узаконена.

Такое положение недопустимо, и мы его исправим.

Все военкомы, торгующие Родиной, будут сидеть в тюрьме. У них есть месяц с сегодняшнего дня, чтобы явиться с повинной, — а потом их будут просто сажать, как и положено по закону.

Но неоправданно отмененные отсрочки мы вернем в ближайшие недели, а бороться с неуставными отношениями начнем на деле, а не на словах. Опыт есть — мало кто знает, что первый президент Ингушетии Аушев, когда полком командовал, практически искоренил, в нем «дедовщину». Думаю, он и другие офицеры поделятся своим опытом с большим удовольствием.

31. Кто наш потенциальный противник, кроме мирового терроризма? Кто главный враг?

Наш главный враг — наша лень, наша трусость, наша неорганизованность и, не побоюсь этого слова, глупость.

Остальные — и вне России, и отчасти внутри нее — нам не враги, а конкуренты, и относиться к ним нужно соответствующе. Разница в том, что врага нельзя превратить в друга, а конкурента, при определенных усилиях, можно сделать очень полезным партнером.

32. Возможна ли ситуация, при которой Россия отключит газ Западной Европе?

Теоретически возможна любая ситуация, но вот эта относится к наименее вероятным. Что, Евросоюз перестанет платить и начнет требовать газ бесплатно? Не верю, что в Европе могут прийти к власти настолько неадекватные люди, Европа для нас — очаг культуры и символ цивилизованности.

Что, не справимся с добычей газа, с освоением новых месторождений? — тоже исключено, у нас порядок и с деньгами, и с технологиями, и со специалистами, и с сотрудничеством с лучшими сервисными компаниями мира.

Думаю, что страхи такого рода вызваны психологическими, а не политическими или экономическими причинами. 20 лет прошло с начала перестройки, а Запад все не может отвыкнуть бояться Россию. Конечно, перестав бояться Россию, он во многом перестанет быть Западом, — но это же будет позитивная, а не негативная трансформация!

33. Создалось впечатление, что... есть политическое давление на Украину. И вот тот скандал в начале года не был лучшим началом Вашего президентства в «восьмерке». Вы об этом сожалеете? Вы не думаете, что это негативно сказывалось на имидже России, особенно в Европе?

Да, наши бюрократы умудрились абсолютно верную стратегию — ибо признавать суверенитет независимых государств надо не только на словах, но и на деле, в том числе и в сфере торговли — реализовать совершенно недопустимым образом.

Россия повела себя с Украиной как молодой человек, который предлагает любимой девушке руку и сердце, но делает это нецензурными словами. По сути все верно, а на деле полный бред.

Мы сделали ошибку и сейчас ее исправляем.

Однако надеяться, что мы будем спонсировать независимое государство, не стоит: у нас у самих много проблем, которые надо решать.

34. Что будет, когда нефть кончится?

Это будет настолько нескоро, что нам с вами об этом можно не думать: не доживем ни мы, ни наши дети.

Другое дело, что энергосберегающие технологии уже в ближайшие 10 лет могут кардинально снизить значение углеводородов, и это, конечно, не просто сократит доходы России, но и системно ослабит ее позиции.

Чтобы подготовиться к этому, надо диверсифицировать экономику, ускоренно развивать, а то и создавать заново высокотехнологичные отрасли и науку. К сожалению, долгие годы об этом только говорили, не делая практически ничего. В ближайшее время ситуация будет кардинально изменена.

35. Есть ли надежда на установление нормальных отношений между Россией и Грузией?

В Интернете сейчас пишут, что в ближайшую неделю буквально, то есть во время саммита «восьмерки» в Тбилиси, вроде бы планирует силовую операцию в Цхинвали. Насколько эти слухи обоснованны?

Вахтанг, Тбилиси, 35 лет.

В Москве сейчас жарко, и в Тбилиси, наверное, тоже. Некоторые пользователи Интернета перегреваются и начинают фантазировать; главное, чтобы не перегревались политики, принимающие решение.

Не верю в такие слухи просто в силу самоубийственности подобных действий для тех, кто будет их предпринимать. Они прекрасно знают, что при попытке спровоцировать обострение ситуации Россия немедленно, эффективно и в полном объеме, до последнего нарушителя, будь он грузином, осетином или марсианином, выполнит свои миротворческие обязательства.

Кроме того, более 90% населения Южной Осетии — граждане России. Российское государство обязано защищать их благополучие, если на него кто-либо будет покушаться, и будет делать это всеми имеющимися в его распоряжении способами.

Разумеется, мы предпочитаем мирные способы.

Что касается нормальных отношений между Россией и Грузией, препятствий их установлению с нашей стороны нет. Мы прекрасно сотрудничали с нынешним руководством Грузии по борьбе с терроризмом, охране границ и многим другим вопросам. Конечно, запрет на грузинское вино сильно обидел Грузию, но он будет отменен сразу же после того, как предназначенное на экспорт в Россию вино можно будет пить. Я сам истосковался по настоящим грузинским винам, по «Варцихе» и «Боржоми»! И я верю, что еще успею в своей жизни купить в магазине настоящий «Киндзмараули», а если повезет — то и «Хванчкару», но настоящие, а не опасные для здоровья.

Мы не можем травить граждан России даже ради доброго отношения к гражданам Грузии.

Вторая проблема двусторонних отношений — это Абхазия и Южная Осетия. Скажу прямо: когда их население не хочет жить в Грузии, я не вижу способа решения этой проблемы, устраивающей грузинское руководство, вне воссоединения России и Грузии.

Воссоединение это идет полным ходом, чуть ли не четверть Грузии уже живет в России и, думаю, через какое-то время данный вопрос может встать и в формальную повестку дня.

36. Как поступит Россия, если непризнанные республики СНГ — Приднестровье, Абхазия, Южная Осетия — проголосуют на референдумах о вхождении в состав Российской Федерации? Каков будет ваш ответ?

Некоторые из них, насколько помню, уже провели такие референдумы, но в то время они противоречили международному праву и потому были оставлены российским руководством без внимания. Но признание независимости Косова кардинально меняет отношение мирового сообщества и международного права к вопросам самоопределения.

Поэтому нужно будет провести аналогичный референдум в России и, если наш народ того пожелает, принять в наш состав новые территории. Разумеется, придется учитывать конкретные гуманитарные детали — например, районы компактного проживания грузинского населения в Абхазии и Южной Осетии могут при желании вернуться в состав Грузии, но это уже будет одним из вопросов проведения границ.

Существенно и то, что непризнанные государства в силу своего положения притягивают международный теневой бизнес и организованную преступность, и воссоединение с Россией — один из наиболее реальных на сегодняшний день способов борьбы с этим глобальным злом.

37. Если вы считаете, что Абхазия, Южная Осетия и Приднестровье имеют право сами решать свою судьбу в таких условиях, как вы объяснили, то почему такого же права нет у Чечни?

У Чечни такое право было, причем завоеванное с оружием в руках, как бы это ни было для нас горько, и Чечня этим правом воспользовалась, заявив на референдуме о желании остаться в составе России. Переход же на сторону России большого количества ее бывших врагов и до, и после референдума подтверждает этот выбор чеченского общества.

Помимо большого количества правовых и содержательных различий, этих двух фактов, я думаю, достаточно.

38. Стоило ли вести войну в Чечне? Страдали тысячи жителей Чечни, погибли и многие русские, в том числе на Дубровке и в Беслане. Стоило ли платить так дорого?

Война в Чечне — чудовищная смесь ошибок и преступлений, не расследованная до сих пор. Даже Дубровка и Беслан не расследованы так, как надо, хотя мы займемся этим в ближайшее время и установим истину.

Но не будем забывать, что в 1991-1994 годах в Чечне шла чудовищная этническая чистка с элементами геноцида, а остальную Россию буквально захлестнула волна чеченской организованной преступности.

Да, борьба с этим злом велась плохо, но необходимое дело лучше сделать плохо, чем не делать никак.

В 1996 году Россия пошла на предоставление Чечни фактической независимости — и чеченское общество не справилось с самостоятельностью: начался новый разгул бандитизма, который в 1999 году выплеснулся на территорию России и обернулся подлинной террористической войной. И в итоге Чечня проголосовала за сохранение в составе России.

Да, жертв могло быть на два, а то и три порядка меньше.

Да, мы разберемся с произошедшим и накажем дураков и предателей.

Но территориальной дезинтеграции, распада России мы не допустили и не допустим, и это правильно. И Чечня никогда не будет местом кромешной резни, в которые превратились, например, Сомали или Восточный Тимор.

39. Вы говорите, что не потерпите никогда дезинтеграции России. А те люди в Грузии, которые слушают наш разговор, могут сказать, что Грузия тоже не терпит. Все то, что происходит в Южной Осетии, в Абхазии, они видят в этом параллелизм.

Если Абхазия и Южная Осетия проголосуют за сохранение в составе Грузии, Россия примет это решение. Однако его сделало принципиально невозможным именно последовательное отношение Грузии к Абхазии и Южной Осетии.

40. Скажите, чем был продиктован ваш поступок — поцелуй мальчика Никиты в живот?

У меня слишком много работы, я мало вижу своих детей и скучаю по ним. Иногда в других детях я вижу своих детей, и мне хочется поиграть, повозиться с ними.

41. У меня родился сын! Назвал Матвеем___Как вы думаете, ему повезло, что он родился в России? Только честно.

Думаю, лучше в самое плохое время родиться русским в России, чем в самое хорошее — например, американцем в США. Не говоря уж, например, о таких странах, как Тимор или Сомали.

Но у нас сейчас совсем не самое плохое время, скорее наоборот. Вот если бы он родился 15-20 лет назад, можно было бы говорить «не повезло». А сейчас — думаю, он еще столкнется с завистью по поводу того, что он русский. Мы, государство, это планируем и этого добьемся.

42. Кит Малин из Сингапура рассказал, что 4 года работал в Санкт-Петербурге, и ему очень мешала повсеместная коррупция, и в работе, и в обычной жизни. «Что надо сделать, чтобы нормализовать ситуацию?», — спрашивает он, чтобы не приходилось бояться, что любой милиционер может тебя задержать, допросить и отпустит только за взятку?

Борьба с коррупцией еще не велась в России — у одних не доходили руки, другие считают коррупцию благом для себя.

Эта борьба начнется в ближайшее время; ситуация облегчается тем, что ничего принципиально сложного в ней нет, все механизмы давно и детально проработаны.

Первый шаг — упрощение структуры органов госуправления и перевод его на электронный документооборот, о котором я говорил. Полная прозрачность принимаемых решений, соответствие их жестким процедурам и нормативам, наличие большого количества контуров обратной связи, в том числе и конфиденциальной, создаст объективные институциональные и технологические предпосылки для существенного ограничения коррупции.

Второй шаг — создание материальных предпосылок: повышение зарплаты и социальных гарантий чиновникам (во многом это уже сделано), привязка на формальной основе уровня их оплаты к эффективности работы.

Третий шаг — масштабная чистка госаппарата, не для сокращения его численности (она должна быть проведена на первом этапе, в ходе реструктуризации), но чтобы убить саму культуру коррупции.

На этом этапе целесообразно масштабное и разнообразное провоцирование чиновников на получение взяток (по образцу операции «Шейх», проводимой ФБР в США), а также освобождение бизнесменов-взяточников от ответственности в обмен на сотрудничество со следствием против получавших у них взятки чиновников (по образцу операции «Чистые руки», проводившейся в Италии).

В то же время следует понимать, что никакой контроль не может быть всеобъемлющ и безошибочен. Поэтому даже совершенный по структуре госаппарат требует скрепления идеологией, единым патриотическим духом.

43. В СМИ прошла информация о распоряжении президента Российской Федерации найти и наказать виновников убийства российских дипломатов в Ираке. Некоторые трактуют ваши слова как приказ уничтожить бандитов без суда. Нет ли здесь противоречия закону?

Если закон позволяет захватывать и убивать граждан России, это неправильный закон, и мы его изменим или, как минимум, не будем ему подчиняться.

Однако в данном случае противоречия нет, так как решения международных органов, в том числе ООН, позволяют прибегать к таким действиям.

Кроме того, что значит «без суда»? Во всех подобных случаях суд проходит обязательно, в том числе и потому, что нельзя допустить случайного наказания невиновных или чрезмерного наказания. Просто он проходит в закрытом режиме.

44. Я уже два раза подавал документы на туристическую визу, но из-за бюрократической чехарды мне пришлось сдаться. Я уже писал вам; однажды вы обещали, что ино-

странцам будет проще получить визу. Почему же я не могу просто полететь в Москву и попросить пограничника поставить мне в паспорте нужный штамп? Помимо всех официальных соглашений вы имеете представление, насколько это трудный и бюрократический процесс?

Россия победила псов-рыцарей, татаро-монгольское иго, польское нашествие, Наполеона, Гитлера и либеральных реформаторов.

Победит и бюрократов консульской службы.

В рамках реструктуризации госаппарата, борьбы с коррупцией и бюрократизмом мы устраним ненужные барьеры.

Но должен сказать, что многие барьеры с нашей стороны — лишь ответ, в том числе и стихийный, личный ответ некоторых госслужащих на политику некоторых правительств развитых стран. Когда людей «просто так» лишают возможности навестить родственников, когда девушек обвиняют в намерении заняться проституцией просто из-за того, что они красивы, или требуют доказать, что они не беременны, когда вокруг посольств устраивают хаос и давку, как спекулянты во времена советского дефицита — мы должны отвечать на это, а слова слышат далеко не все западные правительства.

Еще недавно это казалось невозможным, но сегодня это реальность: развитые страны опускают подлинный «железный занавес», и Россия вынуждена отстаивать интересы своих граждан, в том числе и зеркально демонстрируя гражданам развитых стран порядки, применяемые их правительствами против граждан России.

Мы обуздаем нашу бюрократию, но, если Запад будет продолжать опускать «железный занавес» вдоль наших границ, вам по-прежнему не удастся въехать в Россию без визы.

45. Россия твердым шагом идет в ВТО, в то время как многие эксперты говорят, что ВТО для России невыгодно. Не боитесь ли вы, что членство в ВТО «похоронит» наше сельское хозяйство и многие другие отрасли, кроме добывающих?

Выяснилось, что никто и никогда не изучал по-настоящему последствия присоединения к ВТО для России. Виновные в этом понесут наказание, а пока мы притормозили присоединение к ВТО на время проведения соответствующего исследования.

Наш принцип самоочевиден: выгоды России от присоединения к ВТО должны гарантированно превышать потери. Если этот принцип не будет соблюден, мы подождем с присоединением. И, разумеется, мы не будем выполнять никаких обязательств «авансом», пока нас еще не пустили в ВТО. Если кто-то где-то — я верю, что по недоразумению, — все же выполняет эти обязательства «авансом», возлагая на Россию бремя, за которое она ничего не получает, — он обязан немедленно прекратить эту вредную глупость.

46. Нам пишут со всего мира о проблеме расизма в России и особенно из Африки. Ноул из Найроби (Кения) спрашивает: «Как вы боретесь с этой проблемой? Я учился в России и меня дважды избивали из-за моего цвета кожи. У меня даже остался шрам на руке».

Вас тревожит этот рост такого поведения? Судя по письмам этих африканцев, особенно африканских студентов здесь, они чувствуют себя совершенно незащищенными.

Мне пишут и из России, в том числе люди, которых избивали просто за то, что они русские. Мы будем бороться со всеми проявлениями расизма и ксенофобии, в том числе по отношению к представителям африканцев.

Но если люди, живущие в России, не хотят жить по российским правилам, а навязывают окружающим свои, чуждые для них правила, этих людей будут сначала отторгать, а потом наказывать — и это не будет иметь отношения к расизму.

А о нашей национальной политике я уже рассказал.

47. Имеет ли право президент страны на ошибку и на какую?

Президент — человек и, как всякий человек, теоретически имеет право на ошибку.

Но его ошибки очень дорого стоят стране. Поэтому право-то я имею, но знаю, что страна не простит, если я этим правом воспользуюсь.

Самое тяжелое, что очень часто приходится принимать окончательные решения, последствия которых потом уже нельзя будет исправить, в условиях недостатка необходимой информации. Это особенность общественного управления как такового — и в России, и в США, и в Китае, и в других странах: информация всегда опаздывает и редко бывает точной.

Это тяжелое бремя, но за возможность приносить пользу надо платить.

48. Я голосовал за вас, но страна все больше отходит от демократии. Сильной оппозиции нет, выборов почти нет, свободного от государства телевидения и радио тоже нет. Когда же вы планируете вернуться к демократии?

Есть два понимания демократии.

Первое — содержательное, концентрирующее внимание на цели: демократия — общественное устройство, при котором управляющая система в наиболее полной степени учитывает мнения и интересы управляемых.

Второе — формальное, концентрирующее внимание на средстве: демократия — это совокупность институтов: разделения властей, независимого суда, парламента, выборов, свободы слова и ряда других.

Цель соответствует средству лишь для наиболее развитых западных обществ. В остальных демократическое содержание общественного устройства может быть обеспечено лишь иными, с западной точки зрения, не демократическими инструментами.

Поэтому искусственное внедрение демократических институтов в относительно неразвитые общества ведет не к «построению демократии», но к ее извращению. Так, «демо-

кратизация» исламских стран Западом вела к власти либо религиозных фундаменталистов, либо жестоких тиранов; убедительно иллюстрирует разрушительность «экспорта демократии» и Россия 90-х годов.

Если вы понимаете демократию как оторванный от жизни набор формальных институтов — вы голосовали за меня напрасно.

Если вы понимаете демократию как положение, при котором власть наиболее полно учитывает интересы и мнения народа — скажите, что именно мы учли не полностью, мы исправимся. Для этого и существуют механизмы общения, подобные сегодняшней Интернет-конференции.

49. Центральное телевидение теперь под контролем государства. И Вы бы все-таки согласились, за рубежом это производит такое впечатление, что Россия стала более авторитарной? Вы согласны с этим?

Россия стала менее демократичной и более авторитарной с формальной точки зрения. С содержательной точки зрения она более демократична, чем в середине 90-х, хотя, конечно, нам еще далеко до настоящей демократии.

Действительно, телевидение стало не советским, а откровенно совковым, смотреть нечего, политические дискуссии переместились на Украину и заменены чудовищной безвкусицей или тупой и бессовестной пропагандой.

Это касается, за небольшими исключениями, и остальных СМИ.

Но дело не в контроле государства как таковом, а в характере этого контроля, в том, что отдельные бюрократические группки приобрели недопустимую самостоятельность и начали от имени государства по своей инициативе проводить политику в собственных коррупционных интересах.

Эти группки будут нейтрализованы, контроль государства за СМИ возвращен в законные рамки, а демократические процедуры восстановлены — разумеется, в той степени, в которой они обеспечивают содержательную демократию, а не выхолащивают ее.

Что же касается впечатления, которое то или иное действие производит за рубежом, — главное те результаты, которое оно имеет внутри страны. А Запад на худой конец может и потерпеть.

50. А политическая оппозиция в России?

Вы хотите, чтобы я создавал сильную оппозицию? Это тоже моя забота? Президент обязан помогать обычным инвалидам, но на политических инвалидов это не распространяется.

Хотя допущенные перегибы, выхолащивающие содержательную демократию — объявление экстремизмом любой критики власти и некоторые другие,— мы, разумеется, устраним. Именно потому, что общество обратило на это наше внимание.

51. Чем грозит россиянину свободная конвертация рубля? Это вроде бы хорошо. Но вдруг рубль молниеносно окрепнет и курс его поднимется, скажем, до 17 рублей за доллар?

Курс рубля полностью контролируется Банком России. Никакой дестабилизации валютного рынка мы не допустим — необходимые резервы у нас есть с избытком.

Что касается свободной конвертируемости рубля, это скорее лозунг. Принципиальные ограничения на движение капитала не действуют уже несколько лет, но, если они вдруг понадобятся, мы их используем.

52. За кого вы будете болеть в финале чемпионата мира?

Жестокий вопрос.

В следующий раз надеюсь поболеть за наших.

В этом году болел за украинцев — молодцы, не подвели. Надеюсь, наши возьмут с них пример.

Итальянцы играют грубовато. Поэтому, наверное, в финальном матче буду болеть все-таки за французов.

53. Чем именно вы как русский человек гордитесь больше всего? Чего больше всего приходится стыдиться?

Горжусь культурой, языком, историей. Тем, что наши деды закрыли дорогу фашизму, а отцы проложили дорогу в космос. Тем, что наши прадеды доказали всему миру, а мы подтвердили еще раз, что несправедливая власть не может быть прочной. Тем, что у нас великое будущее.

Стыжусь терпеливости и пассивности русского народа, за которые пил еще Сталин, стыжусь нашей бюрократии, которая служит личному потреблению, а не своей Родине. Стыжусь принадлежности к государству, которое своей политикой едва не угробило страну, — но вот эту политику мы в ближайшее время исправим.

А то знаете, как люди говорят? «Разрешили воровать и врать и назвали это рынком и демократией». Вот такой рынок и такая демократия канут в Лету, а мы сделаем все как надо.

54. Почитал в Интернете, о чем вас спрашивают, и был поражен содержанием вопросов. Действительно, важные вопросы существенно уступают в популярности несерьезным. Интернет — территория молодых и относительно успешных граждан. Есть ли будущее у страны, молодежь которой столь поверхностна?

Михаил, 55 лет.

К каким выводам вы приходите, узнав, какие вопросы больше всего интересуют россиян?

Вячеслав, 33 года.

Молодежь поверхностна, но чего вы хотите, когда полтора десятка лет почти никого почти ничему не учил? Будем восстанавливать систему образования — разумеется, на качественно новой, современной основе.

Что же касается россиян — приятно, что власть перестали бояться. Приятно, что над ней начали подсмеиваться. Правильно, что от нее начали требовать. Это не очень приятно, но ничего, стерпится — слюбится.

Удивительно, что не спросили про Стабфонд. Безумная глупость, которая длится уже несколько лет, которую то ли в книгу рекордов Гиннесса пора заносить, то ли в Уголовный кодекс, а вроде все согласны.

Не спросили и про ряд других вещей, которые людей заботят, — об этом свидетельствуют социологические исследования.

Но мы и неназванные проблемы все равно будем решать.

Ведь наш народ — самый деликатный по отношению к власти народ в мире. Жену, детей и соседа не простит, а в положение начальника войдет. И государству этой деликатности поддаваться нельзя, а то очередной застой выйдет.

А мы начинаем не застой, мы начинаем модернизацию, какой не то что наша страна, но и вся наша планета еще не видела!

Вопросы, на которые президент ответил после проведения конференции, не рассматриваются, так как нет уверенности, что отвечал он, а не его аппарат (эти подозрения подкрепляются совершенно иным стилем его ответов).

Приложение 2

В ЗАЩИТУ РОССИЙСКОГО НАРОДА

Письмо в редакцию «Ежедневного журнала» (ej.ru)

Прошло уже довольно много времени после убийства Анны Политковской, но в ушах все звучат слова президента Путина о том, что ее смерть навредила возглавляемому им государству значительно сильнее, чем ее жизнь. В переводе на русский: «Да это не я это сделал, мне это меньше всех надо!»

Искренний у нас президент, что поделать.

Но беда в другом — в том, что после этого убийства весь русский Интернет был (а во многом еще и остается) буквально забит разнообразными грязными выражениями восторга и одобрения этого убийства, которые шокировали нормальных людей, а одного из моих знакомых даже подтолкнули к эмиграции из страны.

Я общаюсь с большим количеством левых и патриотов, в том числе отнюдь не страдающих избытком интеллигентности, и был поражен отличием их реакции (вполне нормальной и человеческой) от того, что транслировалось на Интернет-форумах от имени их якобы единомышленников.

Для выяснения реального отношения российской Интернет-общественности к убийству Политковской я вскоре после него запустил на своем сайте forum.msk.ru (6-7 тысяч независимых посещений в день) соответствующий опрос. Должен отметить, что сайт носит лево-патриотический характер, и основная часть его посетителей не просто не раз-

деляют ценностей Политковской, но и считает слово «либерал» тяжелым личным оскорблением.

Поскольку этот сайт не очень популярен в либеральной среде, считаю необходимым сообщить результаты опроса также и либеральной аудитории. Они показали, что абсолютное большинство лево-патриотических пользователей российского Интернета является нормальными людьми.

427 человек (33,15% из 1288 ответивших за 2,5 дня) положительно относятся к творчеству Политковской и не одобряет ее убийства.

533 человека (41,28%) отрицательно относятся к творчеству Политковской и также не одобряют ее убийства.

189 человек (14,67%) не знают, кто она такая.

Лишь 127 человек — 9,86% — отрицательно относятся к творчеству Политковской и одобряют ее убийство.

12 человек (0,93,%), относящихся к творчеству Политковской положительно и при этом одобряющих ее убийство, вероятно, -в той или иной степени психологически нездоровы.

Итого: при доминирующем негативном отношении к творчеству Политковской (51,14% против 34,08%) абсолютное большинство (74,43% против 10,79%) является нормальными людьми и не одобряет ее убийства.

Таким образом, вакханалия ненависти в отношении Политковской, развернутая после ее смерти в Интернете, является отражением не реального отношения к ней российских Интернет-пользователей, но спланированной информационной кампании.

Не секрет, что значительная часть антисемитских, экстремистских и других провокационных высказываний на российских Интернет-форумах делается специально занятыми этой работой и, вероятно, неплохо оплачиваемыми людьми. Это было хорошо видно во время протестов пенсионеров против монетизации льгот в январе-феврале 2005 года, когда власть испугалась и бросила все силы на подавление

и дискредитацию протеста пенсионеров. Тогда буквально в один день две трети интернет-антисемитов переквалифицировались в интернет-антипенсионеров, а потом, когда страх правящей бюрократии прошел, вернулись к своей привычной антисемитской пропаганде, призванной поддерживать государство по принципу «разделяй и властвуй» и создавать оправдание для политических репрессий как «единственного способа спасения от русского фашизма».

Приложение 3

ДОБРО И ЗЛО

Как на взлете века
Добрый человек
Злого человека
Взял и ниспроверг.
Из гранатомета
Положил козла, —
Знать, оно, добро-то,
Посильнее зла.

Когда примерно в 2000 году неизвестный автор выложил это стихотворение в Интернет, оно было юмористическим.

Когда я впервые увидел его в конце 2006 года и начал расспрашивать знакомых, трое из семи были убеждены, что это «народная песнь о полковнике Квачкове».

Меняется зло — меняется и представление о добре.

Что сказал Сурков

Знаменательна почти месячная пауза между ежегодным посланием президента и пропагандистским залпом Суркова, направленным на его развитие. Похоже, его сотрудники должны были «родить» что-то глубокое, но не смогли.

Обращение к идеологии показывает: захватив Россию, Путин и его окружение дозрели до потребности ее убедить.

Само по себе это ленинское желание похвально, но безнадежно: интересы правящей бюрократии несовместимы с интересами даже выживания России и большинства российских семей. Политтехнологии могут заменять реальность лишь для узкого круга лиц, «допущенных к Столу».

Поэтому главное, что бросается в глаза и превращает выступление из запланированного «сеанса черной магии» в ее «последующее разоблачение», — зияющая пустота, блистательное отсутствие позитивной программы и внятного образа «желаемого будущего».

Если убрать риторику, самооправдание, кивки на врагов и «документы президента и партии», вместо идеологии останется голая «разводка».

Каждый занимается любимым делом.

Отсутствие стратегической цели не случайно: живущие ради личного потребления, а не общего блага, имеют ее лишь для себя, любимых; уготованное же ими стране не поддается оглашению в силу инфернального цинизма.

Отсутствие привлекательной для общества цели обрекает правящую бюрократию на идеологическую импотенцию.

Главное в речи Суркова — заявка на власть в течение «10-15 лет». Удержаться так долго без разделяемой обществом идеологии можно лишь ложью и насилием.

Примеры налицо.

Классика жанра: «Не верьте, что наше общество как-то в большей степени коррумпировано, чем большинство обществ мира». С больного государства вина за коррупцию переложена на общество. Не верьте своим глазам — и все! Путин просто не оставил своим приспешникам других аргументов.

Сурков зовет формировать новую национальную элиту, но она не может возникнуть в рамках одной партии, да

еще столь тщательно избавленной от творческого начала, как «Единая Россия».

Скорее всего, он понимает это. Но слушатели из «Единой России» для него, похоже, как и весь народ, — просто «пушечное мясо» истории, призванное своими жизнями обеспечить хозяевам страны наиболее комфортное потребление.

Поэтому Сурков говорит о создании «целого класса» агитаторов, а не идеологов. Чувствуя, что любая ответственная идеология в стране в силу роли правящей бюрократии будет враждебна ей, он заранее кастрирует «Единую Россию», не позволяя ей стать инструментом выработки идеологии и обрекая на существование в качестве не более чем стаи бюрократизированных попугаев.

Пытаясь программировать будущее, Сурков переписывает историю. Он старательно признает осознанное нашим обществом, вопреки оголтелой официальной пропаганде, величие нашего прошлого и достижения СССР, жестокость глобальной конкуренции, необходимость суверенитета, в том числе и как условия конкурентоспособности.

Он признает то, чего уже нельзя не признать, не показав себя откровенным идиотом или врагом России.

Сурков «прикладывает» либералов, считающих 90-е годы «золотым веком», и пытается снова представить победу силовой путинской олигархии над коммерческой ельцинской победой государственности над воровством.

В 2003 году это работало, но с того времени стало слишком заметно, что масштабы воровства в результате этой «победы» фантастически выросли, а путинские олигархи отличаются от ельцинских статью, мастью и возросшими аппетитами, но не сутью.

Путинский режим — лишь продолжение ельцинского, и Сурков невольно подчеркивает это, говоря о наставших «порядке» и «демократии»: почти каждое его слово противоречит реальности, а признание, что зарплата учителей после 6

лет небывало дорогой нефти и 2 трлн. руб., замороженных в бюджете, составляет лишь 60% советского уровня, разоблачает Путина лучше любой листовки.

Заменив демократическую демагогию патриотической, путинский режим продолжает олигархический грабеж, подавление населения и горбачевскую политику сдачи национальных интересов ради частной выгоды (включая благосклонность Запада) отдельных лиц. «Энергетическая горбачевщина» выражена в идее «энергетической сверхдержавы», каковых просто не бывает: или, развивая высокие технологии, страна слезает с «нефтяной иглы», или деградирует, теряя суверенитет.

Уверенность в безнаказанности развязывает языки. Путин по сути дела признался, что пресловутая «Байкалфинансгруп» была создана, выражаясь языком ратифицированной Россией по его инициативе Конвенции ООН об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности, для «отмывания» захваченных активов.

А Сурков назвал главным шагом Путина «предложение всем исполнять закон», попираемый отменой выборов губернаторов, манипуляциями с выборами и налоговым террором, основанным на различном толковании закона для различных налогоплательщиков (так, «Газпром» получил «Сибнефть» примерно по тем же схемам, за которые разгромили «ЮКОС»).

Поражает, что Сурков непринужденно вынес Путину по сути дела политический приговор, описывая в качестве заведомо неприемлемой (якобы возникшей бы при победе патриотической оппозиции) именно любовно выстроенную тем систему: «Ухудшенная копия советского... бюрократического государства... даже без советского величия. Это... смехотворная пародия, которая... ввиду своей абсолютной несостоятельности приведет нацию к демографической катастрофе и политическому краху».

Как это свойственно творческим натурам с подвижной психикой, часто, говоря о других, Сурков говорит о себе. Это эффективный прием полемики: обвинять оппонентов в своих недостатках. Отсюда фразы типа «у них нет идеологии, у них есть только паранойя» и «из нас хотели бы сделать службу... по охране трубопровода».

Разрушение общественной идентичности

Тем не менее официальная пропаганда не безобидна.

Используя термин «фашизм» как «оружие массового поражения» оппозиционеров, она вынуждает общественное сознание понимать под «фашистом» уже не изверга, а просто недолюбливающего Путина и видящего реальные межнациональные проблемы, то есть вполне разумного и нормального человека. «Антифашистское» же движение «Наши», заработавшее стойкую репутацию «путинюгенда» и как минимум причастное к террору против оппозиции, дискредитирует вполне фашистскими по сути методами святую для нашей страны идею борьбы с фашизмом.

И попытка опорочить оппозицию ведет к начинающейся уже сейчас реабилитации фашизма.

Между тем советский народ и советская идентичность, остающаяся главным фактором, скрепляющим российское общество, сформировались в Великой Отечественной войне.

Приватизация темы борьбы с фашизмом нечистоплотными дельцами от политики, в силу самих своих личностей и образа действий обеляющих его, разрушает российскую идентичность.

Поэтому отделение пропаганды от реальной идеологии режима важны не просто с точки зрения текущей политики, но и как средство сохранения и развития российской идентичности, а значит — и России.

«Мы, Россия»

Официальная пропаганда объединяет два не просто различных, но и несовместимых пропагандистских концепта: для внешнего и внутреннего употребления.

При этом внутренняя пропаганда — отнюдь не профессиональная геббельсовская ложь, ломающая разум наглостью и тотальностью, а какое-то по-малолетски самозабвенное вранье, рассыпающееся даже не от критики, а от простого соприкосновения с жизнью.

Конечно, обычно пропаганда не вполне совпадает с реальной идеологией. Но она должна быть как можно ближе к ней, ибо каждое несовпадение слов, в которых выражается пропаганда, с делами, в которых выражается идеология, подрывает их обеих.

Полное расхождение внутренней пропаганды с внешней, а их обеих с реальной идеологией — самый наглядный признак нежизнеспособности режима.

Главный вопрос идеологии — самоидентификация: кто мы? Ответ здоровых сил России, находящихся в разной степени оппозиционности к правящей бюрократии, прост: люди разных национальностей и религий (включая, разумеется, атеистов), объединенные русской культурой.

Возможно, «нет ни эллина, ни иудея»; но есть русские — и важно не происхождение, а культура. Мы — не просто Россия, мы шире России. Ослабление русской культуры в постсоветском пространстве и отталкивание эмиграции может сузить наши границы до границ России, а возможно, и еще сильней. Но разумное государство переломит эту тенденцию: постараемся — будут и русские китайцы. Русская культура доказала способность не просто образовывать общество и поддерживать государство, но и обогащать при этом национальные, «домашние» культуры.

Наша миссия — возрождение России путем модернизации. В отличие от правящей бюрократии **нам нужна не власть — нам нужна Россия.**

Поэтому квинтэссенция нашей идеологии — созидание.

Наш враг — коррумпированная правящая бюрократия, превратившая государство в инструмент личного обогащения.

Наш союзник — всякий, кто хочет жить в России и зарабатывать на ее созидании, а не разрушении, и эта цель объединяет нас при всех наших различиях.

И мы будем делать все, что может сплотить потенциальных союзников против главного врага России, расщепляющей, раздробляющей и в итоге уничтожающей ее, — правящей бюрократии.

Главное средство — выражение в словах, а затем и в делах, и в навязываемых государству мерах проведенного обществом синтеза социальных, патриотических и либеральных ценностей, подразумевающих одна другую.

Искренний либерал видит, что презрение к своей стране недостойно свободного человека, делает невозможной демократию и открывает дорогу диктатуре. Свобода же людей делает их страну по-настоящему великой. Значит, либеральные ценности неотделимы от патриотизма.

Только благосостояние масс позволяет им пользоваться свободой. Демократия бедных — лишь прелюдия к диктатуре. Значит, либеральные ценности подразумевают и ценности социальные.

Носитель социальных ценностей — поневоле патриот, ибо только сильная страна имеет средства для социального развития, а благосостояние без сильной страны — чужая добыча.

Близки для него и либеральные ценности, ибо именно демократия позволяет гражданам защищать свои интересы. Бесправие же масс делает их нищими.

Наконец, патриот разделяет и социальные ценности, ибо благосостояние для всех — именно то, чем всегда будут гордиться и что всегда будут защищать.

Сегодня лишь внутренне свободные люди могут побеждать в глобальной конкуренции и обеспечивать величие Родины. Поэтому патриот объективно либерален.

Эти ценности неистребимы.

Могучий союзник оппозиции — корысть и мерзость правящей бюрократии, которая ежедневно доказывает каждому россиянину свою враждебность ему и его семье, выковывая эффективных лидеров завтрашнего дня, объединенных отторжением античеловечной политики.

* * *

И мы победим — не потому, что мы самые умные, не потому, что мы самые эффективные и даже не потому, что мы правы.

Мы победим по совершенно иной причине — потому, что добро побеждает зло.

Пусть даже не так легко и быстро, как хотелось бы.

СОДЕРЖАНИЕ

Делягин Михаил Геннадьевич

РОССИЯ ДЛЯ РОССИЯН

Редактор О. *В. Селин*
Художественный редактор Б. Б. *Протопопов*
Верстка *А. А. Кувшинников*
Корректор *Н. Н. Самойлова*

ООО «Алгоритм-Книга»
Лицензия ИД 00368 от 29.10.99, тел.: 617-09-52
Оптовая торговля: Центр политической книги — 937-2822, 8-903-519-8541 .
«Столица-Сервис» — 375-3211, 375-2433,375-3673
«ТД АМАДЕОС» — 513-5777, 513-5985
Мелкооптовая торговля: г. Москва, СК «Олимпийский».
Книжный клуб.
Торговое место № 30,1 -й эт. Тел. 8-903-519-8541
Сайт: http://www.algoritm-kniga.ru
Электронная почта: algoritm-kniga@mail.ru

Подписано в печать 06.11.2007.
Формат 84x108 $^{1}/_{32}$. Печать офсетная. Гарнитура «Таймс». Печ. л. 19,32.
Тираж 4000 экз. Заказ № 6849.

Отпечатано с предоставленных диапозитивов
в ОАО «Тульская типография». 300600, г. Тула, пр. Ленина, 109.

против всех

Михаил Делягин

Россия для россиян

«Я испытываю сильнейшее недоверие к официальной пропаганде. Наша официальная пропаганда слово «русские» использует только как синоним к слову «фашисты». Государство уже начало антирусские этнические чистки в коренных русских районах. Русские привыкли хотя бы к относительно нормальной жизни и высказывают государству недовольство, когда эти неписаные правила нарушаются. А беженцы с Кавказа никаких требований к государству не предъявляют и никакого недовольства не высказывают. Этим они очень удобны местным чиновникам, и при любом конфликте представители государства бессознательно встают на сторону тех, кто им удобен».
Эти слова известного экономиста, публициста и общественного деятеля М. Делягина очень точно отражают суть его книги «Россия для россиян», представленной вниманию читателя.

ISBN 978-5-9265-0436-8
9 785926 504368 >